

10.335
1966

ЛИТЕРАТУРНАЯ

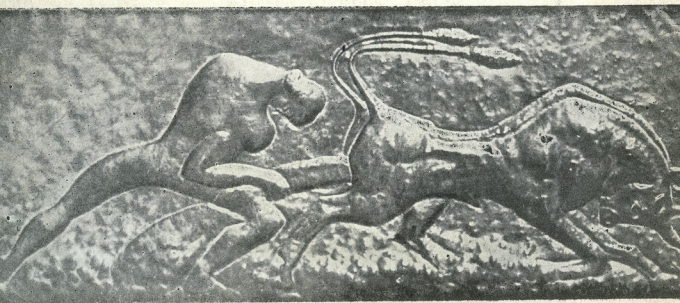
ГРУЗИЯ

10335

29

7

1966

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНАЯ Грузия

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ
ГОД ИЗДАНИЯ ДЕСЯТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

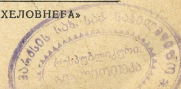
ОТАР ЧИЛАДЗЕ. Новые стихи. Перевод с грузинского Вл. Лугового	3
БОРИС АНДРОНИКАШВИЛИ. Август месяц. Повесть	5
ОТАР ШАЛАМБЕРИДЗЕ. Сухуми. Стихи. Перевод с грузинского А. Флешина	35
ГРИГОЛ ЧИКОВАНИ. Дуту. Из «Одишских рассказов». Перевод с грузинского К. Корнители	36
РУТА БЕРОДЗЕ: Хочу знать. Здесь он бродил... Стихи. Перевод с грузинского Л. Магистровой	42
РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ. О фонтанах. Песнь любви. Пантера. Испанская танцовщица. Смерть поэта. Стихи. Перевод с немецкого К. Богатырева	43
ДЕМНА ШЕНГЕЛАЯ. Писатель — исследователь жизни	45
ГЕОРГИИ НАТРОШВИЛИ. Вдохновенный мастер слова	47
КРИТИКА	
ГЕОРГИИ МАРГВЕЛАШВИЛИ. Дань с русской музы	51
ГЕОРГИИ ШАТБЕРАШВИЛИ. Гурам Рчеулишвили	61
ВЛАДИМИР ДЖИБУТИ. «Пожарам сердце радо...»	66
МИХАИЛ КВЛИВИДЗЕ. Так гори мне, гори...	70

См. на обороте

79.490

7

И Ю Л Ь
1 9 6 6

ИЯ МЕСХИ. Сага о Муррее

ИСКУССТВО

НИНО ГУДИАШВИЛИ. Художники-самоучки 76

800 ЛЕТ РУСТАВЕЛИ

САРГИС ЦАИШВИЛИ. Шота Руставели 80

А. КУТАТЕЛАДЗЕ, М. МАМУЛАШВИЛИ. О толковании термина «вепхи» 90

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

РЕВАЗ МАРГИАНИ. От съезда к съезду 92

✓ НАТАЛЬЯ ЧХЕИДЗЕ. Симпозиум по вопросам художественного перевода 93

С. РИЖИНАШВИЛИ. Вечер в Центральном Доме литераторов в Москве 95

Хроника 44, 65, 75, 89

На 2-й стр. обложки — «Пироманашвили» Дж. Хуцишвили и «Схватка с землей» С. Геркемлидзе.

На 3-й стр. — «Пейзаж» С. Мирнашвили. С выставки работ художников-самоучек и народных умельцев Грузии (см. статью Н. Гудиашвили на стр. 76).

Главный редактор **МИХАИЛ МРЕВЛИШВИЛИ**

Редакционная коллегия:

И. АБАШИДЗЕ, Б. ГАСС (ответственный секретарь),
Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ (заместитель главного редактора), **М. ЗЛАТКИН,**
А. КУЗЬМИЧЕВ, В. МАЧАВАРИАНИ, Р. ТВАРАДЗЕ, Э. ФЕЙГИН,
Н. ЧАВЧАВАДЗЕ, Д. ШЕНГЕЛАЯ.

Адрес редакции: Тбилиси, 8. Улица Ленина, 5, телефон 9-06-59.

НОВЫЕ СТИХИ

* * *

Время шло, и за окном
ездил кран, звенели пилы.
Каменщики новый дом
подводили под стропила.

Время шло, и вместе с ним
шла природа по сезонам.
Лес
то виделся сквозным,
то — поющим и зеленым.

Время шло, и по реке
шли подряд дожди слепые.
И солдаты вдалеке
пели песни строевые.

Время шло, а я все ждал,
ждал тебя к весне и к лету,
и рассеянно листал
позапрошлую газету:

Был перрон и стук колес,
и кричал гудок протяжный...
Время шло, и ветер нес
по дороге лист бумажный.

* * *

Имя твое собирал я наощупь,
позабывая имя свое...
Что-то твердит мне:
нынешней ночью
в полночь взорвется имя твое!
Что ж, на ветру собираю я осколки,
пыль вместо ветра сдую с них сам,
и поутру побреду в переулки,
детям игрушки эти раздаю.
С криком мальчишки их расхватают
и разбегутся по мостовым,
и разбросают, и растеряют,
и позабудут — долго ли им?

* * *

Быстро темнело. Мазал кармин
белые грани дальних вершин.

Млела долина. Медлила мгла.
Пыль за отарой следом плыла.

Лай удалился. Падал туман.
Остановился старый чабан.

Никого не провожал,
не встречал я на перроне.
Просто был и просто ждал,
уронив лицо в ладони.

Или песенки свистел,
не считал ни дни, ни годы,
уживаться не хотел
с переменами погоды,

ибо в тиканье часов
слышал: рано или поздно
и меня, в конце концов,
позовет земно и звездно!

Вспыхнут краски там и тут —
от восторга и до грусти.
Судьбы встречных позовут
и, запутав, не отпустят.

И меня, в конце концов,
как влюбленного подростка,
дым транзитных поездов
унесет легко и просто!

Только под вечер у водостока
в свете раскачивающихся фонарей
вдруг мне блеснет осколок восторга
или обломок боли моей...
Я не заплачу. Я успокоюсь.
Мне подмигнет оконцем ларек.
Буду вдоль улиц бродить я,
покамест
тени не вытянутся поперек.
«Что твое имя? Слово как слово!» —
сам же с собою я говорю.
Дверь отворю и захлопну. И снова
я почему-то дверь отворю.

Помню: стоит он, горд и могуч,
в ясных морщинах — солнечный луч.

Помню: стоит он, словно скала...
Блеяли овцы. Медлила мгла.

Мостик плетеный пел над водой.
Небу мерцалось первой звездой.

* * *

Марина! Ты слышишь?
Тому миновал уже год.
По улицам ветер,
Как старый шарманщик, бредет.

...Был снег, и всю зиму
я прожил в снегу, как в долгу...
Я все расскажу тебе,
все, если только смогу.

Шел снег. Ежедневно.
И сам же себя повторял.
И красочный город
все краски свои растерял.

Шел снег. Утомленно.
Как беженцев белый поток.
(Он слышался с неба,
как старости первый звонок.)

Я штору отдергивал —
и, не касаясь земли,
мальчишки по улицам
снежные флаги несли.

И реяли флаги.
И в ветре светились легко...
Шел снег. Днем и ночью.
Тогда ты была далеко,

Тебя я разыскивал
и на снегу засыпал.
И снег потихонечку
память мою засыпал...

Марина! Ты слышишь?
Тому миновал уже год.
По улицам ветер,
Как старый шарманщик, бредет.

* * *

В улицах предместья
дождь стоит высокий.
Добрый и печальный.
Бледноглазый.

Сторонясь прохожих,
он явился в город
ради этой встречи.
Ради нас с тобой.

Боже, как все было
сказочно и просто!
Протянулись руки,
встретились глаза!
Ветер шел по крышам.
Дым летел фабричный.
И звучали в ветре
наши голоса!

В том веселом ветре
были мы как дети.
Слезы и улыбки,
песню и печаль —
мы делили просто.

И слова роняли,
как цветы в апреле
розовый миндаль.

...Ты ушла однажды
и не оглянулась.
Улицей усталой
ты ушла одна...
Что с тобой? Ты плачешь?
Вот ты и вернулась!
Дым летит фабричный.
Ветер и весна.

Будет сплетня шастать
в тесных переулках,
но и все ж — не даром,
нас храня с тобой,
в улицах предместья
дождь стоит высокий.
Добрый и печальный.
Бледноглазый.

Перевод с грузинского В. л. Лугового

Август месяц

ПОВЕСТЬ

1

Поезд замедлил ход. Дверь поехала в сторону и открыла перрон с пальмами, синее небо и клумбы.

Соседка по купе водрузила на нос черные очки.

— А где твои? — спросила она. Всю дорогу от Москвы она мне покровительствовала, поила чаем и делилась впечатлениями от дорожных пейзажей. — Ведь они были где-то здесь!

Я поискал для виду.

Солнце слепило глаза и размаривало людей на перроне. Их было мало. И видно им до смерти надоело ходить по пеклу. Одни стояли к солицу спиной, другие, приставив к глазам ладонь козырьком, смотрели на вагоны со скукой и ленью, как на что-то, что, может быть, и необходимо само по себе, но им совершенно не нужно.

Носильщики сидели на корточках в тени ограды, и когда отъехала дверца, я видел, как они поднялись на ноги и не спеша двинулись к поезду. Они вошли в тень вагонов и остановились, глядя туда и сюда вдоль поезда, нет ли желающих воспользоваться их услугами.

Дежурный по вокзалу стоял, опершись на заборчик, и смотрел на поезд. Он даже не скрывал, как ему скучно все время вот так встречать и провожать поезда. Особенно этот, который придет, постойт минутку и проследует дальше, а ему из-за этой минуты нужно выходить в жару, стоять с флажком и смотреть на скучную публику.

Только мы вышли, как дежурный поднял палочку и выпрямился. Поезд загудел. Наш вагон пошел мимо пальм и скоро скрылся за поворотом. Я смотрел ему вслед, вслушивался в тарыхтеные колеса.

— Куда ты смотришь? — с беспокойством спросила моя попутчица. — Что там интересного? Неужели ты никогда не видел, как уходят поезда?

Издали донесся прощальный гудок паровоза.

— Видел, когда приехал на практику в Липецк.

— А больше не видел?

— Видел, но это было не то.

— Что же там было такого особенного?

— Там было то особенное, что мне не хотелось туда ехать.

— Ну? — сказала она. — А что же ты смотришь сейчас? Тебе и сюда не хотелось ехать? — Я молчал, и она спросила: — Зачем же тогда ты ехал?

Мы распрощались. Ее встречала подруга, и они ушли с носильщиком.

На площади меня остановила женщина и спросила, не нужна ли мне комната.

— Совсем у моря. Наши постояльцы всегда очень довольны. Уезжать даже не хотят.

— Не хотят?

— Нет.

— Совсем не хотят, остаются?

— Уезжают, конечно, но с неохотой, — смущаясь и злясь, ответила женщина. С ней была девушка. Она сказала: — У нас очень хорошо.

Только я подхватил чемодан, подошла еще одна хозяйка.

— Комната нужна?

— Нет.

— На улице Микояна, если знаете наш город.

— Мы уже договорились.

— Вот сюда, сюда, — уводила меня хозяйка. — Сейчас автобус придет.

Мы пошли через площадь. Цветы и пальмы, фруктовые лотки, дома, увитые ползучим виноградом, террасы и чисто вымытый ноздреватый асфальт.

Народу в автобусе было как на хорошем футбольном матче. Хозяйку и девушку — ее звали Нани — сразу же оттеснили в сторону, а меня прижали к твердой спинке сиденья так, что я даже пошевелиться не мог. Рука напряглась, как будто я держал швейную машину, а не обыкновенный чемодан, а народ все валил, и было удивительно, сколько человек может вместиť один автобус. Вдруг я почувствовал, что кто-то роется у меня в заднем кармане, где лежали деньги. Пока я растолкал окружающих и бросил, наконец, проклятый чемодан, все уже было кончено. Деньги исчезли, как будто их и не было.

Дальнейшее я помню смутно. «Какая глупость, только приехал и уже обворовали», — твердил я, как будто если бы меня обворовали позже, было бы не так обидно. Затем я потребовал, чтобы водитель остановил машину, словно деньги я уронил в окно. Уши у меня заложило. Кто-то сказал:

— Вот сейчас только двое сошли...

Автобус остановился, мы вышли. Публика смотрела на меня сочувственно. Хозяйка всплеснула руками:

— И как это вы так неосторожно! Надо все-таки остерегаться!

— Негодяи! Негодяи! — приговаривала Нани. Она держала меня за руку.

Появился милиционер. Он поднялся на переднюю ступеньку и окинул притихшую публику строгим и испытующим взглядом. Черные усики его, тонкие и угрожающие, торчали, словно маленькие стрелки.

— Сошли, сошли, двое сошли! — говорили милиционеру пассажиры. Милиционер еще немного погипнотизировал их и подошел ко мне записать фамилию. Автобус, покачивая красными боками, уехал.

— Вы бы лучше нашли того, кто украл деньги.

— Мы его найдем, — ответил он.

— Найдете, как же!

Милиционер отдал нам честь, и наш кортеж тронулся. Впереди шел я, обворованный, сзади хозяйка и Нани. Не хватало только удачи или собаки. Нани очень переживала.

— Негодяи! Негодяи! — твердила она.

Впереди блеснуло море.

Чистенький дворик, индюки с пышным оперением, словно при-

готовившиеся к свадьбе. Со стен свисал виноград, под навесом сушился табак.

— Вот сюда, сюда, — подталкивала хозяйка.

Она показала мою комнату, где были шкаф, кровать и вафельное полотенце. Наконец она ушла.

Надо было пойти с той, второй хозяйкой, и ничего бы не случилось. Я достал рубашку и под рубашкой нашел черные очки. Лучше бы они лежали в заднем кармане, а деньги здесь.

2

Я вышел во двор и под сочувственными взглядами соседей направился к воротам. Меня догнала Нани.

— Ты не хочешь есть? — спросила она, трогая меня за руку.

— Нет. Где гостиница «Волна»?

Она объяснила, добавив:

— Возвращайся скорей и ни о чем не беспокойся.

В гостинице я нашел нужный мне номер и постучался. Никто не ответил. Я вернулся к дежурной.

— Из 503 давно ушли?

— Там живет девушка.

— Я знаю. Когда она придет?

— Не могу сказать.

На почте было прохладно и тихо, как в храме. Сквозь пыльные окна светило солнце. Я взял бланк и написал: «Мама! Доехал благополучно...»

На улице я призадумался. К остановке подъехал автобус «Город — пляж». Собственно говоря, выход только один. Я отправился на вокзал, прошел сквозь его холодное и пыльное убранство и вышел на жаркий перрон. Я обратился к тому самому дежурному, который так сильно скучал при нашем приезде. Он позвал своего помощника.

— Иди за мной, — сказал помощник. Он был в форменной фуражке и в майке. Он подвел меня к другому железнодорожному служащему, который, слюнявя карандаш, записывал что-то в тетрадку. Он стоял на путях, а мы на перроне, как на балконе.

— Хочет работать, — сказал мой проводник коротко и ушел.

Бригадир сделал знак мне и еще одному парню, который сидел в тени, и пошел по путям.

Мы шли за ним перепрыгивая через сверкающие мазутные лужи, уворачиваясь от маневренных паровозов. У товарного состава возились грузчики, мелькали лопаты, и солнце блестело на потных спинах. Бригадир откатил дверь вагона. На его дне тонким слоем — всего в метр-полтора — лежала соль.

— 18 тонн. 10 рублей 80 копеек, — сказал бригадир.

— На каждого?

— На двоих... Могу, если хотите, прислать третьего.

— Нет, нет, не нужно, — сказал я. — Тут и на двоих мало.

Бригадир усмехнулся.

— Ты напрасно обрадовался, — сказал, скидывая рубаху, Лева (так звали моего напарника). Раздевшись, мы полезли с лопатами в вагон. — Это наиболее тяжелая работа, хотя, правда, лучше всего оплачиваемая. Видно, ты в первый раз?

— Я только сегодня приехал.

— Отдыхать?

— Да.

— Очень даже оригинальный вид отдыха.

— Меня обокрали. В автобусе.

Лева присвистнул.

— Сколько?

— Осталась мелочь.

— Неприятная история! — сказал Лева. — Начнем от углов и постепенно пойдем к двери, понял?

— Правильно.

Мы принялись копать.

Лева был прав — работка была не простая. Слежавшаяся соль была тяжелой и плотная. Мы работали молча, затем я спросил:

— Ты местный?

— Да.

— А какие обстоятельства привели сюда тебя?

— Такие обстоятельства, что родители не дают денег.

— Они у тебя бедные?

— Они у меня скупые. Прикрываются педагогическими рассуждениями, но я-то знаю, что за этим стоит.

— Ты, видно, не очень почтительный сын?

Лева пробормотал что-то, из чего я разобрал только:

— Из денег они сделали жупел.

Мы опять стали копать. Соль мы скидывали прямо на землю. К соседнему вагону бригадир привел двух солдат. Они споро и деловито разделись и полезли в открытые двери.

— Посоревнуемся с ними?

— Давай, — ответил Лева. — Мне чем быстрее, тем лучше. Свербит? — спросил он, скидывая ошметок мокрой соли с ноги.

— Да.

— Потом выкупаемся под водокачкой.

— У меня здесь знакомая девушка есть. Наташа.

— Да? — сказал Лева. Он подсек толстый слой соли и выкинул его наружу.

Пришел бригадир.

— Ну, как дела? — спросил он и пошел посмотреть, как работают солдаты.

— Давай поднажмем! — сказал Лева.

— Давай!

Мы заработали, как машины. Соленая куча сверкала на солнце, мы бросали на нее полные лопаты, а солдаты уже рассчитывались с бригадиром. Вид у них был не особенно утомленный.

— Приходите с утра на пшеницу, — пригласил их бригадир.

— Завтра нас здесь уже не будет, — засмеялись они, подхватили гимнастерки и пошли к водокачке.

Наконец кончили и мы, бросили лопаты и спрыгнули вниз. Солнце уже сидело на деревьях.

— Куда завтра прийти? — спросил я.

— Сюда же.

Мы расписались в его тетради и пошли.

Лева сказал:

— Теперь эту соль — уже с земли — опять будут куда-то перегружать. Предварительно она повалается в грязь, а если пойдет дождь, закаменеет и утрамбуется до такой степени, что ее нужно будет дол-

бить кирками. Вместо того, чтобы сразу подвести транспортер, пере-
грузить по-человечески.

Вышли на привокзальную площадь.

— Хочешь взять мою часть? Я как-нибудь выкручусь. Я вообще сюда редко хожу, только так, со зла.

— Спасибо, я тоже выкручусь.

Он стоял и смотрел на вокзал с таким грустным видом, как будто там прошло его детство.

— Ты знаешь, я очень люблю вокзал, — сказал он. — И мечтаю куда-нибудь уехать. Люблю носильщиков, толпу... Слушай, я стихотворение сочинил. Такси и люди, и вход перронный, и длинной цепью стоят вагоны. Носильщик старый, тюками гружен, как видно, пенсию выслуживает. Кондуктор строгий, в суконной форме, стоит то в тамбуре, то на платформе. Моряк без шапки и шесть подружек, и блики света в перронных лужах. Я на перроне, а люди мимо, и жизнь проходит невозвратно... Нравится?

— Ничего.

— Обычно, знаешь, сочинение стихов вызывает насмешки. Но я шестикратный чемпион по боксу и насмешек не боюсь.

— Ты — боксер?

— Боксер — это не профессия, но мне предлагали стать тренером.

— Ну и что? Ты отказался?

— Я еще не дал ответа. Хочется куда-нибудь уехать. Подвести тебя?

— У тебя машина? — удивился я.

— Мотоцикл.

— А еще жалуешься на родителей.

— Родители тут не при чем. Я выиграл его в лотерею. Но они до сих пор убеждены, что здесь что-то нечисто. На бензин денег не дают. Раз, говорят, ты выиграл мотоцикл, то выиграй и бензин для него.

Прощаясь у гостиницы под треск выхлопной трубы, я попросил его:

— Если ты познакомишься когда-нибудь с Наташей, не говори ей про вокзал.

— А ты, если познакомишься с моими родителями, наоборот, скажи им про это, — ответил он, давая газ своей трещотке.

3

Дежурная сказала, что девушка «заходила и ушла».

При гостинице было кафе. В зале сидело, наверное, человек сто, но ее я увидел сразу. Она сидела в компании своих московских знакомых и характерным движением подергивала плечом, поправляя сползавшую бретельку открытого платья. Официантка вызвала ее. Она вышла и, увидев меня, расстроилась.

— Ты все-таки приехал?

— Как видишь.

— Ну и вид у тебя... Пойдем к нам, что ж теперь делать!

— Не хочется. Пойдем лучше куда-нибудь.

Она вздохнула, покачала головой и сказала:

— Сейчас я возьму сумку.

Мы вышли на улицу и побрели куда глаза глядят. Я рассказал ей, как у меня украли деньги. Она даже остановилась — так ее это огорчило.

- Надо немедленно дать маме телеграмму!
Потом она спросила с досадой:
— Что же ты собираешься делать?
— Посмотрим.
— Мы решили завтра ехать на Пенопласт, — переменяла она тему. — Это недалеко. Поедешь?
— Не могу.
— Почему?
— Дела.
Она все искала за меня выход и спросила:
— Ты послал маме телеграмму?
— Да.
Она заплакала.
— Перестань.
— Ах, оставь! — сказала она со злобой. — Я не из-за денег, а из-за того, что ты такой нелепый. Зачем ты приехал? Ты сам знаешь, что это бесполезно!

4

Это был день пшеницы. Мы натянули марлевые маски и выгребали зерно из вагонов на конвейер, но мучная пыль легко проникала через марлю и забивала горло, ноздри, жгла глаза. В перерыве мы купались под водокачкой.

- А где Наташа? — спросил осторожно Лева.
— Укатила со знакомыми на Пенопласт. Не сидеть же ей дома!
— Конечно!
— Но какая это гнусная компания, если бы ты знал, — вырвалось у меня. — И чего Наташу к ним тянет?
— А что такое?
— Сынки различных пап.
Когда мы кончили работу, Лева вдруг предложил:
— Хочешь, махнем на этот Пенопласт? Они наверняка там в ресторане.
— Поехали!

Мы понеслись по шоссе, обгоняя машины и автобусы, а море было слева от нас, зыбкое и сверкающее. В Пенопласт мы ворвались как завоеватели.

Не знаю, почему так нелепо называется это новое курортное место. Веселые домики вытянулись вдоль берега. Игрушечный ресторан стоял на сваях прямо в море.

Наташа и ее друзья занимали стол у перил, за которым плескались волны. Не скажу, чтобы наше прибытие сильно кого-нибудь обрадовало, но вежливость была соблюдена.

Музыкальный критик Степин был единственный, кто не поздоровался с нами и даже не взглянул в нашу сторону. Рядом с ним сидела его жена. Она не взвизгивала восторженно, не делала резких движений, не рассказывала громким голосом какую-нибудь чушь, не звякала беспрестанно то рюмкой, то вилкой; наоборот, вела себя среди общего гомона тихо и скромно и даже улыбалась.

Лева положил ногу на ногу, закурил и стал выжидающе глядеть по сторонам. Он отказался что-либо есть или пить.

- Зачем же вы тогда приехали? — спросили у него, на что он спокойно ответил:
— Не ваше дело!

— О! — не то удивленно, не то восхищенно отметил его реплика Степин.

Дальше события развивались так: один из них сказал, что его отец достал ему путевку на сентябрь в какой-то знаменитый санаторий и он доживет здесь до срока, а потом переселится туда. Наташа сказала, что и она так же сделает: приедет ее мама, и они переместятся в военный санаторий, так как папа ее военный.

— А у тебя папа кто? — спросил вдруг Лева того, кто начал эту тему.

— Завотделом Госкомитета. А что?

— А у тебя? — обернулся Лева к другому.

— Рабочий, — ответил тот ухмыляясь.

— Оно и видно.

— А что? — спросил третий, высокий парень с злыми глазами.

— Не люблю я твоего папу, — сказал Лева. — И твоего. И твоего. И твоего. И твоего.

— Почему же ты их не любишь? Ты ведь их не знаешь, — сказал Сеня Степин, разрывая курицу руками, в то время как высокий наливался злостью.

— Я о них сужу по вас. У хороших пап не может быть таких детей. Кроме того, я их не люблю самих по себе. Их что-то слишком много стало, этих ваших пап.

— Значит, ты хочешь, чтоб их было поменьше? — спросил Сеня.

— А как ты думал! Я хочу, чтоб их совсем не было. Я хочу, чтоб были только простые хорошие папы.

Сеня спокойно разлил коньяк по рюмочкам, выпил свою и сказал:

— Борись за то, чтоб их было меньше.

Он выкинул бутылку за перила, и она заплескала на волнах.

— Подайте счет, — сказал он официанту.

Официант посчитал бутылки и спросил про коньяк:

— У вас только две было?

— Как видишь, — ответил Сеня.

— По-моему, я вам первый раз две бутылки принес.

— А ты посмотри, сколько у тебя записано.

— Я не записывал.

— Ты принес первый раз одну, и второй раз одну.

— Ладно, — сказал официант, — следующий раз буду записывать.

— Следующий раз записывай, а сейчас посчитай.

Официант подытожил и протянул счет.

— Припишите туда еще бутылку, — громко сказал Лева. Сеня и тут глазом не моргнул. Он с тем же спокойным любопытством,ковыряя в зубах, смотрел на Леву. — А ты, — сказал Лева Сене, — слазишь сейчас за ней в воду... Вон, видите, плавает ваша бутылка? Припишите ее.

— Ай-яй-яй! — сказал официант. — А на вид такие культурные люди!

— На вид! — сказал Лева. — На вид они прямо короли. Лезь в воду! — сказал он Сене.

— Тише, тише, мальчик! — с угрозой сказал высокий.

Но Лева уже горел. Он подошел к Сене, схватил его и потащил к перилам.

Вспыхнула драка. Нас было двое. Лева прикрывался Сеней, который, видно, уже получил немножко от него и едва держался на ногах. Высокий, пробиваясь к Лeve, мимоходом ударил меня и опроки-

нул на стул. К нам бежали официанты. Лева перевалил Сенью через перила, отцепил руки, которыми тот судорожно цеплялся за все, что ни попало, и спихнул его вниз. Тот спиной упал в воду. Высокий дорвался наконец до Левы, но тут всех схватили официанты. Они развели нас. Двое сидели за столом, держась за лица, высокий бушевал и рвался из рук, а остальные толпились у перил, под которыми плавал их духовный руководитель.

— Как тебе не стыдно! — подскочила Наташа. — Ты их не любишь, потому что завидуешь!

5

Мы умылись и, когда все утихло, опять вышли в зал. За опустевшим разгромленным столом сидела жена Сени.

— А где остальная публика? — спросил Лева.

— Уехали.

— А вы?

— А я нет.

— Что ж так?

Она не ответила.

— Наконец я дышу легко и свободно, — сказал Лева. — Официант!... Сейчас поедим и выпьем, что бог послал.

— Я ничего не хочу, — сказала жена Сени. И вдруг, наклонясь над столом и спрятав руки под скатерть, она быстро заговорила. Она волновалась, но слова у нее складывались гладко и легко.

Оказывается, муж изменяет ей, иногда даже не приходит ночевать. Он стал с ней груб и невнимателен, и даже ребенок его уже не радует. Она тоже не умеет себя сдерживать, устраивает ему сцены, а он словно только этого и ждет — сразу уходит, хлопнув дверью. Он наконец стал прилично зарабатывать и ему хочется веселиться и вознаграждать себя за годы лишений, и она, видно, мешает ему, потому что предпочитает деревни и тихие речки морским курортам. Эти дружки его — дети обеспеченных людей, и Сеня не хочет понять, что он им все-таки чужой, ведь он трудом достиг своего положения, и вот зачем-то льнет к ним. Жизнь их покатила под уклон, и неизвестно, чем все кончится.

— Как же мы поместимся втроем? — сказала она, увидев мотоцикл.

— Поместимся.

Мы уселись, я почти на колесе, и понеслись по ночному шоссе, из которого фара мотоцикла выхватывала то эвкалипты и магнолии, то фосфоресцирующую блестку светлячка, то кошку.

— Послушай, — спросил Лева, на мгновение обернувшись, — что у тебя за отношения с Наташей? Ты ее любишь?

— Да.

— А она?

— А она — нет.

— Тогда зачем ты за ней едешь?

— Я ее люблю. Для меня никого больше не существует.

— Нет ли опасности, что окажешься в смешном положении?

— Нет, — сказал я, — такой опасности нет.

— Как вы еще молоды! — воскликнула жена Сени. — Как вы еще прекрасно молоды!

— А какая у тебя все-таки цель? — не унимался Лева. — Спаси ее от этой своры?

— Хотя бы так.

— А сна хочет, чтобы ее спасали? Она же из их компании.

— Нет, она не такая!

— Но и не такая, как ты думаешь.

— Если бы обо мне кто-нибудь так спорил, — сказала жена Сени, — я была бы просто счастлива.

— Держитесь крепче! — сказал ей Лева.

Мы миновали пригород, и мотоцикл летел по пустым улицам. Возле закусочной мы остановились. Лева выключил мотор и постучал в дверь. Из-под нее виднелась полоска света. Вышел буфетчик в белом фартуке, они севой поздоровались, о чем-то поговорили. Поколебавшись, буфетчик пустил нас внутрь. Мы прошли в маленькое и темное помещение, в котором стояли стул и бочка. На бочку буфетчик поставил холодное хинкали¹, лук, сыр и три бутылки вина.

В армии я как-то ночью полз через огромное поле к «противнику». На небе сверкали крупнейшие звезды, а я думал о том, что если кто-нибудь сейчас и вспоминает меня, то вряд ли он сможет представить себе, что я преодолеваю неведомое поле под Смоленском. И сейчас никто не может знать, как мы сидим тут в заднем помещении пустой закусочной и ничего нам друг от друга не надо, кроме человеческого общения, как Лева говорит жене Сени: «Ешь!», а мне: «Пей!», как он поднимает гост:

— Не знаю, как сложится моя жизнь, может, так, а может, этак, но никому не удастся напицкать меня всякой глупостью.

Я хмелел все больше и больше, а Лева, хрумкая луком, заговорил, помнится, о принципах:

— Надо иметь в жизни хоть два-три принципа. У многих только один: свое драгоценное благополучие. У других наберется два принципа. Но надо иметь их как можно больше. Принципы делают человека гордым и независимым.

Я тоже лепетал что-то свое, что у меня в детстве была жокейская шапка и за это меня почему-то прозвали «американцем», а жена Сени уже сникла. Как только мы допили последний стакан, она встала:

— Поехали по домам, мальчики, а?

Мы подвезли ее к гостинице — в темном полумраке кофейни были составлены пустые стулья — и тут разыгралась последняя сцена этого злополучного дня. Все они стояли у входа и ждали нас. Лева остановил свою тарыхтелку, я сошел и сошла жена Сени, а он сам подошел к нам и тяжело оперся на руль. Лева сбросил его руку.

— Так, — сказал Сеня, — значит, избили и опозорили старого человека? Да еще жену увезли?

— Жена — в целости-сохранности, и между прочим ты сам ее бросил.

— Это верно. Как будем жить дальше?

— Вы своей жизнью, а мы своей.

— А ведь ты мне испортил отпуск.

— Нет. Это ты сам выбросил бутылку в воду.

— Ты еще не все понял, — сказал Сеня. — Но я рад, что так получилось. Ты мне помог.

— Вот не ожидал! — сказал Лева.

— Да, ты мне помог — и я вернулся на землю. Ты любишь музыку?

— Обожаю.

¹ Хинкали — грузинское блюдо, вроде пельменей.

— А я ее ненавижу! — сказал Сеня. — Эх, тебе это не понять. Но я музыкальный критик, а ты вернул меня на землю. Я тебе за это благодарен.

Товарищи подхватили его под руки и стали оттаскивать от мотоцикла. Он мягко отпихивал их. «Пустите, да пустите же», — говорил он.

— Как тебя звать? — допытывался он у Левы.

— Лева.

— Спасибо тебе, Лева...

Наконец его увели, а он все оглядывался на нас и пытался махнуть нам рукой на прощанье. Так мы ничего и не поняли в этой сцене, но высокий подошел к Леве, взял его за лицо и опрокинул вместе с мотоциклом. Меня пригнули за волосы к тротуару и били снизу кулаками и ногами. Что было с Левой, я не видел. Потом со всех сторон пошли свистки, еще затрещали мотоциклы, — и меня отпустили. Лева, свесив голову, лежал у стены, и Наташа пыталась его поднять, а один из друзей Сени наотмашь ударил его жену по лицу. Я заковылял к Леве, а наши противники частью объяснялись с милицией, частью держали друг друга, и среди них болтался швейцар гостиницы. Один из милиционеров поднимал Левин мотоцикл. Я отпихнул Наташу, уселся рядом с Левой на тротуар и положил его голову к себе на колени. Высокий подбежал к Леве и что есть силы ударил его носком ботинка в бок.

6

Я проснулся рано. Комната была полна солнца. За окном висели тяжелые гроздья винограда, черного и белого, и прозрачные ягоды светились в солнечных лучах, словно крошечные фонарики. Во дворе, подбирая с земли вишневые косточки, бродили, бормоча что-то невнятное, индюки, глупые птицы, нелюбезные и обидчивые, как мелкие чиновники. В солнечных полосах, — они как прожекторы делили комнату на свет и полумрак, — словно рыбы в подводном царстве, плавали пылинки. Над столом кружились мухи.

Хозяйка ходила по комнате, что-то переставляла и рассказывала мне про Нани: это просто чудо, а не девушка. Она проводит дни в заботах и хлопотах, и все для других. Одним она приносит с базара продукты, для других бегаёт в аптеку, с третьими делится запасами, четвертые оставляют на нее детей, когда уходят на море купаться или стирать белье. Постоянно она кого-то выручает, оказывает различные услуги, все время делает что-то, что другие считают добром, а она чем-то совершенно естественным — и все это с дружеской улыбкой, исключаящей благодарность. Она всегда дома, не посещает ни кино, ни танцы и ожидает своего жениха, который скоро вернется из армии.

Затем она сказала, что до меня в этой комнате жила девушка, и стала подробно рассказывать про нее. Эта девушка уехала внезапно, в отсутствие хозяйки и Нани.

— Кстати, я забыл вам сказать! Позавчера я нашел здесь золотые часы и деньги, три рубля. Я положил их в ящик, чтоб не валялись.

— Нани, Нани, ты слышишь? — крикнула хозяйка в окно.

Нани подошла к окну.

— Часы, оказывается, здесь.

— Правда? — просияла Нани. — Вот видишь!

— А я подумала, что она потому и уехала так поспешно, — сказала хозяйка.

- Кто уехала?
— Галя... Девушка, что до тебя жила.
— Это ее часы?
— Да нет, это часы Нани. Нани дала их Гале, когда Галя шла на свидание.
— Ну?
— Ну, и мы думали, что она вместе с ними так и уехала.
— Это ты так думала, — сказала Нани.
— А что я могла еще думать, если она уехала, а часов нет?
— Я-то хорош — забыл сказать!
— Она девушка хорошая, — сказала Нани, — она бы никогда этого не сделала.
— У тебя все хорошие!
— Слава богу, все разъяснилось.
— Еще бы!
— Нет, она девушка ничего, — сказала хозяйка.
— Как мне пройти к сапожнику?
— Лучше всего иди на рынок. Вот так, а потом завернешь.

Я ушел и оставил их в состоянии умиления и счастья. Они сидели в тени айвового дерева на низких скамеечках, крепко уперев ноги в землю, и, наклонившись, разламывали абрикосы на половинки, отделяли косточки и кидали половинки в ведро. А на руке у Нани поблескивали золотые часы.

7

Улицы были еще влажны от утреннего ливня, из скверика, вдоль которого я шел, неслись ароматы цветов, слышно было гудение шмелей. Под деревом девушка, согнувшись, собирала в коробку из-под пудры белые плотные, как вощеная бумага, лепестки магнолии. Они долго сохраняют запах и приносят счастье. На газонах подстригали туевые кусты. Вытянув ноги на мостовую, спал чистильщик, шли курортники со своими сумками, набитыми всякой всячиной. Они смеялись и громко говорили. Было прекрасное утро. Древние греки утверждали, что бог Земли Гелиос, златокудрая Цирцея и богиня Эос жили именно в этих местах. Теперь здесь другие боги.

Базар был полон народа, завален продуктами. Я смотрю на этот завал желтых, оранжевых, зеленых и фиолетовых красок под синим небом, на нежные животы рыб, как бы просящие о пощаде, на пестрых кур и роскошных в своем оперении индюшек, на мстительный огненно-красный цвет перца, на груши, исходящие нежностью, на лук с упругими, как китовый ус, зелеными стрелками, и люблю жизнь так сильно, так полнокровно, так целиком ее принимаю, как никогда еще раньше. Лоснящиеся на солнце лошади, докая копытами, равнодушно волакивают в открытые ворота все новые и новые подводы, по сторонам стоят ослики, перетянутые хурджунами, с торбами на печальных мордах. Взмахивая хвостами, они отгоняют сленней. Пахнет чем-то кислым, сладковатым, гнильцой, свиньями и арбузом. Зажав в зубах гвозди, сапожник легонько постукивает по подошве моего ботинка и — странно — я улавливаю эти звуки в многоголосом шуме базара. В тени рядами стоят бочки с вином, и на прилавках выставлены стаканы. Солнечные лучи прячутся в них, таятся в золотистой или бордовой жидкости. Сладкими липкими прудами высится виноград, сочится облепленный пчелами инжир, размороженные жарой, лениво лежат на прилавке персики и абрикосы.

— Сливы не червивые? — деловито осведомляется у продавца какой-то горожанин, и продавец, вместо того, чтобы обидеться, обрадованно сообщает:

— Вот человек, который разбирается в сливах! Он не спрашивает, сладкие они или кислые, он интересуется, червивые они или нет!.. Нет, дорогой, не червивые...

8

На пляж мы приехали все вместе: Наташа, Лева и я. С Лево́й был маленький мальчик Сандрик.

Когда мы зашли за Наташей, она была еще взволнована и сообщила нам, что «они уехали». Высокий стучал к ней, настойчиво предлагая ехать с ними, но она «почему-то отказалась».

— Вот именно, почему-то, — заметил Лева.

Наташа со злобой на него посмотрела.

— Они уехали, чтоб каждый день с такими нравственными не драться. С такими моралистами.

— Из деликатности, значит. А ведь все это из-за тебя получилось.

— Почему из-за меня?

— Тебя же вызволяли из клоаки.

— А я просила вас вмешиваться? А тебе какое дело? Ты при чем?

А тебя я просила приезжать?

Сандрик придвинулся к Ле́ве и спросил:

— Костоеда знаешь?

— Нет.

— Это такой жучок. Он только кости ест. Ни траву, ни деревья он не ест... Только кости.

— И деревья не ест?

— Не-к.

— И горы не ест?

— Не-к.

— Только кости?

— Да.

— Ну, и что ты хочешь от этого жучка?

— Поймать его.

Наташа прямо дрожала от злобы, слушая эту беседу.

— Вам бы только читать всем мораль. Не пейте, не веселитесь, цените, что у нас бесплатное здравоохранение, не всем дано бывать на курорте, поэтому и вы не приезжайте, а если уж приехали — будьте молчаливы и строги. А надо жить весело, пока молоды, а потом уже, под старость, умиляться и думать о равноправии. Что, неправильно говорю?

— Ты, по-моему, весело и живешь.

— Я весело живу, а вы всех ненавидите.

— Кого это всех? Далеко даже не всех. Почему бы тебе не очутиться среди тех, кто в пыли и грязи осваивает новые места, сибирские или еще какие-нибудь другие? Почему это ты решила, что должна только веселиться? А вот ты и твои друзья — вы когда-нибудь говорили про Брестскую крепость?

Наташа вдруг успокоилась и сказала:

— Мы же хотим, чтобы все люди были счастливы, верно? Желаем друг другу счастья и прочее. Так?

— Ну?

— Ну вот, я — счастлива. А если я буду умиляться и думать про здравоохранение, я буду несчастлива. Где же твоя логика?

Лева хотел еще что-то возразить, но я перебил его:

— Хватит спорить. Давайте лучше смотреть по сторонам, на природу и людей.

— Я и забыл, что ты влюблен, — усмехнулся Лева.

— Да, вот он влюблен, а ты нет. Потому ты и злой такой.

Лева промолчал.

Наташа достала из сумки виноград.

— Угощайся, — сказала она Лева примирительно.

— Не хочу.

— Как можно не хотеть виноград? Я бы его всю жизнь ела.

— Ну и ешь.

Прекрасное было утро, и эвкалипты были прекрасные, а море лучше всего. Пляж бесконечен, и всюду люди, лежащие или стоящие, играющие в бадминтон или волейбол. Вдали, по самой черте горизонта движется «Украина». Спокойное, переливчатое море слепит глаза, воздух пахнет водорослями. Проходит цветочница, за ней старик-фотограф в коротких белых штанах. Худые загорелые ноги его вязнут в песке. Наташа выходит из кабины в красном купальнике, и даже Лева смотрит на нее.

— Идем купаться, — говорит она мне.

Мы бросились в теплую ласковую воду, обрызгав девочку, плескавшуюся в желтой надувной ванночке. Морское дно с его разноцветными камнями и водорослями, с слегка искаженным и потому призрачным миром, с неумной игрой светлых теней, медленно двигалось навстречу. Движения Наташи и еще двоих, которые ныряли рядом, были плавными и скользящими, пластичными и красивыми, как никогда наверху, в реальном мире. Если б можно было говорить под водой, то нашим словам, вероятно, сообщился бы этот медленный блюзовый ритм.

— Ты открываешь глаза под водой?

— Да. А ты?

— Боюсь.

— Не бойся, открой их и смотри.

Решившись, она опускает голову в воду. Пряди волос, выбившиеся из-под шапки, расстилаются по воде, как корни сосны.

— Здорово!

Наташа выходит на берег. Капли воды, высыхая, стягивают ресницы. А Лева смотрит на море с таким выражением, с каким дежурный смотрел на надоевший ему поезд.

— Давай уедем куда-нибудь.

— Куда?

— Завербуемся на теплоход или баржу... Или в Сибирь... В любое место!

— А как мой институт?

— Будем описывать места, которые проезжаем. Напишем книгу.

— Но мне не хочется писать... Я никогда не писал...

— Писать буду я, а ты только подмечай и пересказывай факты.

— Какие такие особенные факты могут быть на барже? Это же несерьезно, Лева.

— Не хочешь — не надо, — коротко отвечает он.

Наташа тихо напевает.

— А что будет потом? — спрашивает Лева. — Кончишь ты институт, женишься. А потом?

— А что должно быть потом?

— Вот именно, что?

— Потом будет жизнь.

— А из чего она будет состоять?

— У каждого из разного. У меня она будет состоять из работы и поездок.

Лева вздохнул и перевернулся на другой бок. Неподалеку сидели две девушки. Он обратился к ним:

— Откуда вы, девушки?

— От верблюда, — засмеялись они, а потом одна из них сказала: —

Из Ленинграда.

— Хорошо там жить?

— Кому как.

— Вам?

— Нам — хорошо.

— Небось, тоже учитесь?

— Учимся.

— Где?

— На фармацевтическом.

— Какие же вы сейчас лекарства проходите?

Они засмеялись:

— Мы уже все лекарства прошли.

— Ну, и что теперь дальше будет?

— Не знаем.

— Никто не знает, что будет дальше. Оттого и скучно.

— А мне никогда не скучно, — ответила Наташа.

— Ну и молодец.

К пляжу прилегало шоссе. Оно было чуть выше заборчика, которым был огорожен пляж, и снизу было видно все, что на нем делается. Лева вытянул руку и сказал:

— Гляди!

По шоссе неслись три грузовика, доверху нагруженные фанерными ящиками. Ящики задевали ветви пальм. В последней машине, согнувшись и мотаясь на ходу, молодой парень пытался переставить один из них. Было видно его красное от натуги напряженное молодое лицо.

— Нужны ему хоть для чего-нибудь эти ящики? — спросил Лева. — Ему лично нужны они?

— Конечно, нет, — ответила Наташа.

— Вот так и мы: таскаем то, что нам самим не нужно, а тем временем...

— Ну и тип ты! — искренне изумилась Наташа. — Ноешь, зудишь, а чем тебе плохо?

Лева смотрел на нее серьезно и молчал.

Появились Сеня с женой.

— А вы чего не уехали? — спросил Лева. Сеня ничего не ответил.

— Ты знаешь, кого я видел? Бройля! — обратился он к Наташе.

— Ну и что?

— А знаешь, с кем?

— С кем?

— С Людой Тополевой. Они приехали вместе.

— Не может быть! Ведь она должна была выйти за Зеленого!

Сеня развел руками.

— Разве это любовь? — сказала Наташа. — Сегодня выходит замуж за одного, завтра уезжает с другим.

— Прелести юга, — сказал Сеня, — пересилили прелести домашнего уюту.

Его жена сидела неподвижно, поджав ноги, и улыбалась своей немножко напряженной улыбкой. Лева пошевелил ногой, и она повернулась к нему.

— Я стихотворение сочинил. Прочешь?.. Я играю в шашки с другом на балконе. Друг мой растерялся, над доскою склонен. На дворе уж осень, день сужает рамки, зимние приметы пролезают в дамки. По сухим дорожкам мелкого лесочка ветер гонит листья — золота кусочки. Я настроен мирно, не ишу победы. Мы сложили шашки и пошли обедать... Ну, как?

— Очень хорошо, — сказал Сеня, — только не «склонен», а «склонён». Ударение не там.

— У Пушкина в каждой строчке ударение не там. Где хотел, там и ставил. А начинающим почему-то нельзя.

— Кем ты хочешь стать?

— Только не музыкантом. Так что тебе не придется писать на меня критику.

— Музыкант из тебя не выйдет. Музыканту нужно быть поспокойнее, поуглубленной.

На этом их разговор иссяк. Лева стал показывать карточные фокусы, а Наташа спросила у меня:

— Как бы ты хотел умереть?

— Никак.

— Но все-таки?

— С кружкой пива.

— Это глупая смерть.

— А ты, я знаю, хотела бы умереть с винтовкой наперевес?

— Нет.

— А с чем? С виноградом?

— Я хотела бы, как мой дядя. Он читал книгу, заснул и больше не проснулся.

— Царствие ему небесное! Но ты ведь никогда не читаешь.

— А что ты любишь больше всего?

— Не знаю.

— А что не любишь?

— Мало ли что!

— Что ты не любишь больше всего, очень сильно, прямо даже ненавидишь?

— Устриц.

— Я серьезно спрашиваю.

— Тебя!

Прошлым летом я был на практике в Тульской области на станции Узловая Павелецкой железной дороги. Это растущий — так называются неустроенные и неравномерно развивающиеся города — шахтерский и промышленный центр. И мы — нас было четверо с курса — по вечерам сильно скучали. И вот как-то по приглашению местного парня, который кончал одиннадцатый класс и собирался поступить в наш институт, мы попали на выпускной вечер в 20 среднюю школу. В спортзале на четвертом этаже были установлены столы с закуской и выпивкой. Преподаватели и ученики сидели вместе. Ученицы были в белых платьях, как невесты, а ребята в черных костюмах, словно женихи. И атмосфера была как на свадьбе — веселая, непринужденная и торжественная. Вышел директор и сказал, что он всем им желает в жизни

не вообще каких-то прелестей и достижений, связанных с чинами и материальным достатком, а прежде всего быть честными и хорошими ребятами и **никогда**—тут он усилил голос—не смиряться с трудностями, не пасовать перед ними, а обязательно, во что бы то ни стало, твердо и настойчиво добиваться своего. «Тогда только вы сможете уважать себя и гордиться собой»... И еще: «Когда у вас будет семья, умеете быть ей так же преданными, как и своему делу»... Мне показалось, что это были не просто слова. В том, как все эти парни и девушки искренне и громко аплодировали, как церемонно танцевали, как смеялись и разговаривали — дружески, но без всякой фамильярности — была какая-то нравственная сила. Вот они-то и есть счастливые люди, потому что они верят в любовь, в дружбу, в будущее, в свои силы. Верят в материнство, верят в науку и только, может быть, в искусство не верят. У нас в институте тоже есть такие — много их, — увлеченные учебой, а не весельем... Разумеется, не было ни одного пьяного. Директор танцевал с ученицами, и другие преподаватели танцевали с ученицами и учениками, и друг с другом. Видно было, что они и не думают расставаться и что в разных концах нашей огромной страны будут любить и вспоминать друг друга.

В той школе, где учился я, все было по-другому. Чего стоит одно то, как нас принимали в пионеры. Нам велели выучить клятву и принести по десять рублей на галстук. Не все дети принесли в назначенный срок эти требуемые десять рублей, и их безжалостно отправили домой, пообещав принять в другой раз, когда у них будут деньги. Мы старались читать пионерскую клятву с выражением. Но как мы ни напрягали наши голоса, грохот барабанов заглушал все звуки. Взрослые явно скущали и взгляд их оживлялся только тогда, когда выкрикали фамилию их ребенка.

Так вот все формально и было в нашей школе, а вместо выпускного вечера была обыкновенная пьянка у товарища.

Наташа тоже думает о своем, вздыхает и говорит отчужденно:

— Хоть бы скорей мама приехала...

Захрипел репродуктор, и из него на пляж посыпался твист. Некоторые стали танцевать его на песке с ничего не выражающими лицами. В двух метрах от нас, в стороне от своей компании, стоит девушка. Она совершенная. Совершенны ее ноги и грудь, совершенна фигура, совершенна поза, в которой она стоит, и только в прекрасных глазах ее светится заблуждение, свойственное ее полу, думающему, что неодолимая красота может быть законченной. Мужчины восхищенно смотрят на нее, она из тех, за которыми они обычно носятся. Она принимает то рассеянный, то задумчивый вид, но это игра, рассчитанная на окружающих. Она смотрит на Наташу взглядом придирчивой соперницы, затем не торопясь входит в круг и тоже начинает танцевать твист. Все головы поворачиваются за ней.

Лева прерывает спор с Сеней о неустроенности жизни (Сеня: — Люди устраивают, устраивают, устраивают свою жизнь, устроят и — помирают. — Вот именно, и не надо ничего устраивать!) и идет к совершенной девушке. Так же неторопливо, как и она, входит в круг, становится против нее и начинает танцевать.

Не только я — все, кто были вокруг, смотрели на них не отрываясь: так они танцевали. Лева с анемичным лицом, а она не выдержала и заулыбалась после особенно замысловатого хода. Остальные танцоры отошли в сторону и прихлопывали им в ладоши: Наташа приподнялась на локте и смотрела на них. Лева выделял все новые и новые па и

коленца, а девушка повторяла их за ним, пока не кончилась музыка. Его партнерша отошла к своим, а Лева вернулся к нам.

Даже Наташа была восхищена.

— Здорово ты танцевал, — сказала она, — не ожидала.

— Неужели я завоевал твое уважение? Спасибо твисту, — он подобрал с песка рубаху. — Пошли, Сандрик.

Я пошел немного проводить его.

— Любишь ее? — спросил он.

— Люблю.

— Не буду разрушать твои иллюзии.

— Не надо.

9

Солнце печет, как на марше. Пора уходить. Проходит разносчик:

— Лимонада вам не надо?

Мы бредем по вязкому песку. Лодочник с вдавленной, как у черепахи, головой, вопросительно смотрит на нас. В воротах пляжа высокий парень в тюбетейке говорит продавщице фруктовой воды:

— Налейте!

— Чистенькой?

— Нет, грязненькой! — отвечает он и оглядывается на Наташу, слышала ли она, какой он остроумный.

Окруженный бурунами катер на всех парах несется к причалу. Свесив ноги, сидят два друга-спасателя, неразлучные, как запонки.

Узкий трап загораживают женщины. Они не спешат, идут медленно и даже помахивают сумочками. Женщины вообще ходят в узких местах так, как будто кроме них никого на свете не существует.

Мы садимся у борта. Катер мчится, рассекая зеленую воду. Капитан высовывается из будки и кричит что-то вниз, в машинное отделение. Пассажиры любят панорамой города, его высоких белых зданий, бегущих вдоль зеленых гор. На набережной видны машины. Отсюда они кажутся крошечными.

Наташа угрюмо смотрит в воду.

— Я хочу шашлык, — говорит она.

Мы сходим на берег, минуем причал, деревянные ножки которого мокры в воде уже несколько десятков лет. Перед нами — гостиница, в которой живет Наташа, слева — кофейня, а справа — ресторан. Мы входим в ресторан. Белые кафельные стены ресторана излучают прохладу и свет, официанты в аккуратных белых формах, с потолка свисает огромная люстра. Такой люстрой можно было бы осветить весь город и часть пути до Сочи.

Из-за двери появляется метрдотель.

— Свободные столики есть?

— Как видите.

— Может, они для иностранцев?

— Садитесь, садитесь.

Подождал официант:

— Слушаю вас.

— Шашлык есть?

— Только свиной.

— Ну, свиной это не шашлык.

— Вполне с вами согласен.

— Тогда принесите что-нибудь другое.

— Что именно?

— Неужели нет шашлыка? — спрашивает Наташа.

— Только свиной.

— А еще что?

— Ну, мало ли что. Посмотрите меню.

— Я не хочу ничего другого. Я хочу шашлык.

Мы встаем. Официант равнодушно уносит меню.

В ресторане на набережной шашлыка вообще нет. В «Поплавке» шашлык только свиной. Официант перечисляет нам несколько прекрасных блюд, но Наташе нужен только шашлык. Обходим еще два места, но и там все не то. Хорошо еще, во время этих поисков мы не встретили Леву.

Мы уже исколесили полгорода. Гулять по улицам хорошо, но не тогда, когда твоей путеводной звездой является шашлык. Вот и базар. Теперь он мне кажется грязным и воиучим, а грузовые машины гремят, как танки.

— Может быть, поедем в Тбилиси, Сочи или Краснодар? — шуточно спрашиваю я.

Наташа вдруг радостно вскрикивает, обнимает двух девушек, которые идут по улице с матерью. Они отдыхают в деревне, приехали сюда просто так и уже спешат на электричку. Они поговорили и тепло распрощались.

— Ну, — спрашиваю я, — что ты решила?

— Я поеду в Краснодар; — сказала она, повернулась и пошла от меня.

10

Я поднимаюсь по ступенькам и захожу на балкон. Он заставлен вещами. На голу валяются увядшие цветы, старые туфли.

— Можно Нину Александровну?

Из гулкой комнаты вышла дородная матрона.

— Вам кого? — спросила она низким голосом.

— Я рабочий.

— Рабочий? В таком случае, принимайтесь за работу. Сейчас придет машина, а пока снесите вещи вниз.

В руках она держала Ренана, и я спросил:

— Неужели вы верите в бога?

Она ответила жеманно:

— Я в том возрасте, когда ни во что уже не верят.

Затем взглянула на меня с любопытством и спросила:

— А откуда вы знаете Ренана?

— Мой отец был образованный человек. У него была большая библиотека.

— Почему — был?

— Потому, что его уже нет.

На этом она прекратила расспросы и, окинув меня изучающим взглядом, ушла в комнаты.

За погрузкой прошло три часа. Разбили большую вазу, видимо, очень дорогую. Нина Александровна равнодушно махнула рукой:

— Ничего. Я ее никогда не любила.

Прибежала ее дочь с веником и смела осколки в ведро.

Хорошая была девочка, я это сразу понял. Когда я спросил ее, где можно выпить, она принесла мне чашку на блюде и спросила:

— Хотите еще?

— Нет, спасибо.

Наконец все было погружено. Нина Александровна сказала: — Вы с Надей сядете в кузов. Следите, чтоб ничего не свалилось.

Она все держала Ренана в руках и соседке, которая вышла пожелать ей счастливого пути, сказала:

— Я наслаждаюсь этой книгой. Какая душистая, медвяная проза...

Мы поехали. Надя лежала со мной бок о бок на тюке и говорила о комсомольской работе, о том, что она в больших городах стала формальной и в чем тут причина: все хотят развлекаться и не хотят думать о серьезном. В особенности мешают курортники, они вносят во все дух легкомыслия. Она недавно смотрела кинофильм, в котором рассказывалось, как юноша и девушка помогают друг другу в работе и учебе и делают всякие интересные дела — и все это несмотря на то, что кругом мороз и глухие места. Тем временем мы проехали через мост, возле которого громыхала бетономешалка, повернули налево. Впереди сверкнуло море, и мы выехали на шоссе.

— Как хочется отсюда уехать, — сказала она.

— Почему все, кто здесь живет, хотят отсюда уехать?

— Почему, все?

— Ну, во всяком случае, некоторые.

— Потому что мы не хозяева себе. И здесь нет будущего. Всегда одно и то же: курортники и туристы, отдыхающие и больные. И эта природа стала нам наказанием.

Грузовик остановился между морем и домом. На берегу, закрепленная цепью, лежала лодка. Дом был обнесен прочной каменной стеной, наподобие тех, что раньше строили вокруг монастырей. За оградой было два дома, и оба современной постройки. Вышли хозяева, поздоровались с нами, и тут я только узнал, что это — дача, которую Нина Александровна себе купила. Жить в курортном городе и еще иметь дачу было похоже на анекдот, но мне было все равно. Я хотел только поскорей избавиться от всего и уехать.

Сын хозяйки — Жора, бронзовый и мускулистый, как гимнаст, помогал нам. Его мать накрывала на стол под инжировым деревом; тут же жарилась рыба. Она сказала, что такой рыбы, как эта, мы наверняка никогда не ели и чтоб мы торопились, она сейчас будет готова. Отец Жоры вынес прозрачную бутылку с чачей, поставил ее на стол, а потом тоже подхватил какой-то тюк и, ковыляя, понес его к Надииному дому. Весь этот участок за крепостной стеной был засажен фруктовыми деревьями, а стены ограды и домов были увиты виноградом. Жорина мать срезала несколько кистей и понесла их к столу. Наконец все уселись. Рыба была действительно отличной. Надя спросила:

— Кто ее поймал? Жора?

— Ничего подобного.

Оказалось, что Жора работает в рыболовецком совхозе, а рыбу поймал не он, а отец-старик, он рыбачит каждое утро. Все стали хвалить его, что он такой старый, а все рыбачит. Он, лукаво улыбнувшись, сказал:

— Все хочу поймать старухе золотую рыбку, пусть хоть перед смертью хорошо поживет...

Выпили за новоселье, за соседей. Шофер сказал, что ему пить больше нельзя, так как он за рулем, и он поедет, ему пора. Я тоже встал и сказал, что и мне пора, я как раз доеду на этой машине. Жорина мать сказала:

— Тут сколько хочешь автобусов ходит.

— Приезжайте к нам, — сказала Нина Александровна, глядя на меня как бы сквозь лорнет.

Жора, который неизвестно за кого меня принял, сказал:
 — Приезжай, поедем на рыбную ловлю. Был когда-нибудь на ночной ловле?
 — Нет, и на дневной не был.
 — Приезжай, поедем на ночную.
 — Спасибо, до свидания.
 Отдельно я сказал Наде:
 — До свидания, Надя.

11

Уже совсем у города, на обочине, я заметил знакомый мотоцикл и попросил шофера остановиться.

Так и есть, на траве расположилась компания с Левой во главе.

— Ха! — ударил в ладони Лева. — Кого я вижу! Этого парня в детстве прозвали американцем за то, что он носил жокейскую шапку и уверял всех, что она американская. Познакомься — это поэт (фамилию я не разобрал), а это Тамаз, мой одноклассник. Мы с ним вместе ездили на соревнования. Он гимнаст.

— Здравствуй, американец! — сказал поэт.

— Здравствуйте, — сказал я, — советские парни!

— Садись с нами, американец, выпей и отдохни с дороги.

— Спасибо, советские парни, выпью и отдохну.

Но прежде чем отдохнуть, я сказал шоферу, что останусь. Он махнул мне рукой и уехал.

Друзья были уже основательно на взводе. Поэт, совершенно пьяный, лежал на траве и, положив подбородок на руки, коснеющим языком говорил что-то нараспев — импровизировал.

Мухи кружились над скатертью, над бутылками и стаканами, над винными пятнами, над сыром, который тоже был закапан вином. Солнечные блики лежали на фруктах и рыбе, на бумажных обрывках, на всей поляне, и на плечах, и головах.

Лева сказал, прерывая поэта:

— Выпьем за нашего поэта! За эту встречу, которая так неожиданно началась, но так тепло и непринужденно продолжается. За ваше творчество и...

Поэт лежал на траве ничком и не смотрел, и не слушал Леву. А Лева сидел в позе египетской статуи, подложив под себя ноги, и держал в руке стакан с вином. Легкий ветерок доносил запах моря, которое было за железной дорогой, метрах в 200-х отсюда.

12

Любопытную историю услышал я о том, как Лева поступал в институт.

— Мои родители, — сказал он, — считают меня законченным идиотом. В особенности отец. Я не хотел поступать в институт. Одни мне советовали туда, другие — сюда, но никто не спрашивал, чего я сам хочу. А я не знал этого, и сейчас не знаю. И я решил никуда не поступать. Возьмут в армию — прекрасно, но поступать куда попало, лишь бы поступить, мне не хотелось. Это было бы нечестно. Верно?

— Вообще-то, верно.

— Но отцу моему этого в жизни не понять. Он был совершенно сбит с толку и всем, кто ко мне ни приходил, говорил одно и то же.

Лева изобразил отца, втянул голову в плечи, как-то сузился и, сняв и надевая воображаемые очки, заговорил другим голосом:

— Ты знаешь, я тебя очень уважаю. Ты спокойный, рассудительный. Повлияй, пожалуйста, на Леву. Я прямо не знаю, что с ним делать. Он ничего не хочет, надо всем смеется. По каждому случаю у него свои какие-то странные понятия. Откуда он их только берет? Ведь до вас все же существовала какая-то цивилизация, какой-то опыт уже накоплен. Почему им не воспользоваться? Нельзя все ставить под сомнение. Лева не хочет поступать в институт. О чем он думает? Мама так переживает, к тому же она больна. Поговори с ним.

— После третьего или четвертого посланца, который уговаривал меня поступить в институт или хотя бы успокоить папу, я написал ему стихи: «Город наполнился запахом липовым, вы из мечты моей начисто выпали, чувство мое оказалось к вам липовым, и виноваты во всем только вы были». Он обиделся и несколько дней со мной не разговаривал. Потом он от уговоров перешел к действию и сам сдал мои документы в педагогический институт. Пришлось идти сдавать экзамены. За моей спиной он развил бурную деятельность и даже вступил в сговор с завкафедрой физкультуры. Завкафедрой присутствовал на каждом экзамене. Короче, у меня была зеленая улица, и все было прекрасно до экзамена по истории. Это был последний экзамен, за который ни папа, ни завкафедрой уже не беспокоились, так как преподаватель истории был ими подговорен, а по всем остальным предметам у меня были нормальные отметки. Но в утро экзамена подговоренный историк заболел, и экзамен стал принимать другой. Этот другой, ушастый тип, сидел, низко склонившись над столом, на отвечающего не смотрел, говорил очень тихо и сажал одного за другим. Мне даже весело стало, потому что историю я знал и только боялся какого-нибудь вопроса вроде «Резолюция по профсоюзам на 14 партконференции». Взяв билет, я еще большие развеселился... Лучше всего я знал первый вопрос — восстание Болотникова. Я стал ему живо рассказывать, как Болотников восстал и пошел на Москву, чем было вызвано восстание, какие события ему предшествовали, и постепенно дошел до того, как в главном сражении под Калугой ему изменили бояре Прохоровы и Ляпуновы, из-за чего он проиграл битву и был разбит. «Под Калугой?» — тихо переспросил он. Я помнил, что под Калугой, но подумал, что, может быть, путаю, и сказал: «Под Орлом». «Так под Калугой или под Орлом?» Потом он стал добиваться, которые из них братья — Ляпуновы или Прохоровы, но меня уже захлестывала злоба. Такие типы могут не засчитать тебе знание Некрасова, если ты не помнишь дату его смерти или рождения. Я знал восстание Болотникова, его историческое значение, ход его развития, а под Калугой ли или Орлом произошло решающее сражение — вопрос совсем даже не принципиальный. Так я ему и сказал. На это он, не поднимая глаз, ответил: «Об этом позвольте судить мне. Пока что я не обнаружил у вас знания истории. Перейдем ко второму вопросу...» Меня такое зло взяло! Вот сидит этакий живой нож и режет меня. А за что? И аккуратно все так: билеты разложены, карандашики, листочки, сам весь чистенький, умытый, белые манжеты приподняты над столом и в галстук булавка с дешевым камнем. И еще он почему-то принес с собой чернильницу. Она-то и сыграла роковую роль. В тот момент, когда он, опустив глаза, сказал, что я и второго вопроса не знаю, я опрокинул на него стол, и чернильница, тихо покотившись, упала на его чистенькую рубашку. Разорвав и разбросав билеты, я вышел из аудитории, а он стоял у доски, оттягивая пальцами липнущую к телу чернильную рубашку. Все, кого он срезал, очень обрадова-

лись и тут же решили идти на него с жалобой, что он несправедливо и плохо принимает и даже «довел человека». Отец уже приготовил мне подарок — золотые часы. Теперь он отказывается от меня, а завкафедрой предлагает мне идти к ним тренером, а на следующий год опять поступать. И в городской федерации есть работа тренера.

— Ну и пойд! Чего тебе еще нужно? Чего раздумываешь?

— Раздумываю потому, что это выбор жизненного пути.

— А какой у тебя другой вариант?

Лева не ответил и задумался.

13

Под парусиновым тентом, омытым ливнями, иссушенным зноем, прямо на улице стояли столики. От тротуара веяло прохладой, пахло морем и японским жасмином, розовым пахучим цветком. Это место как будто специально придумали для проходящих на свидание к гостинице. Мужчины устраивались под тентом, не желая сидеть в душном вестибюле. Подавали кофе и мороженое. Мороженое было с кусочками льда, которые царапали небо. Кофейня славилась на весь город. Ожидющие следили за выходом из гостиницы, прекрасно видном из всех точек подтентового мира, неторопливо отпивая кофе из белых чашечек. Когда надо было, посетители поспешно вставали и расплачивались, что было несложно, так как кроме маленьких белых пустых уже чашечек считать было нечего. Затем они выходили на улицу и под пальцим зноем, не скрывая своей радости или, наоборот, сдержанно и с достоинством здоровались со своими разодетыми дамами и еще некоторое время стояли на самом пекле, обсуждая и прикидывая, куда пойти.

Кроме тех, кто приходил на свидание, здесь еще собирались истинные любители кофе. В зависимости от настроения и характера, кофе пили равнодушно, весело, безразлично, лениво, задумчиво, медленно или одним глотком. Кофе глотали, как лекарство, кофе смаковали, словно эта чашка была единственной, отведенной на целую жизнь.

Официантка принесла мне чашечку.

— Для чего эта гуща сверху?

— Так полагается. Это ведь турецкий кофе, а не чай... Погоди, и гуща осядет, — добавила она.

Разнеся по столикам кофе, она уселась на перила, глядя на улицу.

— Меня никто не спрашивал? — обратился к ней какой-то парень в замасленных штанах.

— Нужен ты кому.

Напротив, загораживая вход в гостиницу, стояли красные автобусы.

— Ох, уж эти туристы! — сказал я официантке. — Ну и публика!

— А что?

— Когда я шел сюда, один молодец спросил у меня, как пройти на море.

— Ну и что ты ответил?

— Ничего. Море кругом, что я мог ему ответить?

— Ишь ты! Если б, значит, тебе потребовалось пройти на море, ты бы не спрашивал, а стал разыскивать сам, что ли?

— В лесу деревьев не ищут!

— О, какой ты ученый! Ну, ладно. Туристов ты не любишь. А туристок?

— Еще больше.

— Да? Что ты имеешь против них, интересно?

Против них я имел то, что меня раздражали их громкие голоса, которыми они хвастались, сколько съели за день килограммов фруктов. Но то, как они жадно устремлялись ко всем удовольствиям, которые им мог дать юг, пользуясь всем, независимо от своих наклонностей. Но более всего то, как они легко сходились со всеми, кто этого желал, разыгравая африканские страсти или затевая томные романы. А их мужья писали им в это время нежные письма и, задыхаясь от пыли в городах, присылали дополнительные суммы на развлечения, нарушающие супружескую верность.

— Каждый живет, как может, а не как хочет, — сказала она задумчиво. — А они... они виноваты еще менее своих мужей.

И еще она добавила:

— Женщинам живется труднее, чем мужчинам.

Она сидела на перилах, болтая ногами. И я смотрел на ее зачесанные назад волосы, на мечтательный взгляд, устремленный в неведомые мне глубины ее желаний, и смутная тоска по иной жизни, испытываемая ею, передавалась и мне.

Я расплатился, сел на перила и тоже стал смотреть на гостиницу.

— На перилах сидеть нельзя.

— Тебе можно, а мне нельзя?

— Да.

— Есть ли на свете хоть что-нибудь, что можно одному, а другому нет?

— Да, — ответила она, — безусловно.

— Что же именно, милая?

— Милая, да не твоя. Вот мой ответ.

— Я понял тебя. Ты замужем?

— Да.

Став вдруг серьезной, она сказала:

— Я приехала сюда по путевке, думала, посмотрю южную природу, покупаюсь и — домой. А получилось так, что вот уже четыре года все купаюсь. Встретила здесь своего парня и вышла замуж. Сейчас только и думаю, чтоб и дальше все так было, даже лучше не надо. Он иногда выпивает, но парень хороший. И родители у него хорошие.

— Дети есть?

— Конечно. Дочка... Ох, и скучала же я по родным местам, особенно вначале, а сейчас уж начала привыкать. В этот год, наверное, зимой съездим... Никогда не думала, что так получится.

— Дай бог тебе счастья.

— Спасибо.

Туристы, толпясь, садились в автобусы. Из гостиницы вышла Наташа. Я спрыгнул с перил.

— До свидания.

— Давай, давай, — сказала официантка. — С богом.

— Ты что это с ней любезничал?

— Я не любезничал. Мы разговаривали.

— Не можешь два шага сделать, чтобы не затеять с кем-нибудь шашней. Презираю тебя.

Мы пошли под ослепительно белым солнцем. Сбоку тянулся бульвар, вечнозеленый и пахнущий морем, полный цветов, а воздух на жаре был легким и свежим, как запах магнолий. Прямо на тротуаре росли яльмы и кипарисы, и тень под ними была густой и темно-синей.

Наташа остановилась.

— Я не пойду дальше.

— Почему?

— Пойди и полюбезничай еще с этой официанткой, разносчицей кофе.

— А ты куда пойдешь?

— Я найду, что делать. Я вернусь в гостиницу.

— Будешь в сотый раз за день примерять платья, красные и фиолетовые?

— Да, — сказала она, с ненавистью на меня глядя, — примерю все до одного. А ты пойд и назначь ей свидание.

— Я с ней не любезничал. Я ждал тебя, и мы с ней разговаривали.

— Пойди и назначь ей свидание, — повторила она.

— То тебе одно не нравится, то другое. То Лева, то еще что-нибудь. Теперь ты устраиваешь сцену на жаре. Каждый день одно и то же.

У нее из глаз брызнули слезы.

— А ты можешь оставить меня в покое?!

Она повернулась и убежала, закрыв лицо руками. Прохожие оглядывались на нее и на меня. Я еще потоптался на месте. Пахло лимонном и рыбой. Мальчишки на дереве ели инжир, так называемую винную ягоду. Проехали туристы в красных автобусах, успокоившиеся, наконец, на своих мягких сиденьях.

Я вернулся в кофейню. Официантка сказала, ставя передо мной чашечку:

— Быстро ты. Что такой невеселый?

14

Зашло солнце, наступил вечер, а я все еще сидел в кофейне. Мне некуда было идти. Я курил сигарету, в ней что-то тихонько взорвалось, и этот микровзрыв напомнил мне другой, который произошел днем. Под тент проникла прохлада, с набережной донесся гудок парохода и голос, который в мегафон приглашал желающих прокатиться по морю. «Одночасовая морская прогулка, — вещал жестяной голос, — стоит 20 копеек». Шумная компания принесла с собою арбуз и весело подала его, завалив огромными корками маленький столик.

Прошли девушки с рюкзаками, кушая мороженое, стуча, как солдаты, подкованными каблукками.

Из гостиницы вышла Наташа. На руке ее болтался зонтик. Она поглядела по сторонам, взглянула и на кофейню, но не заметила меня. Потоптавшись в нерешительности, она присоединилась к толпе, гуляющей по набережной.

Зачем ей зонтик от солнца, когда наступил вечер?

Но вот она появилась опять, ведя за руку, словно на поводу, парня в тубетейке. Оказывается, она все-таки заметила меня, так как остановилась с ним прямо против того места, где я сидел.

— Вот здесь я живу, — сказала она, скосив глаза в мою сторону. — Надеюсь, вы будете частым моим гостем?

— Еще бы, — ответил он, сияя, как праведник.

— Вы покажете мне город? Все пляж да пляж, а города я, собственно, и не знаю. Ведь должны же быть здесь какие-нибудь достопримечательные места?

— Тут есть такое место... — начал он, но она его перебила:

— Мы будем кататься на лодке, а купаться на дальнем пляже. Но... может быть, вам неинтересно со мной?

— Ты что! — сказали его глаза. — Как может быть с тобой неинтересно?

— Тут есть такое место, — опять начал он, но она его вновь перебила:

— Итак, до завтра. А теперь я пойду.

Она переложила зонтик из одной руки в другую и церемонно с ним попрощалась, бросив на меня торжествующий взгляд.

Вертящаяся дверь вестибюля поглотила и ее, и ее зонтик. Затем на фасаде зажглось ее окно.

Мимо кофейни прошла молодая женщина, разодетая с пышностью эстрадной певицы, под руку с моряком.

Гуляющие проходят парами и семьями, и тихо шелестит тротуар под их ногами. Негромкий говор долетает под тент.

На небе сияет луна, тяжелая и круглая. Небеса, казалось, провисают под ее тяжестью, как цирковая сетка под тяжестью акробата. Эстрадная певица возвращается с моряком, и они входят в кофейню. Отодвигая ей стул, он говорит:

— Вы раните мое сердце, и без того израненное.

Пошел дождь, пахнуло прохладой и сыростью, с тента потекли струйки. От гуляющей толпы осталось одно воспоминание. Улицы в обе стороны стали пусты, и бульвар опустел, и только в подъезде наискосок стояли люди, пережидая дождь, и вестибюль гостиницы был полон.

Из гостиницы вышла Наташа. В руке она держала листок бумаги. Она отыскала меня глазами и подошла к моему столику.

— Посмотри, что я написала, — сказала она.

Я взял листок, а она села со мной.

Дождь идет на улице
третий день подряд.
Вот уж будут лужи, —
люди говорят.

— Что ж ты на этом остановилась? — сказал я. — Надо было продолжить.

— Ничего, — ответила она, допив кофе из моей чашки, — я еще продолжу. Вот как пойдет другой раз дождь, я продолжу... Завтра мама приезжает.

Моряк и певица сидят, пригнувшись друг к другу, и он говорит ей что-то. А она не слушает или делает вид, что не слушает, вертя в руках чашечку и рассеянно провожая взглядом всех, кто встает или пересекает кофейню. С полога все еще стекают струйки затихающего дождя, падают на перила и исчезают в ночи, подхлестнутые порывами ветра.

Моряк и певица встают, и он проходит впереди нее, чтобы убедиться, что дождь действительно перестал. Она следует за ним в своих пышных одеждах, он берет ее под руку, и они медленно скрываются за углом. Кофейня пустеет.

— Давай завтра день проведем так, как тебе хочется, — сказала Наташа, поглядев на меня задумчиво. — Именно тебе. Хочешь?

— Хочу. Но только мне ничего не хочется.

— А мне хочется, чтоб мы провели день по-твоему.

15

— Итак, какая у нас программа? — спросила она, когда мы встретились. Одета она была скромнее обычного и вообще была очень сдержанна и серьезна.

Все это сбивало меня с толку. Никакой программы у меня не было, и вообще я чувствовал в ее затее подвох.

- Может быть, пойдем в музей Горького? — спросил я.
- А есть тут такой?
- Есть.
- С удовольствием.

Лично я люблю ходить по музеям и смотреть на вещи, принадлежавшие великим людям. Для меня от этого они становятся как-то живей и понятней. В особенности, если видишь какой-нибудь уникальный экспонат, например, простреленный и окровавленный черный сюртук Пушкина. Увидишь на улице мемориальную доску — и то останавливаешься и воображаешь себе, как умерший писатель или художник входил и выходил из своего подъезда.

В музее Горького встретили нас как дорогих гостей. Со всех концов его к нам кинулись обрадованные служители. Чуть не под руки ввели они нас под невысокие своды и провели вдоль стендов, объясняя, что на них лежит, и вопросительно поглядывали на нас. Они старались понять, зачем мы сюда пришли. «Этот стенд посвящен детским годам пролетарского писателя». «Это казанский период». «Шляпа Горького».

- Именно Горького?
- Нет, он носил подобную.
- У вас всегда так мало народу? — спросила Наташа, чтоб что-нибудь спросить.
- Сейчас лето, все на пляжах или за городом. А вот зимой, в особенности, когда дождь — посетителей больше. Но в дождь они следят и пачкают.
- Горький когда-нибудь бывал в вашем городе?
- Конечно! Вон он где останавливался.
- Экскурсовод подошла к окну и показала белую виллу на горе.
- Между прочим, я его помню. Высокий, строгий, фрукты не любил.

— А ты о чем задумался? Посвяти меня в свои размышления, — сказала Наташа.

Я стоял перед фотографией, где Горький, еще очень молодой, сидел на солнце на суку, держась за ствол, и чуть заметно улыбался. Я вспомнил его рассказ «Первая любовь». Никогда потом не писал он так чисто и сильно про любовь, именно любя, а не анализируя. Я вспомнил, как он познакомился со своей возлюбленной, как разодрал булавкой ногу, как они жили в предбаннике, и он любил ее, и носил на руках и писал в это время всякие мелочи под фамилией Иегудиил Хламида. Денег у них не было, но они были счастливы. И нет теперь ни Горького, ни той женщины, но есть этот рассказ, в котором они оба живут.

Я настроился лирически, стал размышлять вслух, показывая ей дворики и виды. Наташе стало скучно, и мы поехали на пляж.

Два дня я не видел Левы, а на третий, когда я вернулся домой с разгрузки холодильников, меня остановила во дворе Нани.

— Был твой друг Лева. Он сказал, чтоб ты, если успеешь, пришел на вокзал. Он сейчас уезжает. Он сказал, чтобы ты обязательно пришел.

Я помчался на вокзал. Лева стоял за киоском, с ним был Тамаз. Их провожали две девушки, одна из них — Надя! И еще Сандрик и какой-то мужчина с яркой лысиной. Лева удивился, что мы с Надей знакомы.

— Это мой дядя, — представил он мужчине. У дяди был вид усталый и скучный. Левин товарищ был сосредоточен и то и дело оглядывался, на месте ли вещи.

— Дома не знают?

— Конечно, нет!

— А куда вы едете?

— Пока до Харькова с пересадкой на Новосибирск, а там видно будет.

Он был оживлен и весел, как человек, принявший решение.

— Там всюду, — махнул он рукой туда, куда, синев, убежали рельсы, — наверное, такая же жизнь, точно так же люди ищут чего-то, а чего — и сами не знают, и так же едут оттуда сюда. А я отсюда туда. И все потому, что каждый хочет прочесть новую страницу своей жизни.

— А Тамаз?

— А Тамаз хочет как можно больше заработать, купить машину и вернуться назад.

— А где ты взял деньги?

— У дяди.

— И он тебя не выдал?

— Нет. Он мужчина, а не дерьмо, как все прочие.

Дядя стоял чуть в стороне, забытый всеми, и протирал платком лысину.

— Они антиподы с моим отцом, — сказал Лева.

Тамаз перешагнул через чемоданы и придерживал их ногой. Сандрик спрашивал у кондуктора, почему перед отходом по колесам стучат палочкой.

Лева подошел к киоску и велел продавцу раскупорить бутылку. Тот наполнил стаканы.

— Я не хочу, — сказал Тамаз.

Дали пригубить и Сандрику.

— Когда ты приедешь? — спросил он у Левы.

— Не знаю.

— Напрасно ты это делаешь, — сказал я. — Глуповато это.

— Может быть, — ответил он.

Пожелали им успеха и счастья, выпили. Поезд тронулся. Лева полез в карман.

— Что ты! Я заплачу. Беги! — сказал дядя.

Лева обнял нас, и мы, целуясь, гурьбой бежали вдоль поезда, а Надю он не успел или забыл поцеловать, и она остановилась и горько, спрятав лицо в руки, заплакала. А поезд шел мимо все быстрее и быстрее, унося Леву и его товарища, и многих других людей, которые ехали за своим счастьем.

— Что это ты загрустил? — спросила хозяйка.

— На душе что-то не так.

— Вот-вот, — обрадовалась она, — у вас у многих сейчас что-то не так. А с чего? Какое у вас горе?.. У меня вот мужа в войну убили и осталась я одна да молодая. И так мне стало жаль себя: все убивалась я, все плакала. А потом думаю: жить-то надо. Приехала сюда, ничего у меня не было, а теперь дом свой. Никто мне не помогал, все сама.

— Я понимаю...

— А я вам скажу, что вы разбаловались! Горя настоящего не знаете и забот у вас мало, вот и беситесь.

— Что я сделал, тетя Мотя? За что вы на меня напали?

Ее крикнула соседка, и она ушла, не ответив.

К двум ночи я отправился на вокзал. На улице было пусто, в белесом тумане мелькнул светлячок. Никакой транспорт уже не ходил, было тихо и пусто, чуть посветлело на востоке, а цветы и пальмы пахли так, что закачаешься. Сзади послышался шум мотора, я поднял руку. Урча, приблизился «Москвич».

— Подвезите на вокзал, — попросил я.

— Садитесь.

«Садитесь» удивило меня и я оглядел водителя. Это был хорошо одетый мужчина средних лет. Я стал мучиться, как мне заплатить ему, а тут еще из-за тучевых кустов вышел милиционер и тоже поднял руку.

— На вокзал? — спросил он.

— Садитесь, — сказал водитель, и мы поехали.

Мы подъехали к вокзалу, я вопросительно взглянул на водителя, а он улынулся мне, открыл дверцу. Лейтенант вышел с другой стороны, ни о чем не заботясь, а я все держал руку в кармане. Водитель кивнул и захлопнул дверцу.

— Спасибо, — крикнул я. «Москвич» уехал.

Я стал у выхода на вокзальную площадь. Подъехал хлебо-булочный фургон, и из него, к моему удивлению, вышла Сенина жена. Она была с чемоданом.

— Здравствуйте, — сказал я.

Она не удивилась, опустила чемодан и стала рядом. Вид у нее был усталый и измученный.

— Вы куда? — спросил я, а она повернулась ко мне, прижалась к груди и расплакалась. Дежурный по станции смотрел на нас с равнодушием и скукой — он, видно, ко всему привык.

Потом она успокоилась, вытерла глаза и рассказала глухим голосом:

— Сеня не был дома двое суток. Пришел сегодня утром, пьяный, потный. Кричал на меня, что я ханжа, что ему надо с людьми общаться, а я хочу, чтоб он сидел только со мной... Словом, все то же самое. Хлопнул дверью и опять ушел. До сих пор нет... Я решила ехать. Ни к чему такая жизнь. Надо думать о себе, о ребенке... Главное, не могу понять: за что?! За что он меня так? Я все для него делала, старалась для семьи... Была ему верна.

Подошел поезд.

— Это все его дружки, — сказала она, — до добра они его не доведут. Ему надо бросить пить, а у него силы воли нет.

Она вздохнула.

— А я почему-то думаю, что он бросит.

— Почему ты так думаешь?

— Жизнь идет к тому, неумолимо, вся эта гульба, все это свинство получит должную оценку. Их поразгоняют. Слишком надоели. Хотя не это, конечно, главное.

— Дай бог, — вздохнула она и поглядела наверх, на станционные часы, еле заметные на фоне рассветного неба.

Из вокзала одной из последних вышла Наташина мама с двумя чемоданами в руках. Она посмотрела на нас иронически. За этот взгляд я возненавидел ее навсегда.

— Мне нужно идти, — сказал я. — До свидания.

— До свидания, — пожала мне руку Сенина жена.

Я бы остался с ней, но если бы она вдруг захотела вернуться, я был бы ей помехой. Она взяла свой чемодан и вошла в вокзал.

— А где Наташа? — В голосе Наташиной мамы чувствовалась тревога.

— Спит. Где же ей еще быть?

— Вы что, поссорились?

— Нет, все нормально.

— Разберемся потом. Поехали.

Мы с трудом нашли машину и приехали в гостиницу.

— Номеров нет, — сказал швейцар, когда мы постучались.

Наташина мама ответила:

— Нам номера не нужны. Я заберу дочку и утром же мы уедем в санаторий. Вот путевки.

— Но вы не можете оставаться здесь даже до утра, раз вы у нас не живете.

— Тогда мы переедем прямо сейчас. Пустите, я заберу дочку.

Швейцар открыл.

— Передайте Наташе, что я завтра уезжаю.

Это решение я принял только сейчас, пока она препиралась с швейцаром.

— Хорошо, я передам, — сказала она со значением, как все, что она говорила и делала. — Спасибо, что встретил.

Была ночь, тихая пустынная ночь, хотя уже и светало. С берега сильно пахло морем и нефтью, а рейсовый пароход в порту был ярко освещен. Но огни его уже меркли в свете наступающего дня.

18

С утра Нани была в хлопотах — сегодня приезжал ее жених. Надо было видеть, как сияли ее глаза, как она носилась по двору и шумела, прибирая в доме, а соседки помогали ей, и все были рады за нее.

Я пошел в последний раз побродить по городу. Листья и стебли олеандров, пальм и прочих вечнозеленых деревьев казались синими под палящим солнцем. Проволочная дверь кафе под огромным жалюзи была почти прозрачной. Я заглянул в кафе, прижавшись лбом к тонким проволокам. Словно сквозь москитную сетку или марлю, я видел, как между мраморными столиками сновали в прохладе официантки в белых фартуках, с хачапури, холодной водой и маслинами.

Я вспомнил свою официантку и пошел к ней.

— Я сегодня уезжаю, — сказал я.

— Сейчас, обожди, я подойду.

Она освободилась и подошла.

— Уезжаешь, значит? Ну, что ж... счастливого пути. Кофе будешь?

— От всей души желаю тебе счастья, — сказал я, вставая.

— Спасибо, — сказала она, — я пойду, а то меня зовут.

Затем я посидел на узорчатой скамеечке в табачном магазине, пережидая зной, и смотрел на белую от зноя, залитую солнцем улицу, на пальмы и на курортников с их пляжными сумками, которые они волочили за собой по тротуару. На улице у входа стояли три девушки, дожидаясь кого-то. Одна из них наклонилась, поправляя завязку сандалии, и я отвернулся.

На бульваре под магнолиями стояли белые столики. Здесь продавали мороженое. За кустами чуть всплескивало море, над ним сновали чайки. На воде покачивались лодки, готовился отойти от пристани катер, вдали, наполовину высунувшись из воды, носились глиссеры. За

парапетом шелестела вода, уютно устрояясь в выбоинах камня и тотчас отбегая назад, а ядовито зеленые стебли водорослей вытягивались вслед ее движениям. Во мху, густо облепившем прибрежные камни, притаились раки.

Я пошел с бульвара. Город лежал передо мной весь белый, залитый солнцем и неподвижный, со спущенными жалюзи и закрытыми ставнями, а сбоку, под тентом, мороженщик поливал из ведра тротуар между столиками. Я прошел под тентом, изнемогающим под тяжестью зноя, и поплелся под деревьями, стараясь идти в тени.

Я вернулся домой. Как раз приехал Нанин жених и — ох, как мы выпили! Его костюм был давно приготовлен, но он долго еще ходил по двору в майке, галифе и сапогах, и мылся под краном, а его деревянный солдатский чемоданчик Нани вынесла проветрить. Потом накрыли на стол, пришли его родители. Было очень весело, много танцевали и пели, а с улицы заглядывали прохожие, так как стол был накрыт во дворе. Нани была очень счастливая, а он не меньше, хотя и улыбался смущенной, виноватой улыбкой, словно извиняясь за свое счастье. Его друзья сидели, положив руки друг другу на плечи, вставали и говорили тосты, и так продолжалось, пока не стемнело. Мне было уже пора. Друг жениха сказал, что он подвезет меня. Хозяйка и Нани тепло со мной распрощались.

У вокзала мы оба вышли из «Победы».

— Когда приедешь еще? — спросил он.

— Не знаю. Посмотрим.

— Давай приезжай побыстрее, — сказал он. — К свадьбе.

Мы оба засмеялись и пожали друг другу руки. Он ушел, и я махал ему рукой, пока он не скрылся.

Тихо и мирно я поболтался на перроне, пока подошел состав, выпил хорошее холодное пиво в том самом киоске, где пили тогда, когда уезжал Лева. Дежурный со скучающим видом поднял флажок, поезд пошел, замелькали дома, поплыли пляжи. Вот уже и город растаял вдаль, а море сверкало, и тянулись пляжи, и мне в первый раз по-настоящему захотелось выкупаться.

Отар ШАЛАМБЕРИДЗЕ

СУХУМИ

Вот и гавань. Фонари все ближе, ярче,
Волны с плеском разбиваются у ног.
В брызгах, в пене возникает и маячит
Зародившейся поэмы огонек.

Чайка с морем отдыхающим играет,
То вблизи мелькнет, то скроется вдали;
То найдет она, то снова потеряет
Что-то, мне уже не видное с земли.

Да, земля, а ветер бьет с размаху в спину,
Тротуар качнулся плавно под ногой,
Словно я сейчас один корабль покинул
Лишь затем, чтобы подняться на другой.

Перевод с грузинского А. Флешина

Дуту

Из «Одишских рассказов»

Перевод с грузинского К. Корнители

Занимался рассвет — серый, мутный. Низко и неподвижно нависли над деревней тучи.

Дуту шел по проулку. Распахнутая рубаха до пояса, рукава до локтей, ветхие брюки до икр. Лицо — серое, мутное, как этот рассвет.

Дуту смотрел вперед, но ничего не видел: перед ним стояли глаза Ута. Огромные, вылезшие из орбит, навеки застывшие глаза... Больше ничего не видел Дуту. Ничего не слышал, ничего не чувствовал. Серый, мутный блик рассвета лежал на его лице. Он был как мертвец, — только ноги его тяжело ступали по вязкой грязи дороги. Глубокие следы тотчас заполнялись водой — всю ночь лил дождь.

Проулок кончился — теперь Дуту шагал по большаку. Справа тянулась ограда. Показалась калитка. Дуту рванул ее — заскрежетали ржавые петли.

Просторный двор покрывала трава — серая, блеклая. В глубине двора стоял дом. Долго шел Дуту до этого дома. Трава утопала в воде. Растрескавшиеся, мозолистые ступни с глухим чавканьем приминали её.

Моросило.

В усадьбе еще спали. Ни звука не доносилось из людской. Не твякнула ни одна собака.

Дуту поднялся на балкон. Навалился плечом на дверь, распахнул ее, вошел в комнату. Никогда в

жизни не поднимался он на этот балкон, никогда в жизни не входил в эту комнату.

В комнате было почти темно. У стены скрипнула кровать. Никогда в жизни не видел Дуту этой кровати. И сейчас не видел. Что-то вело его к ней...

В кровати лежал тот, к кому пришел Дуту: в кровати лежал Пеху.

И Пеху тоже стал похож на мертвеца. Он не видел Дуту, он чувствовал, что Дуту стоит у изголовья. Ничего не видел Пеху. Страх ослепил его.

— Дуту...

— Ты прислал ко мне Парна, Кехма и Эхма.

— Да, я прислал к тебе Парна, Кехма и Эхма.

— Парна, Кехма и Эхма увели моего Бурда.

— Бурда был моим крепостным, и ты мой крепостной.

— За три ока¹ соли ты продал турку моего Бурда.

— Бурда был моим крепостным, ты тоже мой крепостной!..

— Ты продал моего сына турку за три ока соли!

Пеху лежал на спине, закрыв глаза.

— Парна, Кехма и Эхма увели и мою Пуцу!

— Пуца была моей крепостной, и ты мой крепостной.

¹ Ока — старинная мера веса, от 3 до 4 фунтов.

Дуту стоял — худой, высокий. Куцая рубашка до пояса, ветхие брюки до икр. Глаза Ута мерцали перед ним. Огромные, вылезшие из орбит...

— Потом ты отнял у меня жену.

— И твоя жена была моей крепостной...

— За трех щенков ты продал турку мою Иу!

В людской проснулись, засуетились слуги. Во дворе гулко стучал топор. Точили ножи, острвенело визжал поросенок. Под окном слышался шепот — девушка притворно сердилась на парня: «Тише, душень, чтоб тебе провалиться! Разбудишь господина...».

А в доме спали.

«Хоть бы кто-нибудь вошел», — подумал Пеху.

— А в позапрошлом году ты продал турку и моего Гуджу.

— В позапрошлом году занемогла моя жена.

— За лекарство для своей жены ты продал турку моего Гуджу!

— Гуджу тоже был моим крепостным, и ты мой крепостной.

— Господь не простил тебе этого — твоя жена умерла от турецкого лекарства!

— Моя жена умерла от болезни, а не от лекарства...

Во дворе все еще точили ножи. Кто-то ловил курицу, она металась, кудахтала, хлопала крыльями.

— Тридцать лет я гнул спину и лез из кожи ради тебя.

— На что же годен крепостной, если он не гнет спину и не лезет из кожи ради господина.

— Если бы ты продал мою семью христианину, я бы и слова не сказал.

— Ты и сейчас слова не скажешь. Ты — мой крепостной. И твоя жена, и твои дети — вы все мои крепостные.

В загоне замычали телята. Значит, женщины доят коров.

«Хоть бы кто-нибудь вошел», — думал Пеху. — И чего они спят!».

За окном посветлело. Оттуда опять доносился шепот: «Ну что ты

с утра раннего бесишься!» — притворно сердилась девушка, выскальзывая из объятий парня.

«О, хоть бы кто-нибудь вошел! Весь мир забыл сегодня обо мне. Хоть бы кто-нибудь вошел...»

По грязи прошлепали шаги и стихли за углом... И следом — еще шаги, широкие, грузные, и тоже стихли. Парень гнался за девушкой. А она бегала вокруг дома и дразнила его тихим волнующим смехом.

Тяжело хлюпая, босые ноги месили жидкую, размытую дождями землю. Парень поймал девушку у окна. «Ну чего ты так, ну... Или сегодняшней день не имеет ночи?» — смеясь, шептала она. «Ты и вчера говорила так, и позавчера!» — с упреком возразил парень. Девушка вырвалась, убежала.

— А в прошлом году ты захотел продать и Дзика, моего отца.

— Отойди, я должен встать...

— Твое сердце не сжалилось даже над стариком.

— Твой отец был моим крепостным, и ты — мой крепостной.

— Мой отец убежал в леса.

— Да, бог наказал Дзика...

— Почему же тебя не наказал бог?!

— Отойди, я должен встать.

Парень опять поймал девушку у окна, обнял ее. Она рванулась — и тут же притихла. Горячее дыхание парня обжигало ее. «Я люблю тебя... — чуть слышно прошептала она. — Я так люблю тебя!» У него сладко зашлось сердце. Напряженные мускулы обмякли. «Тише, глупая, разбудишь господина...» — проговорил он. «Но я люблю тебя, люблю, люблю тебя!» — твердила она. «Тише, тише, разбудишь господина...»

«Да уж господин не простит тебе этого, — подумал Пеху, — скоро и тебя погонит по Стамбульской дороге!»

«Обними меня крепче, — шептала девушка. — Поцелуй меня крепче!» «Тише, тише, разбудишь господина...»

«Ох, почему господин раньше не отправил тебя в Стамбул!».

— Когда над Уртой взошла утренняя звезда, они заколотили кулаками в мою дверь. И за Бурда пришли они в то же время — Парна, Кехма и Эхма...

— Отойди, я должен встать.

— И Пуцу увели в час, когда над Уртой взошла утренняя звезда.

Дуту не отрываясь глядел на Пеху. Лицо Пеху было белее подушки.

— За Гуджу тоже пришли они в это время...

Пеху с трудом приподнял свинцовые веки, посмотрел на Дуту. Но не Дуту — смерть свою увидел Пеху.

— И жену мою увели в час, когда над Уртой взошла утренняя звезда.

— Отойди, я должен встать...

— И за Дзики пришли они в это время, но он ушел задом и не вернулся.

Рядом в комнате шумно зевал сын Пеху.

«Каха встал, — подумал Пеху. — Сейчас Каха войдет ко мне». По утрам Каха обычно заглядывал к отцу.

«Почему же не идет Каха!..»

— Черной стала для меня утренняя звезда. И не было для меня ни дня, ни ночи...

— Отойди, я должен встать.

В кухне толкли что-то в деревянных ступках, гремели медными котлами. «Уже все на ногах, почему же никто не идет ко мне? С Каха-то что случилось?!»

— Черный день приносила мне утренняя звезда...

— Отойди, я должен встать.

— Ты не оставил мне никого, кроме Ута. Ута было пять лет. Турки не дали бы за него хорошую цену. Потому ты не забирал его. Ты ждал. А для меня не было ни дня, ни ночи. Горе приносила мне утренняя звезда...

В комнату старой госпожи вошли прислужницы.

«Сейчас и ко мне войдут слуги...»

— Черной стала для меня утренняя звезда!..

В столовой начали накрывать на стол.

«Сейчас слуги войдут ко мне...»

— Этой ночью я не сомкнул глаз. Всей плотью чувствовал я — Парна, Кехма и Эхма придут на рассвете. Ты никого не оставил мне, кроме Ута. С пяти лет Ута спал в моей постели. Пять лет я держал его руку в своих руках. И не было для меня ни дня, ни ночи.

— Отойди, я должен встать.

— И когда над Уртой взошла утренняя звезда, тяжелые кулаки снова заколотили в мою дверь. Я знал — это Парна, Кехма и Эхма. Я держал в своих руках руку Ута. «Отец, это пришли Парна, Кехма и Эхма», — шептал Ута.

— Отойди, говорю, я должен встать.

— Я не отдам им тебя, сыночек, я не отдам тебя Парна, Кехма и Эхма, — сказал я Ута. А они навалились на дверь. «Отец, видишь, они пришли», — шептал Ута. «Я не отдам им тебя, сыночек», — сказал я. А они уже ломали дверь. «Папа, папочка, они уже пришли», — шептал Ута, и зубы у него стучали. Тогда я заслонил Ута своим телом...

— Отойди же, я должен встать.

— Я заслонил Ута своим телом.

— Отойди, я хочу встать!..

— Они выломали дверь, ворвались в комнату. Ута молчал, потому что я... я не отдал им его. Они сбросили меня с постели... А Ута молчал!

— Я хочу встать, слышишь!..

— Я не отдал им тебя, сыночек, — сказал я Ута. А он молчал. И глаза у него были белые, огромные...

— Ута был моим крепостным, и ты — мой крепостной!

— Все же ты умер христианином, сын мой, — сказал я Ута.

— Я повешу тебя за то, что ты задушил Ута...

— А все же Ута умер христианином!

— Я повешу тебя на первом же дереве за то, что ты задушил Ута!

— И тут я схватил дубину. Больше я ничего не помню... Только Ута... Он лежал неподвижно, вот так же, на спине. Глаза его вылезли... Огромные, белые глаза... — Дуту склонился над Пеху. — Этими руками я держал его руку!

— Отойди! Дай мне встать!

— Этими руками я держал руку Ута, — Дуту протянул к Пеху обе руки...

Во двор верхами въехали Парна, Кехма и Эхма. Все трое — перевязанные, в крови. За ними валила толпа. Из кухни и людской высыпала челядь.

На широкий балкон вышел встревоженный Каха. Со всех сторон в усадьбу сбегался народ. Старые и малые, мужчины и женщины — все, толкая, обгоняя друг друга, спешили в усадьбу господина. Протискивались в калитку, вбегали в растворенные кем-то ворота, перепрыгивали через ограду.

— Что случилось, Парна? — крикнул с балкона Каха.

Парна не ответил. Подскакал к дому, осадил коня. Кто-то придержал стремя. Он спешился. Кехма и Эхма никто не помог — сами спешились.

— Что случилось?! — Каха сбегал по лестнице навстречу.

У Парна были выбиты зубы. Лицо — распухшее, окровавленное.

Каха глянул на Кехма и Эхма.

У этих тоже — лица распухшие, окровавленные.

— У Дуту Кутэлиа сегодня утром должны были забрать Ута, — прошептала девушка.

— Здорово же отделалих Дуту, — сказал парень.

Парна поднялся на балкон. Каха — за ним. Кехма и Эхма остались во дворе, при конях. Парна вошел в комнату. Каха тоже вошел в комнату.

— Дуту своими руками задушил Ута! — прокричал какой-то крестьянин, осаживая в воротах неоседланную вороную лошадь.

— Несчастный Дуту!

— Дуту своими руками задушил сына!..

— Что ж, по крайней мере, Ута умер христианином...

Седовласый, седобородый старик осенил себя широким крестом:

— Не гневи бога, сын мой, — возразил он тому, кто сказал, что Ута умер христианином.

Во дворе иголке негде было упасть. Полуголые, в лохмотьях стояли мужчины и женщины.

Моросило.

— А все же Ута умер христианином! — повторил кто-то.

Седовласый старик опять осенил себя крестом.

— Не гневи бога, сын мой! — сказал он тому, кто радовался за Ута.

— А Дуту то ли земля поглотила, то ли небо, — никто не знает, где он, — продолжал тот же всадник на вороной лошади.

— Дуту ушел дорогой Дзики, — сказал тщедушный крестьянин в изношенной, потертой бурке.

Люди глядели на балкон.

Кехма и Эхма стояли молча, держа в поводу коней.

Парень ущипнул девушку пониже спины. У нее было такое упругое тело, что пальцы его скользнули.

— Что ты делаешь, увидят, — шепнула она.

Во двор валом валил народ. Калитки уже не было — сорвали.

Пеху лежал навзничь. Глаза у него вылезли из орбит — огромные, белые, застывшие.

Каха не сразу понял, почему у отца такие глаза. Потом он увидел Дуту, стоящего над изголовьем.

— А-а! — вырвалось у Парна.

— А-а-а! — взревел Каха.

— У Ута тоже вылезли глаза... — проговорил Дуту.

Люди теснились перед балконом. Впереди стоящие еле сдерживали напиравшую сзади толпу.

— Дуту нигде не могут найти, — слышалось вокруг.

— Дуту ушел дорогой Дзики.

— Теперь уж ему не для кого жить!..

Моросило.

— Сгнила вся земля, — сказала рябая женщина.

— Еще бы не сгнить, целый месяц лет, — осеняя себя крестом, отозвался седовласый старик.

Распахнувшись, стукнула об стену дверь. Вышел Дуту.

— Дуту!

— Дуту!!

— Дуту...

Глухой ропот прокатился по толпе.

Дуту смотрел во двор, но ничего не видел.

Люди ринулись к балкону. Стоящие впереди уже не могли сдерживать натиска толпы.

— Дуту!

— Дуту!

— Дуту!

А Дуту стоял, будто окаменев.

На балкон выбежал Каха с кинжалом в руке.

По пятам за ним — Парна.

— Не здесь, Каха! — Парна схватил занесшую кинжал руку.

В комнате протяжно закричала старая госпожа.

За ней закричали, заголосили женщины.

Парна толкнул Дуту в спину, погнав к лестнице. И когда Дуту спустился, Парна еще раз толкнул его в спину.

Во дворе никто пока не знал, почему в комнате голоса женщины.

Дуту окружил народ.

— Горе тебе, Дуту!

— Несчастный Дуту!

— Под какой звездой ты родился, Дуту!

— Дуту, что ты наделал, Дуту! — сказала рябая женщина, утирая слезы.

— Ох, что натворил ты, богом отринутый!

— Как мог ты убить родного сына?!

— Душу свою загубил, Дуту!

— Несчастный, он сошел с ума, — тихо сказала девушка парню.

— Как задушил ты сына, Дуту? —

потрясая вытянутой рукой, крикнул седовласый старик.

— С каким лицом ты предстанешь перед господом, Дуту? — сказал тщедушный крестьянин в изношенной бурке.

— Ахавай¹, Дуту! — воскликнул всадник на вороной неоседланной лошади.

— Господин повесит тебя на дереве, Дуту!

— Ты слышишь, Дуту, господин повесит тебя на дереве!

— Они пришли, отец, пришли Парна, Кехма и Эхма, — шептал мне Ута, — проговорил Дуту.

Он весь посинел.

Тщедушный крестьянин сбросил свою бурку, накинул ее на плечи Дуту.

— С человеком чего только не случается, Дуту!

Парень опять ущипнул девушку.

— Давай побегим сейчас в загон, — прошептала она.

— Увидят, глупая...

— Не бойся, сейчас живая душа туда не заглянет. — И, не дожидаясь ответа, она повернулась и пошла. «И чего я ждала столько времени», — думала она, сильным плечом, раздвигая толпу.

Парень пошел за ней.

Народ все теснее окружал Дуту. А он стоял — посиневший, неподвижный, — и глядел прямо перед собой. Бурка лишь до пояса укрывала его.

— С каким лицом предстанешь ты перед богом, Дуту? — качая головой, твердила женщина в черном.

— Разве есть еще бог на свете! — причитая, заплакал кто-то.

В доме надсадно заголосили женщины.

— Вай, ахавай. Пеху!

— Горе нам, Пеху!

Каждый старался поближе подойти к Дуту.

— Я не отдам им тебя, сыночек, успокаивал я Ута, — сказал Дуту.

¹ А х а в а й — восклицание горя, скорби.

Тщедушный крестьянин взобрался на круп вороной лошади, чтобы лучше видеть Дуту.

— Чего только не случается с человеком, Дуту!

— Парна, Кехма и Эхма выломали мою дверь...

Все оглянулись на Кехма и Эхма. Они стояли возле коней.

— Ута ничего уже не шептал, — проговорил Дуту.

Кехма и Эхма стояли, вцепившись в удила, и беспокойно озирались по сторонам.

Народ окружал их кольцом.

Парна сразу увидел это и тоже начал озираться по сторонам.

Кольцо сомкнулось так тесно, что не видно было ни Кехма, ни Эхма.

Парна вбежал в комнату.

— Почему ты не позвал меня, отец! Какой дьявол наслал на меня такой крепкий сон! — причитал над телом отца Каха.

— Вай, Пеху! Вай, Пеху! — хрипло голосила старая госпожа.

Вопили, причитали женщины.

— ... Кехма и Эхма расковыряли золу в моем очаге и запалили лучину, — проговорил Дуту.

— Господин повесит тебя, несчастный!

— А все же Ута умер христианином, — сказал Дуту.

— В недобрый час родился ты, Дуту!

— Не видать тебе солнечного дня, Дуту!

А люди все шли и шли на широкий господский двор.

— Вай, Пеху! Вай, Пеху! — убивалась старая госпожа.

Причитали женщины.

Над Уртой небо будто раскололось — сверкнула молния, оглушительно загредел гром. Небо прорвало — хлынул ливень.

...По проулку бежала девушка. Она бежала прямо по лужам, и грязные, мутные брызги разлетались по сторонам. Временами она оглядывалась — искала парня. «Скорее же, чего ты плетешься!..»

Она бежала, почти не касаясь земли, и мокрый подол платья задирался выше колен. Парень горюливо шел под хлещущим дождем, не отрывая глаз от ее длинных, полюбуженных ног.

Загон был тут же, за поворотом. Там в стогах — сухое сено, и туда сейчас не заглянет живая душа.

Рута БЕРОДЗЕ

ХОЧУ ЗНАТЬ

То мчал меня вперед электровоз,
Шлагбаумы тянули к небу руки.
То паровоз под мерный стук колес
Попыхивал неторопливо трубкой.

Заря неуловимо вдруг напомнила
Мне паруса над Доном и Днепром,

Плыли поля, темнея свежим дерном,
И ветер мчался лугом напролом.

В экспрессе проскиталась я немало,
Но до сих пор постичь не удалось,
Где Родина моя берет начало,
И где конец ее?..

ЗДЕСЬ ОН БРОДИЛ...

Солнце тонко чеканит иглы сосен,
Поджигает солнце листву пожаром.
Скакунов неоседланных с горной осыпи
Гонят к речке студеной мальчишки-пшавы.

Серебро раззвенелось в синих потоках,
Блещут синей форели стальные слитки.
Здесь отваги и песни живут истоки,
В этом мире солнечно-многоликом.

Здесь Важа бродил по тропинкам горным,
Словно Зевс, обходящий свои владенья.
Преклоняли колени смиренно горы
Перед мощью безбрежной его творений.

Словно выстрадал он все земные боли,
Все земные скорби!.. Тихи и рады,
Даже ивушки-ивы не плачут боле
По колено в хрустальной струе Арагвы.

Перевод с грузинского Л. Магистровой

О ФОНТАНАХ

Я вглядываюсь пристально в рисунок
фонтанов, как в деревья из стекла.
Я собственные слезы узнаю в них,
когда-то, в пору свидений юных,
рассыпанные мною без числа.

О, как я мог не вспомнить ощущения
небесных рук в вещах и обиходе,
не замечать величия вне сравнения
старинных парков над вечерней тенью,
не слышать всплесков девичьего пения,
пробившегося за края мелодий,
чтоб явлю стать — как будто бы оно,
поднявшись ввысь, немедленно должно
в прудах отверстых жаждать отраженья?

Теперь, когда запомнил навсегда я
все, что стряслось с фонтанами и мной,
я тяжесть низверженья осязаю
в миг соприкосновения с водой.
Я знаю о ветвях, склонивших плечи,
о голосах, мерцающих, как свечи,

о тех прудах, что берегам навстречу
бегут, их повторяя неумело,
о небесах, ступающих несмело
к лесам, обуглившимся на закате,
и мрачных оттого, что их некстати
забросило неведомо куда...

Но я забыл, что каждая звезда
удиненья ищет в мирозданье,
что звезды редко плачут, но всегда
при встречах... И, возможно, их сиянье —
свидетельство о нашем пребыванье
в других мирах? Возможно, мы признаье
поэтов их снискали и сумели
их вдохновить? А, может быть, на деле —
мы для чужих проклятий лишь мишени?
А вдруг мы только близкие соседи
их бога, о котором в дни трагедий
они с надеждой вспоминают, плача,
и чье изображение в передаче
на ищущих лучах их фонарей
вдоль наших лиц скользит игрой теней.

ПЕСНЬ ЛЮБВИ

О как держать мне надо душу, чтоб
она твоей не задевала? Как
ее мне вырвать из твоей орбиты?
Как повести ее по той из троп,
в углах глухих петляющих, где скрыты
другие вещи, где не дрогнет мрак,
твоих глубин волною не омытый?

Но все, что к нам притронется слегка,
нас единит — вот так удар смычка
сплетает голоса двух струн в один.
Какому инструменту мы даны?
Какой скрипач в нас видит две струны?
О, песнь глубин!

ПАНТЕРА

В глазах рябит. Куда ни повернуть их —
одни лишь прутья, тысяча прутьев ряд.
И для нее весь мир на этих прутьях
сошелся клином, притупляя взгляд.

Беззвучным шагом, поступью упругой,
описывая тесный круг, она,

как в танце силы, мечется по кругу,
где воля мощная погребена.

Лишь временами занавес зрачковый
бесшумно поднимается. Тогда
по жилам бьет струя стихии новой,
чтоб в сердце смокнуть навсегда.

ИСПАНСКАЯ ТАНЦОВЩИЦА

Как спячка, чиркнув через миг-другой
выбрасывает языками пламя,
так, вспыхнув, начинает танец свой
она, в кольцо зажатая толпой,
и кружится все ярче и упрямей.

И вот вся пламя с головы до пят.

Воспламенившись, волосы горят,
и жертвою в рискованной игре
она сжигает платье на костре,

в котором изгибаются, как змеи,
трепещущие руки, пламенея.

И вдруг она, зажав огонь в горстях,
его о землю разбивает в прах —
высокомерно, плавно, величаво —

а пламя в бешенстве перед расправой
ползет и не сдается, и грозит.

Но точно и отточенно, и четко,
чеканя каждый жест, она разит
огонь своей отчетливой чечеткой.

СМЕРТЬ ПОЭТА

Его недвижный отчужденный лик
приподнят в изголовьи отвесно.
Весь внешний мир с тем, что ему известно
об этом мире было, канул в бездну,
в довременьи и безучастьи сник.

Никто на свете ведь не знал о том,
насколько тесно он был с этим связан:

с водою этой, глубио этой, с вязом,
что было это все его лицом.

И до сих пор его лицо — приманка
для шири, что была ему верна.
Мертвеет маска. Но пока она,
как тронутая воздухом изнанка
плода, какой-то миг еще нежна.

Перевод с немецкого К. Богатырева

РЕЖИССЕРЫ-ГРУЗИНЫ НА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ СТУДИИ

На недавно созданной в Москве экспериментальной студии, которой руководит кинорежиссер Григорий Чухрай, наряду с другими фильмами будут сниматься картины «Хаджи Мурат» — режиссером Георгием Данелия и о Нико Пирсоманавили — режиссером Георгием Шенгелая по сценарию Эрлома Ахвледиани.

ПЛЕНУМ РАБОТНИКОВ КИНО ГРУЗИИ

10 июня состоялся пленум работников кинематографии Грузии, посвященный XXIII съезду КПСС и задачам работников кино нашей республики.

В работе пленума принял участие секретарь ЦК КП Грузии Д. Г. Стураа.

СЪЕЗД ТЕАТРАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА РЕСПУБЛИКИ

На шестом съезде театрального общества Грузии, проходившем в помещении театра имени Грибоедова, деятели сценического искусства республики обсуждали насущные вопросы нашей театральной жизни.

Демна ШЕНГЕЛАЯ

Писатель — исследователь жизни

Жизнь все время решительно вторгается в наши литературные дела. Год от году все больше поражаешься ее богатству, безграничности ее содержания, неисчерпаемости красок, форм. Она все время опрокидывает сложившиеся представления, заставляет многое переосмыслить, продумать заново. Голос жизни диктует литературе ее законы. И сейчас литературное произведение не только плод вдохновения писателей, а прежде всего труд, продиктованный чувством высокой гражданской ответственности, сознанием того, что делаешь дело большой государственной важности.

Все ждут от литературы, — и этого настойчиво требует жизнь, — подлинно философского осмысления жизненных явлений, серьезных идейных и художественных обобщений.

Все это — в традициях русской классической литературы, нашей великой предшественницы, у которой мы постоянно должны учиться, постоянно черпать из этого богатейшего источника драгоценнейшее качество — быть душой и совестью народа, необычайно чутко улавливать главное направление его жизни, откликаться на самые животрепещущие проблемы, стоящие перед обществом. Произведение непременно должно нести большую философскую мысль о величии нашей жизни.

Объектом изучения классической литературы был в основном «маленький» человек, бесправный и униженный самодержавным строем. За 48 лет Советской власти этот «маленький» человек стал хозяином страны, в его руках сосредоточено управление могущественным государством, он осуществляет руководство в самых сложных сферах общественной и культурной жизни страны. Быть исследователем этого интереснейшего процесса полной внутренней перестройки личности, его психологии, мышления, характера — задача почетная и волнующая.

Мы уже привыкли говорить о небывало бурном развитии науки и техники, привыкли к мысли, что XX век — век расщепления атома, век, когда открытия буквально захлестывают нас, поражая своей фан-

тастичностью. И с каждым днем обогащаются представления человека об окружающем его мире, меняется, перестраивается его мышление.

Читатель сейчас иной, — более умный, тонкий, высокоинтеллектуальный, сведущий, целеустремленный. И ориентироваться в работе следует только на такого читателя, ему адресовать плоды своих трудов, иначе усилия писателей обречены на провал.

В такой же сложной взаимосвязи находятся между собой наука и литература. Они постоянно взаимодействуют друг с другом, мысль научная и мысль художественная влияют друг на друга.

Все эти вопросы уже настойчиво стучатся в дверь, заставляют думать в этом направлении.

Нынешний год насыщен большими значительными событиями. И одно из самых волнующих — празднование 800-летия Руставели. Это не просто юбилей, не просто дань круглой исторической дате. Литературное произведение, которое выдержало испытание восьми веков — сложных, бурных, разных — и которое волнует умы нашего современника, заставляет его думать, чувствовать, верить — явление безусловно, необычайное, изумительнейшее, вызывающее не только чувство восхищения, поклонения, но и стремление учиться такому великому совершенству в творчестве.

Вдохновенный мастер слова

К 70-летию Д. Шенгелая

Передо мной — книга Демны Шенгелая «Клад», выпущенная на русском языке издательством «Художественная литература» в Москве. В нее вошли романы, повести и рассказы. Лучшее, что создано писателем. Этот сборник — своего рода отчет его перед читателем. Ведь выход книги совпал с юбилейным для писателя годом. Демне Шенгелая исполнилось 70 лет. Более 50 из них отданы литературе, творчеству. Отданы сполна. И за это, за огромный труд большого, мыслящего художника, летописца своего времени, своего народа он награжден недавно орденом Трудового Красного Знамени.

Сегодня Демна Шенгелая — признанный мастер слова. Но вернемся на четыре десятилетия назад, к истокам грузинской советской литературы.

Как известно, в 1924 году был основан журнал «Мнатоби». Первый «толстый» журнал грузинской советской литературы, собравший вокруг себя ее новые силы. На протяжении десятилетий с его помощью росли и формировались целые поколения писателей Грузии. Поэтому с полным правом можно сказать, что «Мнатоби» — это история грузинской советской литературы. Так вот начало существования этого самого журнала и связано с «Санавардо». Демны Шенгелая, этим первым грузинским советским романом, который был напечатан в первом номере «Мнатоби». Такое совпадение не просто любопытно. Оно естественно и закономерно. Открытие журнала было вызвано рождением новых произведений новой советской литературы. И одним из них было «Санавардо».

У грузинской прозы — богатейшее прошлое, богатейшие традиции, основу которым заложил первый грузинский роман «Мученичество Шушаники» Якоба Цуртавели, восходящий к V веку нашей эры. Героиня этого романа — че-

ловек высокого благородства, стойкости и упорства, пожертвовала собой ради счастья родины. Моральный идеал автора «Мученичества Шушаники» и сегодня близок и понятен нам. Более того, мы и сегодня разделяем его. Поэтому подвиг Шушаники светит нам и сейчас. Последние слова замученной пытками героини романа Цуртавели звучат как завещание грядущим поколениям: «Если я, последняя, одиннадцатая работница в винограднике, что-либо стою, благословляю вас на вечные времена».

В этом первом грузинском беллетристическом произведении, дошедшем до нас, воплощен идеал высокого патриотизма и благородного гуманизма.

Пятнадцать веков, отделяющие нас от времени, когда было создано «Мученичество Шушаники», отмечены в истории грузинской литературы именами целого ряда блестящих мастеров слова. Я не стану сейчас называть их, это заведет нас слишком далеко. Скажу лишь, что несмотря на большие и славные традиции грузинской прозы, возглавить новую литературную эпоху — было делом далеко не легким. Демна Шенгелая прекрасно чувствовал те глубокие корни, которые должны были дать ростки нового грузинского советского романа, и потому «Санавардо» выполнило выпавшую на его долю роль и выполнило с успехом, несмотря на то, что всегда чрезвычайно трудно проложить первую борозду, сделать первый шаг.

Со всей грустью и отчаянием безнадёжности перед нами встает в «Санавардо» весь старый мир. Писатель замечательно передал его обреченность и ощущение, предчувствие рождения нового мира. На примере событий, разворачивающихся то в одной из захолустных грузинских деревень Санавардо, расположенной в заболоченных землях Колхиды, то в Петербурге, автор рома-

на делает широкие обобщения — старый мир, основанный на порабощении и несправедливости, обречен, исторический процесс его разрушения неизбежно влечет за собой рождение, утверждение нового. В этом пафос романа «Санавардо». В 20-х годах он имел решающее значение для становления советской грузинской литературы. В этом предчувствии нового нарождающаяся грузинская советская проза и поэзия черпала вдохновение, которое помогало им делать свои первые шаги.

Итак, хотя «Санавардо» было не первым произведением Демны Шенгелая (в 1914 году им был опубликован рассказ «Нирвана»), именно с него начинается подлинная творческая биография писателя, именно этот роман явился первым кирпичиком в основании здания новой грузинской советской прозы. Поэтому и мы начали с «Санавардо» и уделили ему столько места в этой небольшой статье.

Естественно, что у колыбели новой грузинской прозы стоял не один Демна Шенгелая. Создание нового грузинского романа — задача огромной сложности и решить ее не под силу одному писателю. Это было делом всей нашей литературной общечеловечности. Одновременно с автором «Санавардо» свои первые романы создавали такие мастера грузинского слова, как Константин Гамсахурдия, Михаил Джавахишвили, Серго Клдашвили, Александр Кутатели, Константин Лордкипанидзе, Михаил Мрелишвили и другие. И каждый из них по-своему, оригинально и своеобразно живописал те большие перемены, которые происходили в жизни грузинского народа.

Став автором первого грузинского романа, Демна Шенгелая вскоре вместе со своими собратьями по перу проложил еще одну нехоженую тропку в новой грузинской прозе. Своим циклом рассказов о гражданской войне он впервые утвердил в ней эту новую для нее тему, а также завоевал имя мастера рассказа и новеллы. Одним из первых в грузинской советской литературе он отобразил бурные дни гражданской войны, показал, как молодая советская республика, отстаивая завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, героически сражалась с обступившими ее со всех сторон полчищами интервентов и белогвардейцев. В целом ряде рассказов, посвященных темам гражданской войны, таких как «Порт», «Гурам Барамандия», «Маленькая женщина» и других, в ярких, живых и конкретных образах показаны массовый героизм советских людей, их преданность родине. Значение этих рассказов в том, что они способствовали становлению и утверждению новой те-

матики в грузинской прозе, развитию в ней принципов социалистического реализма.

Но диапазон творчества Демны Шенгелая не ограничивается показом ни недавнего прошлого, как это имело место в «Санавардо», ни настоящего, о котором повествовали упомянутые выше рассказы о гражданской войне. Написанный в это же время рассказ «Творец» переносит нас в далекое прошлое — в XII век. Писатель выразил в нем волнующую всех великих художников во все эпохи и у всех народов мечту о совершенном и неповторимом воплощении всего их окружающего — природы и человека — в слове, в камне, на полотне и в музыке. Создание произведения искусства отождествляется в этом рассказе с рождением новой жизни. Автора интересует не только герой рассказа — несравненный мастер, живописец Бешкен Опизари. В живых и ярких красках он изображает неосысканную силу жизни, ее вечную новизну и бессмертие. Писатель показывает нам женщину-мать, простую крестьянку, которая растит героев в своей колыбели. Ей вверен очаг, в котором она должна поддерживать незатухающий огонь жизни.

Так, даже обращаясь к самой седой древности, писатель остается созвучным нашему времени. Он всегда в гуще событий, на самой стремнине жизни. Поэтому, когда в нашей стране началась коллективизация, он сразу же откликнулся на эту тему новым произведением. Его «Вражда» — это повесть о том, как в горных районах Грузии рождался колхоз. Сжато, лаконично, буквально на нескольких страницах обрисовал писатель первые годы колхозного движения в специфических условиях горной местности. Быт горцев, настроения наемных пастухов показаны им так точно и выразительно, что читатель не может не ощутить — рациональное зерно движения за коллективизацию попадет на хорошо подготовленную, удобренную почву. Мы словно видим, как группа бедняков-соседей объединяется вокруг молодого Алуды Назгаидзе, чтобы отрешиться от старых обычаев, от традиции кровной мести, и смело выходит на светлую и широкую дорогу новой жизни.

В предвоенные годы Демна Шенгелая опубликовал роман «Бата Кекия». Это большое социально-психологическое полотно, в котором дана история жизни грузинского крестьянства на протяжении большого отрезка времени, начиная с реформы 1861 года и вплоть до наших дней. Так, еще на памяти у Бата Кекия, дети и внуки которого — первые энтузиасты коллективизации сельского хозяйства, горькая пора помещичьего гнета. Бата — сын бедного крестьянина. Он рано осиротел и с детских лет вы-

нужден скитаться в поисках куска хлеба. Отданный в город в услужение, прошедший через все невзгоды и испытания, которые были уделом трудового крестьянства того времени, он не переставал мечтать хоть о бедном, но о своем, родном очаге.

Перед нами проходит целая жизнь грузинского крестьянина — в тяжелом труде и в борьбе; мы видим, как в годы революции он первым берется за оружие, как в знак протеста против насилия и угнетения уходит в лес; писатель знакомит нас с его семейным бытом, с его первой обманутой любовью. Причем рисуя судьбу одной личности, автор романа показал судьбу всего народа, путь, которым он шел, и все те мучения, которые преодолел, прежде чем добился свободы. «Бата Кекия» относится к тем произведениям грузинской прозы, в которых наиболее яркое и полное выражение получил национальный характер, высокий патриотизм, твердый дух и свободолюбие грузинского народа, его думы и чаяния.

В этом романе, реализующем идею бессмертия народа, Демна Шенгелая снова проявил себя глубоким, мыслящим художником, у которого каждая картина и эпизод помогают вскрыть глубинный смысл, значение жизни.

Вот что говорит по этому поводу старый Бата Кекия: «Дуб этот — я, и доколе стою, не рухнуть чертогу. Годы на мне, я дуб о девяти ветвях. Верхушку к небу воздел, корнями врылся в землю, стою и весело колыху листьями».

В ярких, колоритных образах передал писатель в этом романе бодрость духа грузинского крестьянина, его величие, несгибаемость натуры, благородство и неясняемый, здоровый юмор, который бьет как прозрачный освежающий родник.

Всегда выступая в роли летописца своей страны, писатель сочетает проникновенный взгляд на жизнь с бурной фантазией художника. Эта особенность творческой манеры Демны Шенгелая с особой силой ощущается в романе «Оленья тропка». На фоне воспроизведенного автором колоритного облика старого Тбилиси и быта городских ремесленников здесь показано наступление капитализма, разрушающего старые взаимоотношения и взамен них утверждающего новую, еще более беспощадную несправедливость, еще и гнет. Поднимаемая глубокие социальные проблемы, автор романа изображает зарождение революционного движения в Тбилиси.

И в этом романе мы находим много нового как в описании быта ремесленников, так и в умении передать неповторимый колорит старого Тбилиси и — что важнее всего — в показе внутреннего состояния изображенных писате-

лем людей. «Оленьей тропой» Демна Шенгелая воспел простого труженника, его герои — это подлинные творцы, мастера, наподобие Беки и Бешкена Опи-зари. Мастер Шю Дарашвили говорит своему ученику: «Ты еще не работаешь свободно, сынок, раскрой руки, не бойся, работай так, как будто хочешь петь и не можешь не петь».

И это действительно так: труд для них это радость, это высокое творчество, но их сводят на нет волчьи законы капитализма. Чтобы вернуть себе эту исконную радость творчества, свободного труда, простые труженники ищут пути к свободе. Так естественно, органично, как закономерный итог предшествующих событий, входит в роман тема революционной борьбы, и возглавляет ее человек, вышедший из самой гущи этой среды, сын мастера Шю Дарашвили — Отари. Возвратившись из ссылки, он становится пламенным пропагандистом передовых идей того времени. Вместе с ним и ученик Шю — Ваню. В итоге он идет на фабрику, чтобы быть в рядах тех миллионов рабочих, на которых историей возложена великая миссия освобождения труда. Бок о бок с ремесленниками и рабочими в этой борьбе идет бедное крестьянство. Без колебаний становится на сторону борцов за новую жизнь и Зуриа Голашвили. Он готовит своих угнетенных собратьев-крестьян к решительному штурму самодержавия.

В 1940 году опубликован новый роман Демны Шенгелая — «Вдохновенье». В нем оцумит ритм и пульс жизни нового Тбилиси, дыхание большого социалистического города, на котором всюду, куда ни глянь, лежит печать свободного труда.

Демна Шенгелая показал наш город, не только давая яркие и достоверные пейзажные зарисовки. Он раскрыл в этом романе душу нового человека, представителя того бодрого, делового и стойкого поколения, для которого труд и творчество, труд и радость — понятия нерасторжимые. Это — потомки тех, кто на заре века встал в ряды борцов за свержение самодержавия и уничтожение капитализма. Ретроспективно даны в романе картины этого незабываемого прошлого. Дважды — в третьей и восьмой главах — мы читаем описание 18 декабря 1905 года, когда трудящиеся Тбилиси восстали и с оружием в руках вступили в единоборство с прогнившим режимом царского самодержавия.

Изображенное в романе настоящее озарено ярким романтическим светом прошлого. Это героическое прошлое и овеянное новой героикой настоящее здесь органически связаны друг с другом. С одной стороны, показана мечта поколений, с другой — ее осуществле-

Труд советской интеллигенции на благо родины показан писателем в романе «Вдохновенье» ярко и убедительно.

Плодотворно работал писатель и в годы Великой Отечественной войны. Относящиеся к этому времени рассказы его рисуют образы пламенных советских патриотов. Он показывает величие духа этих простых людей, проявивших исключительное мужество и самоотверженность в войне против гитлеровской Германии. Среди произведений грузинских писателей, посвященных героической борьбе советского народа за свою свободу и независимость, видное место занимает повесть Демны Шенгелая «Алый цветок». Тонкий мастер слова, он сумел передать здесь ту несокрушимую силу народа, ту неугасимую любовь к родине, которая явилась залогом нашей победы в решающей судьбу человечества схватке с фашизмом.

Герой рассказа — писатель, представитель молодой грузинской интеллигенции. Со всей ясностью он сознает, что в час смертельной опасности для родины — его место на поле боя. Автор повести ставил перед собой благородную задачу показать писателя-гражданина, который всегда — со своим народом. В выполнении им своего гражданского долга — пафос повести «Алый цветок».

Самая последняя по времени написания повесть Демны Шенгелая — «Клад» — посвящена теме победы новой морали над старой, отжившей свой

век, в сознании нашего современника. Эта напряженная и трагическая схватка старого и нового психологически глубоко мотивирована писателем. При всем трагизме разворачивающихся в повести событий доброе начало в ней побеждает.

Мир идей и образов в творчестве Демны Шенгелая исключительно богат, а тематика его на редкость широка. Поэтому трудно охватить их в одной небольшой статье. Но характеризуя все созданное писателем, мы должны сказать, что в своих творениях он всегда остается умным и наблюдательным художником, щедро наделенным даром проникновения в человеческую душу, умением лепить характеры, в которых часто олицетворяется целая эпоха.

Присущие ему народность, мудрость и простота, являющиеся главными чертами реализма, делают творчество писателя глубоко самобытным, а отличающая его высокая профессиональная культура поднимает произведения Демны Шенгелая на ту высоту, которая доступна лишь подлинным мастерам.

Писатель, так глубоко и взволнованно воплотивший в своих произведениях тему творчества, мастерства, места и значения их в жизни народа и самого творца, сам являет собой пример передового художника, мастера слова, новатора и вдохновенного летописца нашего времени, чьи замечательные романы, повести и рассказы обогатили сокровищницу грузинской литературы.

Дань с русской музы

Мне не раз приходилось делать обзоры произведений грузинских советских поэтов, отразивших и запечатлевших духовные и жизненные связи Грузии с другими народами нашей страны и, естественно, с русским народом. Сейчас я хочу коснуться темы отражения этих связей в русской советской поэзии, ибо, как известно, дружба — чувство обоюдное; и вполне счастливой бывает лишь взаимная любовь.

Уже хрестоматийным по своей проверенности и общеизвестности стало утверждение, что русско-грузинские культурные взаимосвязи корнями своими уходят в глубины веков. «Витязь в тигровой шкуре» и русские летописи зафиксировали первые проблески этого взаимного интереса. Десятинадцатый век углубил и укрепил эту связь, вписав в летопись исторической дружбы наших народов великие имена Грибоедова и Александра Чавчавадзе, Пушкина и Лермонтова, Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели, Толстого и Важа Пшавела. Пример уважения и понимания национальных чаяний грузин, пристального внимания к грузинской культуре и поэзии явили такие крупные представители русской литературы XIX и начала XX веков, как А. К. Толстой, Полонский, Бальмонт, Белый.

За несколько лет до Октябрьской революции, когда формировалось поколение родоначальников новой грузинской, а в ближайшем будущем уже грузинской советской поэзии, прозвучали потрясающие по глубине и искренности слова Александра Блока, адресованные одному из вожakov этого поколения и явившиеся ответом на его письмо: «Мы пришли не тосковать и не отдыхать... То чудесное сплетение противоречивых чувств, мыслей и воли, которое носит имя человеческой души, именно оттого и носит это радостное (несмотря на всю «дрянь», в которой мы сидим) имя, что оно все обращено более к будущему, чем к прошедшему, к прошедшему тоже, но поскольку в прошедшем заложено будущее. Человек есть будущее. Когда же начинает преобладать прошедшее, хотя бы в чистейших и благороднейших своих формах, то человеку... в нас грозит опасность быть перенесенными в Елисейские поля. Пусть все там благоуханно, пусть самый воздух синет блаженством — одно непо-

правимо: нет будущего. Значит, нет человека».

Поколение грузинских поэтов, о котором мы говорим и для которого имя, личность и творчество Блока значили очень многое, числило в своих рядах Галактиона Табидзе и Тициана Табидзе, Паоло Яшвили и Георгия Леонидзе, Валериана Гаприндашвили и Колау Надирадзе. Они и оказались, кстати, первыми партнерами по дружбе культур своих русских современников. Они и заложили вместе с ними фундамент русско-грузинского поэтического братства наших дней. К той начальной поре относится и возникновение великой переводческой деятельности русских поэтов XX века, чуть ли не впервые после полуторазекового преимущественного интереса к Западу включивших в сферу творческого освоения русским стихом также и лучшие культурные достижения Востока и Закавказья. Известно, какая заслуга принадлежит Валерию Брюсову по организации и практическому осуществлению переводов многовековой армянской поэзии. Точно так же пионером перевода грузинской классики явился Константин Бальмонт — автор первого полного и высокохудожественного русского перевоплощения бессмертного «Витязя в тигровой шкуре» Руставели. Бальмонт одним из первых среди русских поэтов предреволюционной поры привлек к Грузии и ее поэзии внимание своих соотечественников. Стены концертных залов Тбилиси и Кутаиси рушились от грома аплодисментов грузинской молодежи, когда посетивший Грузию выдающийся русский поэт читал свое посвящение Грузии и свой призыв:

Я возглашаю словом заклинанья:
Высокому — высокое вниманье.
И если снежно дремлет высота,
Она умеет молнией и громом
Играть по вековым своим изломам!..

Еще раньше, на заре общерусского революционного движения, в разгар революционных событий 1905 года в Грузии бундестник революции Максим Горький писал: «Я так горячо люблю эту прекрасную страну, олицетворение грандиозной красоты и силы, ее горы, окрыленные снегами, долины и ущелья, полные веселого шума».

быстрых певучих рек, и ее красивых гордых детей. Бывая на Кавказе, я всюду видел, как дружно и мирно работали рядом грузин с татаринами и армянами, как весело и просто они пели и смеялись... Бессмысленное и бесчеловечное угнетение людей не погасило в стране нашей огонь смелой и свободной мысли — он разгорается все ярче и сильнее. У всех нас один враг... И все, у кого разум светел, чья воля не поддается порабощению, должны соединиться в одну семью для борьбы с этой злой и бессмысленной силой, которая одинаково тяжело давит всех нас!...»

«Октябрьская революция и ее февральское продолжение в Грузии осуществили мечту и пророчество Горького, они открыли новую, поистине историческую страницу в летописи духовного родства русского и грузинского народов. Круговая порука добра и братства, равенства и человечности, всегда объединявшая в первую очередь деятелей литературы и искусства обоих народов, стала особенно прочной, когда революция покончила с гнетом самодержавия. Вспомним знаменитые есенинские строки об этом из его стихотворного посвящения грузинским собратьям:

Поэты Грузии,
Я нынче вспомнил вас.
Приятный вечер вам,
Хороший, добрый час!
Товарищи по чувствам,
По перу,
Словесных рек кипение
И шорох,
Я вас люблю,
Как шумную Куру,
Люблю в пирах и в разговорах.
Я — северный ваш друг
И брат!
Поэты — все единой крови.
И сам я тоже азиат
В поступках, в помыслах
И слове.
Свидетельствует
Вещий знак:
Поэт поэту
Есть кунак.
Самодержавный
Русский гнет
Сжимал все лучшее за горло.
Его мы кончили —
И вот
Свобода крылья распростёрла.
И каждый в племени своем,
Своим мотивом и наречьем,
Мы всяк
По-своему поем,
Поддавшись чувствам
Человечьям...

Сохранилось письмо Есенина к одному из адресатов этого поэтического посвящения — Тициану Табидзе. Оно очень характерно:

«Милый друг, Тициан! Вот я и в Москве. Обрадован страшно, что вижу своих

друзей, и вспоминаю и рассказываю в Тифлисе. Похождения наши здесь уже вестны вплоть до того, как мы варили кепи Паоло в хаши.

Грузия меня очаровала. Как только выпью накопившийся для меня воздух в Москве и Питере — тут же качу обратно к вам, увидеть и обнять вас. В эту весну в Тифлисе вероятно будет целый съезд москвичей. Собирается Качалов, Пильняк, Толстая и Вс. Иванов. Бабель приедет раньше. Уложите его в доску. Парень он очень хороший и стоит гостеприимства. Спроси Паоло, какое нужно купить ружье по кабанам. Пусть напишет №.

Передай привет всем добрым друзьям — Паоло, Леонидзе и Гаприндашвили.

Поцелуй руку твоей жене и дочке и, если не трудно, черкни пару слов».

Маяковский, в сознании которого с детства объединились Грузия, поэзия и революция, Маяковский, подчеркнувший в своей автобиографии: «Появилось слово «прокламация». Прокламации вешали грузины. Грузин вешали казаки. Мои товарищи были грузины. Я стал ненавидеть казаков», или: «Приехала сестра из Москвы, тайком дала мне длинные бумажки... это была революция. Это было стихами. Стихи и революция как-то объединились в голове», — этот Маяковский не мог не сыграть вместе с Горьким роль духовного вождя в естественном и закономерном процессе революционного погратимства наших народов. А в стихах это прозвучало так:

Только нога ступила в Кавказ,
Я вспомнил, что я — грузин.
Эльбрус, Казбек. И еще — как вас?!
На гору горы грузи!
Уже на мне никаких рубаш,
Бродягой, — один архалух.
Уже подо мной такой карабах,
Что Ройльсу — и то б в похвалу.
Было: с ордой, загорел и носат,
Старее всего старья,
Я влез, веков девятнадцать назад,
Вот я этот самый в Дарьял.
Лезгинщик и гитарист душой,
В многовековом поту,
Я землю прошел и возделал мушой
Отсюда по самый Батум.
Двадцать, а может, больше веков
Волок угнетателей узы я,
Чтоб только под знаменем большеви-
ков

Воскресла свободная Грузия.
Да, я грузин, но не старенькой нации,
Забитой в ущелье в это.
Я — равный товарищ одной Федерации
Грядущего мира Советов.
Еще омрачается день иной
Ужасом крови и яри.
Мы бродим, мы еще не вино,
Ведь мы еще только маджари.

Я знаю: глупость — эдемы и рай!
Но если пелось про это,
Должно быть, Грузию, радостный край,
Подразумевали поэты...

Велика была роль и других крупнейших писателей Советской России, особенно тех, которые сами были захвачены водоворотом новой жизни, сами менялись, росли, мужали. Узами подлинной благородной дружбы были, например, связаны с рядом ведущих грузинских писателей такие русские писатели разных поколений, как Андрей Белый и Ахматова, Алексей Толстой и Пильняк, Городецкий и Каменский, Мандельштам и Пастернак, Тихонов и Заболоцкий, Антокольский и Лифшиц, Леонов и Павленко, Луговской и Фадеев, Тынянов и Паустовский, Шкловский и Светлов, Мартынов и Тарковский, Державин и Кочетков, Симонов и Слуцкий. Этот ряд можно было бы расширить и продолжить, приблизив его к нашим дням. Незрлым спутником по дорогам дружбы многих из перечисленных выше писателей был критик и литературовед Гольцев, справедливо прозванный «мастером дружбы». Мы гордимся вниманием и дружбой известных литературоведов и критиков Орлова, Степанова, Тарасенкова.

Неисчислимые сокровища духа может открыть нам изучение творческих и личных взаимосвязей и контактов русских и грузинских писателей. Ярче всего выявляются они в сфере поэтической. Поистине «свидетельствует вещей знак — поэт поэту есть кунак». Вот одна из драгоценнейших жемчужин из этой неисчерпаемой сокровищницы дружбы и братства. 29 июня 1927 года Андрей Белый записал в своем тифлисском дневнике, вошедшем в его книгу «Ветер с Кавказа»: «Провел этот день с утра до ночи с близкими братьями по устремлению культуры искусств, с Тицианом Табидзе и с бронзово-твердым и все же сердечным Паоло Яшвили; он — бронзовый, вылитый из размышления, ставшего сердцем; Табидзе — сердечный вулкан, бьющий пламенем в мысль, отчего расширяется сердце, — и вещи, мудрые мысли выкрикивает, ретушируемые Яшвили, которого острый рассудок утонченно преобразует вулканы Табидзе в породы изваянных скал, в барельефы культуры; пыл первого голову рвет, расширяется — приобретает космический смысл, отчего стало б холодно, если б Паоло Яшвили потоки, взметенные к небу, сознанием не осадил в атмосферу земную, в которой вулкан вещей слов из беседы застойной и тостов Табидзе становится очеловеченным и оконкреченным.

День проводя с тем и с этим, мы поняли, что — двуединство они; оба — лидеры кружка поэтов; Паоло Яшвили есть «лидер», дающий чеканную форму стремлениям; он — связывает их конкретно с советской действительностью; без него, может быть, тот кружок захлебнулся б в волне романтизма.

В этой перечеканке — я вижу Яшвили; Язон аргонавтов двадцатого века, поэтов Колхиды, встает.

Стоит остановиться на образе этом, и чувствую, как я — неправ: вся проблема

культуры Яшвили, мудрейшая и революционно-ответственная, дышит жизнью от взрывов сердечности, влитой в него рядом с ним возникающим, мудро кипящим Табидзе.

...Вот — коллектив, крепко «мы»; и мне стало понятно, что эти поэты сплетают свои устремления вполне непредвзято с (крестьянской) народной поэзией Грузии; и с пролетарской; с (крестьянским) народным поэтом знаком: с Леонидзе; он тоже в семье этой, эта семья «всегрузинская».

Грузия ею гордится.

Я тоже горжусь: оказавшись в Тифлисе, брался с семьей трудовой, с семьей творческой; мог поэт русский пожать братски руку, как русский — грузинам; да, есть федерация братских народов; сквозь разность оттенков, положенных прошлым на нас (направленных, классовых), освещены мы не прошлым, а — будущим, формы кующим; и в нем, в этом будущем, — творческом и трудовом, — мы большая семья.

Вот — Табидзе: с глазами огромными, широкотелый, сутулый, немного нелепый. Как будто протянутый в край горизонта, — все рвется вперед и не видит меня и товарища, нам представляя плечо и оплескивая развеваемой в ветре своей широчайшей рубашкою; это — иллюзия: видит — такое в тебе, что руками разводишь: «Ведь вот: ты годами с писателями говоришь и работаешь; им невдомек, что живет в тебе; этот грузин, проведя с тобой день — разглядел, угадал».

С удивленьем разглядываешь ты сутулую спину Табидзе; влекомую полным лицом, убегающим за убегающей думой: бежит к горизонту — не видит, не чувствует; и на тебя нуль вниманья (все — видит, все — чувствует).

Это внимание выявленное — есть Паоло Яшвили. Его очень добрые, строгие очи, всегда чуть-чуть грустные, можно ли здесь задержаться, куда надо двигаться; и отмечает Яшвили — все это: все — ставит на место; ему горизонт как бы чужд (а Табидзе все к горизонту несется), но чужд потому, что — идет с горизонта; и знает его; может быть, еще лучше, чем пылкий Табидзе: сама рассудительность, четкость, корректность, он в целом — какой-то сквозной транспарант широчайших прогнозов, орлиных, сверхъестественных — там, в одиночестве истый грузин — с головы до ног европеец он; оригинально Европа подковывает металлический звон его строчек, в которых прекрасны — согласные; эти согласные напоминают породы грузинских холмов, по его выражению — «чугунных».

Он видится — бронзовоогненным.

А у Табидзе в стихах поражает воздушно-звучащие, широко-вольные гласные волны; кричит он — на гласные; не земли, а воздуха рвутся, когда декламирует он — сибиллическим голосом: сущий «восток», но — прекрасный «восток», у которого надо учиться.

И учили: в застоyleных речах, помяная
любезные символы: Лермонтов, Пушкин: а
я? Мог ли я ответить им той же монетою?
Нет: я — сидел, убивался; хотелось бы
мне изучить двадцать пять языков «СССР-
ских», чтоб знать украинских, грузинских,
армянских узбекистанских поэтов.

Слова эти писались, как мы уже сказа-
ли, в 1927 году, когда литература народов
СССР еще почти не была переведена на
русский язык и русский поэт действительно
не мог отплатить своим друзьям «той же
монетой». Но уже само это признание го-
ворило о том, насколько назрела необходи-
мость в широкой организации переводче-
ской работы. Это был канун тридцатых го-
дов. Не за горами был Первый всесоюзный
съезд писателей. Регулярная армия поэтов-
переводчиков еще не была сформирована.
Но разведчики уже действовали. С 1924
года стал частым гостем Грузии и всего
Кавказа Николай Тихонов. В 1931 году
впервые попал в Грузию Борис Пастернак,
а годом раньше — Бенедикт Лифшиц.

Еще раньше побывали в Грузии Ман-
дельштам и Эренбург, Паустовский и Ка-
менский. Я называю имена писателей, в
творчестве которых грузинская тема заняла
особое место уже в те годы. Так, Осип
Мандельштам первым из русских поэтов
перевел на русский язык одну из чудесных
поэм Важа Пшавела — «Гоготур и Апиш-
на». И если в 20-м году он посвятил Тби-
лиси ставшее весьма популярным, но, по-
жалуй, окрашенное в слишком уж экзоти-
ческие тона стихотворение со знаменитым
шуточным афоризмом — «Человек бывает
старым, а барашек молодым», то уже в
середине тридцатых годов, возвращаясь в
воспоминаниях к этим же временам, он
создает один из своих лирических шедев-
ров, не только рисующий тбилисский город-
ской пейзаж, но и озаренный светоносным
поэтическим видением, проникающим в ду-
шу этого города:

Еще он помнит башмаков износ, —
Моих подметок стертое величие,
А я его: как он разноголоз,
Черноволос, с Давид-горой гранича.

Подновлены мелком или белком
Фисташковые улицы-пролазы,
Балкон-наклон, подкова, конь-балкон,
Дубки, чинары, медленные вязы.

А букв кудрявых женственная цепь
Хмельна для глаза в оболочке
света, —

А город так горазд и так уходит в
крепь

И в моложавое стареющее лето.

Влюбившийся в грузинскую столицу, —
еще вчера поклонник и переводчик одной
лишь французской лирики. — Бенедикт
Лифшиц начинает изучать грузинский
язык, переводит стихи своих друзей, а Тби-
лиси посвящает не одно и не два велико-
лепных стихотворения. Вот одно из них:

Когда над высоким обрывом
В дремотно-молочной лазури
Как выкормок древней волчицы,
К холмам присосался Тифлис,
Все знаки судеб перепутав
Курчавою вязью хуцური,
Должно быть, навеки в то утро
Два жребия перепелелись.

Чрез тайнопись сонных видений
Столетия перешагнули,
Сквозь сумеречное сознание
Чредою промчались, миры —
И вот я сегодня проснулся
Уже не в пустынном ауле,
А в нежной картвельской столице
Над водами желтой Куры.

Летят в абрикосовый город
Дорожные автомобили,
Молчит абрикосовый город,
Бледнея под слоем румян.
А Нико Пиросмишвили,
Возникнув из облака пыли,
Клеенчатым манит бессмертием
И прячет бессмертье в духан.

Но грузом верблюжьим ложатся
На плечи полдневные ночи.
Он жмет, предводитель попок —
В Куре не иссякла вода!
И я сквозь дремучее слово
Вхожу в подведенные очи.
В твои ненаглядные очи,
Где мне не указ тамада.

А вот как вспоминает свою первую встре-
чу с Грузией Борис Пастернак, которому
вместе с Николаем Тихоновым принадле-
жит честь создания первых, открывших це-
лую эпоху в русской поэзии переводов с
грузинского языка — обширных, системати-
ческих, целеустремленных, блистательных
по отбору и по качеству.

«...Тогда Кавказ, Грузия, отдельные ее
люди, ее народная жизнь явились для ме-
ня совершенно откровением. Все было но-
во, все удивляло. В глубине всех уличных
пролетов Тифлиса нависшие темные камен-
ные громады. Вынесенная из дворов на
улицы жизнь, смелая, менее прячущаяся,
чем на севере, яркая, откровенная. Месси-
анизм и символика народных преданий,
располагающая к жизни воображением и,
как в католической Польше, делающая
каждого поэтом. Высокая культура передо-
вой части общества, умственная жизнь в
такой степени в те годы уже редкая. Бла-
гоустроенные уголки Тифлиса, напоминав-
шие Петербург, гнутые в виде корзины и
лир решетки бельэтажей, красивые закоул-
ки. Преследующая по пятам и везде на-
стигающая дробь бубна, отбивающего ритм
лезгинки. Наступление южного городского
вечера, полного звезд и запахов из садов,
кондитерских и кофеен...»

А вот и поэтическое предвосхищение
этих гораздо позже написанных воспомина-
ний. Вот стихи, посвященные Паоло
Яшвили:

За прошлого порог
Не вносят призола.
Давайте с первых строк
Обнимем, Паоло.

Ни разу властью схем
Я близких не обидел,
В те дни вы были всем,
Что я любил и видел.

Входили ль мы в квартал
Оружья, кож и седел,
Везде ваш дух витал
И мною верховодил.

Уступами террас
Из вьющихся глициний
Я мерил ваш рассказ
И слушал, рот разиня.

Не зная ваших стрóf,
Но полюбив источник,
Я понимал без слов
Ваш будущий подстрочник.

А вот портретная зарисовка Тициана Табидзе:

Еловый бурелом,
Обрыв тропы овечьей,
Нас много за столом,
Приборы, звезды, свечи.

Как пылкий дифирамб,
Все затмевая оптом,
Огнем садовых ламп
Тициан Табидзе обдан.

Сейчас он речь начнет,
И мыслью — на прицеле,
Он слово почерпнет
Из этого ушелья.

Он курит, подперев
Ладонью подбородок,
Он строг, как барельеф,
И чист, как самородок.

Он плотен, он шатен,
Он смертен, и, однако,
Таким, как он, Роден
Изобразил Бальзака.

Он в глыбе поселен,
Чтоб в тысяче градаций
Из каменных пелен
Все явственней рождаться.

А вот сгущенное и лаконичное восприятие и осмысление родины своих друзей:

Мы были в Грузии. Помножим
Нужду на нежность, ад на рай,
Теплицу льдам возьмем подножьем,
И мы получим этот край.

И мы пойдем, в сколь тонких дозах
С землей и небом входят в смесь
Успех и труд, и долг, и воздух,
Чтоб вышел человек, как здесь.

Чтобы, сложившись средь бескормиз
И поражений, и неволя,
Он стал образчиком, оформясь
Во что-то прочное, как соль.

В ноябре 1933 года Борис Пастернак второй раз приезжает в Грузию вместе с бригадой Оргкомитета Союза писателей, созданной по инициативе Горького. (В бригаду входили также Тихонов, Павленко, Тынянов, Ольга Форш и Гольцев.) Именно в этот приезд возникают, а в скором времени осуществляются Пастернаком и Тихоновым широкие планы поэтических переводов с грузинского языка. Говоря об этой своей работе на одном из пленумов, сам Борис Пастернак подчеркнул: «Я должен заявить со всей откровенностью, что для меня работа над грузинскими переводами была счастьем. Эта работа меня и творчески оосчастливила».

Как известно, грузинские впечатления непосредственно отразились в таких значительных поэтических циклах Пастернака, как «Второе рождение», «Путевые записки». Об этом в свое время хорошо сказал Николай Тихонов: «Для Бориса Пастернака Грузия... явилась поворотным пунктом в творчестве... Грузия и грузинская поэзия оказали большую дружескую услугу Пастернаку, они подготовили его для новых возможностей в его поэтическом пути, они окружили его такой теплой дружбой и дружеского участия, что на всю жизнь у него осталось это первое, неизгладимое впечатление. Это была переключка сердец, и она дала свои положительные результаты, она взаимно обогатила поэтов».

Вера в революцию, в век, в будущее революции пронизывает «разговор с самим собой» в письмах Пастернака к грузинским друзьям, переключаясь с аналогичными мотивами в его поэзии этих лет.

Так, в лирико-философской поэме «Волны», посвященной Грузии и уже цитированной нами, поэт чисто пейзажную, казалось бы, зарисовку, заканчивает обращением к социалистическому будущему своей Родины, которое уже оказалось «рядом».

Ты куришься сквозь дым теорий,
Страна вне сплетен и клевет,
Как выход в свет и выход к морю,
И выход в Грузию из Млет.

Ты — край, где женщины в Путивле
Зегзицами не плачут впрядь,
И я всей правдой их счастливию,
И ей не надо прочь смотреть.

Где я не получаю сдачи
Разменным бытом с бытия,
Но значу только то, что трачу,
А трачу все, что знаю я.

Где голос, посланный вдгонку
Необоримой новизне,
Весельем моего ребенка
Из будущего вторит мне.

Это сближение в одном ряду Грузии и Социализма пронизывает и переписку Пастернака со своими грузинскими друзьями. Он пишет Нине Табидзе в апреле 1951 года: «Нина, лучший друг мой!.. Вот кончусь я, останется жизнь моя, такая счастливая, за которую я так благодарен небу, изложенная с таким тихим сосредоточенным смыслом, как книга, и что в ней было главного, основного? Пример отцовской деятельности, любовь к музыке и Скрябину, две-три новых ноты в моем творчестве, русская ночь в деревне, революция, Грузия».

Что касается собственно поэтических переводов Бориса Пастернака из грузинской поэзии, то значение их лучше всего оценил он сам в одном из своих выступлений на I Всесоюзном совещании переводчиков в 1936 году.

«И до нас много переводили. Переводы имеют такую же глубокую давность, как и литература. Но никогда не было такого бурного увлечения переводами, как в наше время. Это явление не только литературное, но и культурно-политическое. Это обмен опытом, это жизненное дыхание наших республик».

Как-то Осип Мандельштам в одном из своих стихотворений, посвященных Андрею Белому, имея в виду его кавказские приключения, сказал, что он «дирижировал кавказскими горами». С еще большим правом можно было бы сказать это о Николае Семеновиче Тихонове, непревзойденном знатоке Грузии, особенно Грузии горной, всегда сочетавшем страсть поэтическую со страстью неутомимого путешественника. Как-то в разговоре со знаменитым русским путешественником, учеником Пржевальского, Козловым, который описывал ему красоты Тибета, и в ответ на его восклицание: «Каждый человек раз в жизни должен это увидеть», Тихонов, как он сам вспоминает об этом, подумал про себя: «Знаете ли вы в Грузии Латпарский перевал? Раз в жизни вы должны увидеть на этом перевале заход или восход солнца. Или взойдите на Гомборский перевал, посмотрите на зеленые леса Чанчахи с Мамисона — вы испытаете радость, которую унесете на всю жизнь. Я знал человека, который, не имея времени для того, чтобы долго путешествовать и любоваться красотами природы, добирался до Латпарского перевала, смотрел там на невероятный размах пейзажа и уезжал обратно в Москву, проведя на перевале всего два часа. Этого вида ему хватало на целый год».

А вот как звучит это тихоновское восхищение в его же стихах:

Я знаю Грузию такую
И в сердце строго берегу —
Лавины громкие ликуют,
И туры скачут на снегу.

Гремят алмазные потоки,
А над зеленым миром всем

Ступени льдов висят, как строки
Застывших в воздухе поэм.

Или же еще:

Крутой тропой — не ленись —
К лесам Таврарским подымись,
Взгляни в открывшуюся высь —
И ты увидишь назову
Не сивую синеву...
...Перед такую синевой
Я был когда-то сам не свой.
Перед такую синевой
Встань с непокрытой головой...

Грузию посвятил Тихонов одну из лучших своих книг, украсивших всю советскую поэзию, — «Стихи о Кахетии». В эту книгу вошло, ставшее уже классическим, стихотворение «Цинадали».

Я прошел над Алазанью,
Над причудливой водой,
Над седою, как сказанье,
И как песня, молодой.

Уж совхозом «Цинадали»
Шла осенняя пора,
Надо мною пролетали
Птицы темного пера.

Предо мною, у пучины
Виноградарственных рек,
Мастера людей учили,
Чтоб был весел человек.

И струился ток задорный,
Все печали погребал —
Красный, синий, желтый, черный —
По знакомым погребам.

Но сквозь буйные дороги,
Сквозь ночную тишину
Я на дне стаканов многих
Видел женщину одну.

Я входил в лесов раздолье
И в красоты женных скал,
Но раздумья крупной солью
Я веселье посыпал.

Потому, что веселиться
Мог и сорванный листок,
Потому, что поселиться
В этом крае я не мог.

Потому, что я, прохожий,
Легкой тени полоса,
Шел, на скалы непохожий,
Непохожий на леса.

Я прошел над Алазанью,
Над волшебною водой,
Поседелый, как сказанье,
И, как песня, молодой.

Да, Николай Тихонов воистину имел право сказать о себе и о Грузии:

Я не изгнанник, не влекомый
Чужую радость перенести,
Мне в этом крае все знакомо,
Как будто я родился здесь.

И все ж с гомборского разгона,
Когда в закате перевал,
Такой неистово зеленой
Тебя, Кахетия, не знал.

Как всплески, полные прохлады,
Я погружался в речь твою,
Грузино-русских строк отряды
В примерном встретились бою.

Но где найдется чувство мера,
Когда встает перед тобой
Волной вселенского размера
Лесов немеркнувший прибой?

И в этот миг совсем не сотый,
Когда ты в жизни жил не зря,
Сроднив и спутав все высоты,
Почти о счастье говоря,

Ты ищешь в прошлом с легкой
дрожью:
Явись опять, зеленый зной, —
Год двадцать первый встал и ожил
Над мамисонской крутизной.

Большой и давний друг Николая Тихонова — Георгий Леонидзе вспоминает историю возникновения одного из тихоновских стихотворений о Грузии «Радуга в Сагурамо»: «Ранней зимой я пригласил Тихонова с супругой в Сагурамо. Стоя на балконе дома Ильи Чавчавадзе, мы вели разговор о поэзии. Вдруг с севера я заметил радугу, появившуюся над Ерцонскими горами, и шутливо обратился к дорогим гостям: «Вот я, как гостеприимный хозяин, организовал вам радугу». Смеясь, мы вскоре покинули Сагурамо. На этом и кончилась вся история, но потом, к моему удовольствию, я прочел изумительное стихотворение:

Она стояла в двух шагах,
Та радуга двойная,
Как мост на сказочных быках,
Друзей соединяя.

И золотистый дождь кипел
Среди листьев багряной,
И каждый лист дрожал и пел,
От слез веселых пьяный.

...И этот свет все рос и рос,
Был радугой украшен,
От сердца к сердцу строя мост
Великой дружбы нашей.

Тихонов — именно один из самых увлеченных и искусных строителей этого моста «великой дружбы» от «сердца к сердцу».

Мне хочется привести здесь же один эпизод из жизни Николая Тихонова, им самым описанный в одном своем великолепном очерке-воспоминании. В нем с не-

меньшей, пожалуй, силой, чем в стихах, раскрывается то свойство души большого русского поэта, которое и сделало его непревзойденным творцом «мостов дружбы», соединяющих сердца народов. Буквально в канун второй мировой войны Николай Тихонов был гостем Георгия Леонидзе в загородном дачном поселке Цхети. Там они с некоторым опозданием узнали о нападении Гитлера на Польшу и поспешили в Тбилиси, чтобы броситься к газетам. А дальше дадим слово самому Тихонову: «Уже неделю, целых семь дней шла мировая война. Горела Варшава... Фашистская орда сметала все на своем пути... Воздух гудел от тысяч самолетов и содрогался от ударов бомб и снарядов. Солнце мертвых встало над миром. До читав последнюю газету, мы сидели молча. С улицы доносился шум большого города. Я не мог быть больше в здании. Я хотел на воздух, к людям, к тихим цхетским холмам, тихим мирным вечерам. Их больше не было. Я поднялся на гору Давида, я смотрел на город, лежащий в свете сентябрьского солнца, древний город славы и искусства, труда и мира. Куда бы я ни бросал взгляд в это скопление домов, садов и улиц, всюду я находил уголки, связанные с воспоминаниями, с хорошими, добрыми людьми. Как древний язычник, я вознес моление к небу, чтобы война не коснулась красоты этого города, не превратила его в груды развалин. И небо услышало мое моление».

Состояние поэта, описанное здесь, ничего общего не имеет, разумеется, с религиозным экстазом. Оно говорит о большем — об экстазе любви. В час смертельной опасности, разразившейся над миром, человек подумал не о себе и о своем доме, а о доме своих друзей. Точно так же уже в мирное время, но в час большой личной беды, наступившей смертельной болезнью, еле оправившись от тяжелого инфаркта, Борис Леонидович Пастернак написал Нине Табидзе письмо, которое просил передать также семьям Чиковани и Леонидзе. Он писал: «Я остался жив, я — дома. Ах, как много мне надо Вам сказать... Вот, что я хочу, чтобы знали Вы, и Симон с Марикой, и Георгий Николаевич и Евфимия Александровна. Я повторяю это самым, самым близким.

Некоторым иногда кажется: «Да, все эти громкие слова, идеализм, творчество, и все эти речи и тосты хороши до поры до времени, за дружеским столом, до первой беды и первого серьезного испытания. Посмотрим, что от всего этого останется при первом столкновении с неизбежностью»...

Когда это случилось, и меня отвезли, и я пять вечерних часов пролежал сначала в приемном покое, а потом ночь в коридоре обыкновенной громадной и переполненной городской больницы, то в промежутках между потерей сознания и приступами меня охватывало такое спо-

койствие и блаженство! Я думал, что в случае моей смерти не произойдет ничего несвоевременного, непоправимого. У моей жены и ребенка будут друзья, никто их не обидит. А конец не застанет меня врасплох, в разгаре работ, за чем-нибудь недоделанным... Что можно было сделать — сделано (перевод Шекспира, Фауста, Бараташвили)...

...В минуту, которая казалась последней в жизни, больше, чем когда-либо до нее, хотелось славословить видимое, лопить и запечатлеть его: «Господи, — шептал я, — благодарю тебя за то, что ты кладешь краски так густо, и сделал жизнь и смерть такими, что твой язык — величественность и музыка, что ты сделал меня художником...» И я ликовал и плакал от счастья... Чиковани и Леонидзе справлялись телеграммами о моем здоровье... Расскажите им о моих ощущениях в больнице. Это надо им знать, не как близким друзьям, не как людям, которых я люблю, но гораздо больше: это надо им знать, как многочисленным представителям того мира, который в те овеянные смертью часы подвергся у меня проверке, и так вырос в моем ощущении, и получил такое подтверждение.

Тихонов и Пастернак в этих своих исповедях говорят о явлениях разного масштаба, но оба они, на пороге смертельной опасности, грозящей в одном случае — жизни человечества, а в другом — человеческой жизни, заглянув в глубочайшие и сокровеннейшие тайники своих сердец, нашли и обрели там образы и облики друзей.

В середине тридцатых годов Грузия и ее поэты, уже крепчайшие сдружившиеся с Тихоновым и Пастернаком, обрели новых замечательных палладинов. На горизонте русско-грузинского поэтического братства появились фигуры Николая Заболоцкого и Павла Антокольского. То, что совершили эти четыре поэта во имя своей любви к Грузии и грузинской поэзии — не назовешь иначе, как творческим подвигом. Блистательнейшие мастера современного русского стиха, они сделали достоянием миллионов многовековую поэзию страны, которая благодаря превратностям исторических судеб долго оставалась оторванной от большого мира и не могла поделиться с ним своими духовными сокровищами. И вот: Заболоцкий дважды переводит поэму Руставели, делает достоянием русского читателя поэзию могучего поэта XVIII века Давида Гурамишвили, переводит классиков грузинской поэзии XIX века — Григола Орбелиани, Илью Чавчавадзе, Важа Пшавела. Пастернак воссоздает на русском языке поэзию Бараташвили и Церетели, Тихонов берет за грузинский народный эпос, Антокольский переводит чуть ли не треть поэмы Руставели, «Беды Грузии» Гурамишвили, лирику Акакия Церетели. Все они увлеченно и вдохновенно перевыражают все самое

значительное из созданного грузинскими советскими поэтами. Заболоцкий и Антокольский, вслед за Тихоновым и Пастернаком, становятся своими, кровно родными людьми не только в Тбилиси, но и во многих уголках республики. Симон Чиковани писал о Заболоцком: «В Тбилиси ли, расцвеченном осенними красками, у журчащего ли родника в Сагурамо, в просторах ли, обозреваемых с квинхетских балконов, в желтеющем ли октябрьском гомборском лесу, виноградной ли порой в Кахетии и Картли, или в живописном Чаргальском ущелье, — всюду постигал он Грузию, жизнь ее народа и воссозданные в грузинской поэзии картины грузинской природы». Эти слова в равной мере применимы и к Павлу Антокольскому, какими бы разными по складу, характеру, темпераменту, поэтическому строю души ни были эти два поэта, два друга. Степанный и сдержанный, благородно сосредоточенный Заболоцкий мог бы повторить слова безудержного, страстного, неутомимого, но всегда и во всем утонченного артистичного Антокольского: «Раз и навсегда узнавши Грузию — в поэтических переводах и подстрочниках, в ее музыке и во фресках грузинского средневековья, в личной дружбе с ее деятелями и в горном пейзаже, в кипучем строительстве наших дней — словом, во всем многообразии жизни, мы снова и снова радуемся всему, что обогащает это знание и сопутствующую ему любовь». Лучшим свидетельством этой любви были не только переводы, сделанные Заболоцким и Антокольским из грузинской поэзии, но и многие прекрасные стихи, посвященные Грузии. Вот одно из таких стихотворений Николая Заболоцкого, очень характерное для его поэзии. Называется оно «Ночь в Пасанаури»:

Сияла ночь, играя на пандури,
Луна плыла в убежище любви,
И снова мне в садах Пасанаури
На двух Арагвах пели соловьи.

С Крестового спустившись перевала,
Где в мае снег и каменный лед,
Я так устал, что не желал нисало
Ни соловьев, ни песен, ни красот.

Под звуки соловьиного напева
Я взял фонарь, разделся догола.
И вот река, как бешеная дева,
Мое большое тело обняла.

И я лежал, схватившись за
камень,
И надо мной, сверкая, выл поток,
И камни шевелились в иступленьи
И бормотали, прыгая у ног.

И я смотрел на бледный свет огарка,
Который колебался вдалеке,
И с берега огромная овчарка
Величественно двигалась к реке.

И вышел я на берег, словно воин,
Холодный, чистый, сильный и земной,
И гордый пес, как божество, спокоен,
Узнав меня, улеся предо мной.

И в эту ночь в садах Пасанаури,
Изведав холод первобытных струй,
Я принял в сердце первый звук
пандури,
Как в отрочестве — первый поцелуй.

А вот и стихотворение Павла Антокольского, посвященное гениальному самоучке-художнику Нико Пиросманашвили, жившему и творившему в страшной бедности, но обретавшему радость в творчестве и только в творчестве, в реальном и сказочном мире, им творимом:

В духане, меж блюд и хохочущих
морд,
На черной клеенке, на скатерти
мокрой
Художник белилами, суриком, охрой
Наметил огромный, как жизнь,
натюрморт.

Духанщик ему хахетинским платил
За яркую вывеску. Старое сердце
Стучало от счастья, когда для кутял
Писал он пожар помидоров и перца.

Верблюды и кони, медведи и львы
Смотрели в глаза ему дико и
кротко.

Козел улыбался в седую бородку
И прыгал на коврик зеленой травы.

Цыплята, как пули, нацелившись в
мир,

Сияли прообразом райского
детства.

От жизни художнику некуда
деться!

Он прямб из рук эту прорву кормил.

В больших шароварах серьезный
кинто,

Дитя в гофрированном платье,
девы,

Лилейные и полногрудые! Где вы?
Кто дал вам бессмертье, выдумал
кто?

Расселины, выставившись напоказ,
Сверкали бесстрашием рысей и
кошек.

Как бешено залит луной, как
роскошен,

Как жутко раскрашен старинный
Кавказ!

И пенились винные роги. Вода
Плескалась в больших тонкогорлых
кувшинах.

Рассвет наступил в голосах
петушиных.

За здравие утра сказал тамада.

Если бы была хоть какая-то возмож-
ность, я должен был бы сказать сегод-

ня и о замечательной работе таких рус-
ских мастеров старшего и среднего
поколения, как Владимир Державин и
Александр Кочетков, Арсений Тарковский
и Сергей Спасский, Михаил Светлов и
Леонид Мартынов, Михаил Луконин и
Александр Межиров, Ирина Снегова и
Елена Николаевская, Марк Максимов и
Владимир Соколов, очень много и замеча-
тельно поработавших над грузинскими
переводами. Но я не могу не коснуться
здесь одной завершающей темы. В после-
словии к своей книге грузинских переводов
и стихов о Грузии Павел Григорьевич Ан-
токольский писал: «Связи наши с грузин-
ской поэзией неисчислимы. Когда начина-
ешь вспоминать об этом, каждая мысль
ветвится, на каждой ветке висит золотой
плод, каждая ветка покрывается яркой
зеленью, — вот я и заговорил метафорами
в духе грузинской поэзии. На этом я хочу
поставить точку в своей книге. Но делаю
я это в ясном убеждении, что моя точка
здесь ничего не завершает, не останавлива-
ет, не исчерпывает. Каждый живущий на
земле человек вправе надеяться на свое
личное «продолжение». Ведь он нечто вро-
де романа, который частями публикуется
в журнале. Пускай даже и не мне сужде-
но продолжать роман этой книги, а кому-
нибудь другому, — все равно: продол-
жение следует!»

И продолжение действительно последо-
вало. Его осуществило молодое поколение
русских поэтов, среди которых в первую
очередь надо назвать Беллу Ахмадулину и
Евгения Евтушенко, а также Андрея Воз-
несенского, Юнну Мориц, Станислава Ку-
няева. Грузинская поэзия, которая дважды
была до этого «открыта» — сначала поэ-
тами старшего поколения, а затем Межи-
ровым, Лукониным и другими поэтами их
поколения и к которой, казалось бы, уже
привык читатель, навсегда ее полюбивший
и чуть ли не до конца познавший, — вдруг
зажила новой трепетной жизнью, оберну-
лась скрытым ликом, вновь обрела неувя-
даемую молодость. Такие чудеса может
творить только любовь, новая любовь —
сама обновляющаяся, возрождающаяся, возвы-
шающаяся... И здесь речь идет не только об
открытии дотоле неведомых русскому чи-
тателю имен в грузинской поэзии (хотя
они тоже есть — достаточно назвать Мух-
рана Мачавариани, Анну Каландадзе, Ота-
ра и Тамаза Чиладзе, Шота Ницианидзе
и других), — волшебство новой любви
коснулось и старых ее знаменосцев —
Галактиона Табидзе и Георгия Леонидзе,
Симона Чиковани и Ираклия Абашидзе,
Алио Мирцхулава и Карло Каладзе.

Вот как выразил свои чувства, поро-
жденные приобщением к грузинской поэзии,
Евгений Евтушенко: «У Уэалда есть рас-
сказ, который я очень люблю, называется
этот рассказ «Зеленая калитка». Живет че-
ловек, бывает ему в жизни чрезвычайно
трудно, разное бывает в жизни — и го-
рести, и радости... И вот шел он однажды

по улице, и вдруг перед ним возникла зеленая калитка. Он открыл ее — перед ним открылся изумительный, шелестящий, благоухающий сад, он вошел, и чувство большой радости охватило его... И вот грузинская поэзия для меня — это действительно своего рода зеленая калитка, вечной зеленой калитка. Это сад замечательной грузинской поэзии, куда мы вступаем».

К этим словам русского поэта мы бы могли добавить, что поэзия любого народа является такой же зеленой калиткой, ведущей в неповторимый по красоте сад, и что Евгений Евтушенко много сделал, чтобы пересадить в сад великой русской поэзии плоды и цветы поэзии грузинской. Если продолжить это сравнение, то постижение великолепной и вдохновенной садовницей явилась нам Белла Ахмадулина, феноменальный поэтический дар которой воскресил для второй жизни на русском языке творения Галактиона Табидзе и Симона Чиковани, а также некоторых молодых грузинских поэтов. А в основе ее работы лежит такое глубокое понимание Грузии, такое постижение ее зримой красоты и невидимой души, словом, такая любовь, что она достойна слиться с великой любовью, выношенной в поэтическом сердце России. Но пусть она сама скажет о своей любви стихами, которые начинаются словами, вложенными ею в уста своего учителя по любви к Грузии — Бориса Пастернака, и продолжены ею, как исповедь, как любовное заклинание, как клятва в вечной любви:

Он утверждал — «Между теплиц
и льдин, чуть-чуть южнее рая,
на детской дудочке играя,
живет вселенная вторая
и называется — «Тифлис».

Ожог глазам, рукам — простудил
любовь моя, мой плач — Тифлис
Природы вогнутый карниз,
где бог капризный, вдав в каприз,
над миром примостил то чудо.

Возник в моих глазах туман,
брала разбег моя ошибка,
когда тот город зыбко-зыбко
лег полукружем, как улыбка
благословенных уст Тamar.

Не знаю, для какой потехи
сомкнул он надо мной овал,
поцеловал, околдовал
на жизнь, на смерть и наповал —
быть вечным узником Метехи.

О, если бы из вод Куры
не пить мне!
И из вод Арагвы
не пить!
И сладости отравы
не ведать!
И лицом в те травы
не падать!

И вернуть дары,
что ты мне, Грузия, дарила!
Но поздно! Уж отпит глоток,
и вечен хмель, и видит бог,
что сон мой о тебе — глубок,
как Алазанская долина.

В свое время Белинский писал о Лермонтове, что он «заплатил полную дань волшебной стране, поразившей лучшими благодатнейшими впечатлениями его поэтическую душу». Сегодня мы по праву и с благодарностью могли бы сказать: Грузия взяла полную дань с музы каждого, прошедшего к ней с открытой душой и чистым сердцем поэта.

Гурам Рчеулишвили

Кто бывал на старых сельских кладбищах, невольно задумывался над тем, как неминуемо сила смерти делает одинаковыми всех, кто там погребен. Одной меркой измерены все могильные камни, одним резцом высечены они. И только время оставляет свой отпечаток на некоторых из них. Высеченные из родных скал, камни эти одинаково украшают все могилы, будь там пахарь или погонщик, каменщик или столяр, ибо могиле того, кто сеял добро на земле, особым украшений не нужно.

Именно такие мысли приходят в голову и у могильной плиты Гурама Рчеулишвили на старом кладбище в Ваке, в окрестностях Тбилиси.

...Юноша сидит на мчащемся коне. Рубаха на нем распахнута, правой рукой он ухватился за гриву коня, в левой держит раскрытый свиток. Над фигурой всадника высечено солнце, внизу у основания могильного камня — луна, а местами по камню разбросаны звезды. На плите скромная надпись: «Гурам Рчеулишвили, 1934 — 1960».

Юноша мчит своего коня Саламура по дороге, освещенной солнцем.

Юноша очень любил своего необъезженного жеребца, своего упрямого Саламура, который так и не покорился узде.

Подобно этому могильному камню, отсеченному от родных гор, самобытно и своеобразно было творчество Гурама Рчеулишвили, а слово его подобно этой глыбе, значительное и глубокое, «странно тяжелое, и легкое в своей тяжести», как сказал он сам. Мысли и думы Гурама Рчеулишвили были особенные, возвышенные и чистые. И для того, чтобы высказать эти мысли, необходимо было большое мастерство, ясность ума и трудолюбие пчелы.

Гураму Рчеулишвили удавалось с необыкновенной убедительностью, достоверностью и красотой воспроизвести и высказать увиденное и пережитое. Подобно чувствительной пленке, его созна-

ние запечатлевало и отражало виденное. Гурам Рчеулишвили одинаково тонко чувствовал и передавал мысли патриархального хевсура и идущего по проспекту Руставели студента.

В словах Гурама Рчеулишвили ощущалось благоухание родных гор, целинных земель и буйно разросшихся деревьев. Непокорный ропот и зовы вышедших из берегов горных рек слышались в его юношеской песне. Шел юноша по пашне и «слышал дыхание земли, слышал так, как это может только привыкший к ходьбе по асфальту человек — сильно, по-новому, как вскормленный в яслях сеном бычок чувствует вкус сочной весенней травы».

...Гурам Рчеулишвили был неутомимым путешественником.

Отец пробудил в нем жажду странствий. Был он спортсменом, альпинистом, исходил Грузию из конца в конец — поднимался в горы, бродил по полям, по морскому побережью... Трудно сказать, отдавал ли он предпочтение чему-нибудь или с одинаковым волнением воспринимал предельность гор, полей, морского простора. Но с особой страстью говорил он о красоте моря, о его всемогуществе, о величии и таинствах, скрытых в морских просторах... Может быть, его тревожило предчувствие...

Он обошел Пшав-Хевсуретию, Абхазию, Джавахетию, побывал почти в каждом уголке Грузии. А в тех краях, которые особенно привлекали его — по несколько раз. Высокие вершины Кавказа его манили всегда. Как альпинист (иногда руководил группой) Гурам Рчеулишвили совершил восхождения на восемнадцать вершин Главного Кавказского хребта. Преодолея семь перевалов и сделав траверсы десяти вершин. Он прошел горы и долины Северного Кавказа, Каспийское побережье, Дагестан, Кабардино-Балкарию, Клухори. Вершины Тянь-Шаня звали его... Не успел.

Желание путешествовать, обойти страны, изучить жизнь других народов увлекло его и за пределы Кавказа. На лыжах пересек он Закарпатскую Украину, месяцами жил в городах России, знако-

Настоящая статья составлена из предисловий к двум изданиям книг Г. Рчеулишвили на грузинском языке. В переводе на русский язык печатается впервые.

мился с обычаями ее коренных жителей, с их психологией.

Когда он погиб — ему было двадцать шесть.

И как он успел столько за свои короткие двадцать шесть?

Наблюдал, запоминал, записывал, как видно, с ранней юности. Огромный неведомый мир со своими большими и малыми делами, радостями и горестями, представший перед его изучающим взглядом, отпечатывался в памяти, настойчиво просился на бумагу.

Дисались дневники, навеванные непосредственными впечатлениями. В пути делались зарисовки. Так в Хевсуретии родились «Твиртвила», «Батарека Чинчараули», «Смерть в горах», черноморские дневники легли в основу рассказов «Море было темным», «Медленное танго», «Немой Ахмед и жизнь», «Ирина», дневники Сванетии и Кахетии вылились в «Танец дэвов», «Восхождение», «Алавердоба».

В 1956 году были написаны два замечательных маленьких рассказа: «Любовь в марте» и «Любовь осенью». Оба рассказа полны молчаливого человеческого огорчения. В первом — брожение весеннего воздуха и неосознанное томление юности, во втором — грусть поздней осени.

Писал он ежедневно: перед лекциями, возвратившись с занятий, иногда и на лекциях... Зачастую под многими рассказами, дневниковыми записями или зарисовками проставлены дата, час, место, даже номер университетской аудитории, где этот большеглазый юноша под размеренную речь преподавателя умел остаться наедине со своими мыслями или наблюдал за своими друзьями, изучал и анализировал их поступки и фиксировал как в протоколе все свои выводы и раздумья. Но все эти записи несли на себе печать глубокого осмысления того, что происходит вокруг. Он посылал родным вместо писем рассказы. Так и было написано «Вместо письма». Писал он эти рассказы в дороге, в купе поезда («Поезд в степи»).

К сожалению, многое из написанного, что могло обрести лучшие формы, превратилось в литературный архив, над которым стоит серьезно поработать.

Первые же рассказы Гурама Рчеулишвили, напечатанные в только что созданном молодежном журнале «Цискари», стали предметом обсуждений, споров, дискуссий. Они заставили призадуматься, поразили новизной.

По мнению одних, необычной была форма рассказов Г. Рчеулишвили, другие находили ошибочной концепцию некоторых из них, третьи упрекали его в подражательстве новой западной прозе.

Это вопросы для специального изучения, но мне думается, что такое отношение возникло не в результате серьезного прочтения рассказов Г. Рчеулишвили. Их лаконизм, подчеркнутая скупость в раскрытии фона действий, психологизм зиждется на лучших традициях грузинской классической и советской прозы. «Необычным» в рассказах этого юноши был тот мир, который он ввел в литературу последних лет. Переживания современного юноши-интеллекта, его любовь и огорчения. Борьба жизни и смерти... Старые, но вечно новые и волнующие вопросы. Все это было вмещено в строгие реалистические рамки, отмечено безыскусственностью, простотой настоящего мастера.

Психологический анализ действий и высказываний немецкого писателя Альфреда Курелла и членов его семьи (рассказ «Смерть в горах») поражает своей глубиной, удивительной правдивостью и конкретностью.

На скупой земле Хевсуретии лежит мать. Каких-нибудь десять минут назад она была весела, здорова и счастлива; вместе с мужем и старшим сыном наслаждалась красотой диких гор. А сейчас покинута на земле. Глаза ее закрыты. Растерянные отец и сын стараются не смотреть на тело самоотверженной женщины. Внешнее спокойствие не может скрыть тяжелую травму; еще немного и подступившее чувство прорвется сквозь рамки европейской сдержанности и вежливости. Они говорят о лошади, о цветах, но в этом спокойствии чувствуется огромная боль.

«Оба избегали разговора о покойной. Для них в смерти было что-то необычное и уже прошедшее, чему ничем нельзя было помочь. А вокруг все было неизвестным, казалось зловещим. Тени туч проплывали над каменными глыбами; над ущельем в тумане парил коршун, и вода пеной низвергалась на скалы».

Внезапное горе поначалу вызывает в сердце человека изумление и ошеломляет его; беда осознается постепенно. А потом приходит тоска и сожаление о невозвратимой утрате.

«— Все-таки очень мало горюют, не правда? — сказал Гурам.

— А что, так и следует. Что поделаешь, и я бы так поступил. — Важа взглянул на Куреллу, который фотографировал вороного коня.

— Ты, возможно, не плакал бы, но не смог бы так отвлечься.

— Может быть.

— Вот это и есть настоящее горе.

— Я думаю, это — слабость.

— В горе приходит слабость.

— Они не умеют горевать. Мужчины должны быть сильными.

— Все-таки способность горевать — тоже сила.

Важа отрицательно качнул головой.

— Кто не умеет горевать, тому не испытать ни счастья, ни другого сильного чувства. О сильных и слабых чувствах он знает только от других.

Важа снова отрицательно покачал головой, потом произнес:

— Они горюют, только немного. Я все же думаю, что они пока не пришли в себя.

— Нет, не такой Курелла, — сказал Гурам. Потом подумал, что, может быть, и вправду для них в этом случае больше поразительного, чем ужасного; подумал и о том, что Курелла прекрасно знает: смерть есть смерть; потом перестал думать и пошел к хевсурам.

Есть в этом рассказе одно место, которое своей правдивостью производит на читателя сильное впечатление. Пораженный внезапным горем Курелла, тронутый сочувствием хевсуров, словно забывает на минуту о своем положении и обращается к собравшимся вокруг его покойной супруги с патетическими словами:

«— Пожалуйста, переведите, я хочу сказать несколько слов... Двадцать лет Элида Курелла была моей супругой, матерью пятерых детей, женой писателя Альфреда Куреллы. Она сама была очень интересным человеком, врачом. Многим вернула жизнь. Элида очень любила Советский Союз, советских людей и особенно Кавказ, Грузию. В горах Абхазии она три года жила и работала врачом. Она была моим самым лучшим другом.

Переводчик говорил басом, опустив голову. Потом в его голосе послышались слезы.

— Она была лучшим другом, — повторил Курелла.

У переводчика появились слезы на глазах, потом он высоко поднял руку, беспомощно махнул ею, отошел в сторону, там же присел и опустил голову на колени.

Продолжила перевод женщина.

— Я глубоко благодарен вам, хевсуры. Очень благодарен. Ни я, ни мой народ не забудем вашего внимания. Еще раз приношу благодарность от себя и от имени моей покойной супруги. Я кончил, — сказал он.

В конце рассказа Курелла и Гурам спокойно беседуют о наблевших вопросах жизни и смерти. Читателя поражает глубина обобщений автора. Собеседники вспоминают солдата, который пал от последней пули 9 мая 1945 года, и приходят к такому заключению:

«Люди не могут горевать обо всех вместе. Несчастья войны они владывают в смерть одного самого дорогого и близкого человека...»

В этих словах многое от истины. И самого Гурама Рчеулишвили безвременно унесло бурное море жизни. А горевать

«обо всех вместе», действительно невозможно. И для многих близких: стму людей несчастье других преломляется сквозь смерть этого чудесного человека.

Гурам Рчеулишвили жил стремлениями современной молодежи. Он очень болезненно реагировал на всякого рода фальшь, ханжество, лицемерие. Это вызывало в нем отвращение.

Время делает свое дело, старые национальные праздники утратили свою прелесть. Состязание в мужестве и героизме превратилось в балагурство обалдевших от бессонницы пьяниц. Современный человек уже не может мириться с извращением обычая, некогда величественного и захватывающего.

«Алавердоба больше не Алавердоба (рассказ «Алавердоба»). Чувствуешь, этот религиозный праздник только инерция, дошедшая до смешного инерция».

Героя рассказа душил ярость, он не в состоянии смотреть бесстрастно на обезумевшие от пьянства лица, на нескончаемое, до тошноты, танцующие пары... Он исполнен желания действовать, сжимается, как пружина, становится угрюмым и опасным для окружающих.

Но чем был этот мгновенный бунт против «инерции, дошедшей до смешного» и уродства? Как ополчился юноша против уродства? Утратив самообладание, на разгоряченном коне врзается в гущу бодрствующих кутил. Это возвращает юноше «неожиданную ясность» сознания.

Протест против общей инерции заставляет героя рассказа подняться на купол Алаверды.

С этого величественного пьедестала ему кажется, «что добился исполнения того желания, которое даже не мог назвать».

Четыре года противилась Твиртвила удилам (рассказ «Твиртвила»). Но сильная рука Миндия упорно укрочала ее. И вот однажды Твиртвила сорвалась: почувствовала ослабленные поводья, вялые руки пьяного хевсура и понеслась навстречу судьбе. Всадник вывалился из седла. Три дня и три ночи блуждала без хозяина вольная Твиртвила. На четвертый день вернулась в деревню.

«Посреди двора лежал ее хозяин. Он больше не шевелился. Твиртвила подняла голову, оскалила зубы и душераздирающе заржала: хозяин не шевелился. У его изголовья лежала уздечка любимой лошади. Лошадь дотянулась до удила и стала жевать».

— Гей, гей, Твиртвила!

— Горе тебе, Миндия!

— Не выдержал.

— Не выдержал, клянусь крестом Гудана.

— Свершилось чудо.
А Твирвила стояла около покойника и жевала удила.

У лошади зачесалась спина.
Пошатываясь, подошла к низкой стене конюшни и стала тереться об нее.

— Гей, ге, Твирвила.
— Горе тебе, Миндиа!
Горе не покидало двор хевсура».

Юноша-альпинист висит над краем ледяной пропасти (рассказ «Восхождение»). Одно неловкое движение может стоить жизни. Юноша проявляет удивительное самообладание и силу. Здесь будто и нет ничего удивительного — инстинкт самосохранения. Но дело в том, что незадолго до этого он принял решение покончить с собой, его сердце еще не преодолело этого трагического искушения. И вот прекрасная возможность. Достаточно одного движения и... Но жажда жизни оказывается сильнее. Повиснув над трещиной, он вспоминает мать, свое детство; бывало, разболитесь зуб, а мама приложит теплую щеку к больному месту, и все пройдет.

Насколько человекна и правдоподобна эта деталь...

Праздник Алавердоба. Раннее утро. За оградой храма слоняются пьяные кутилы. Лошади, завидев своих пьяных хозяев, беспокойно фыркают (рассказ «Алавердоба»).

«Дай ей опохмелиться, дай!» — говорит полусонные кутилы.

— В одной фразе — картина. Это мог сделать только человек с незаурядными писательскими способностями.

Г. Рчеулишвили, талантливо избегая утомительного описательства, рисует внешность своих героев в какой-то одной как будто незначительной детали.

«Широкие отпечатки ступней юноши оставяла глубокий след в песке, а девушка словно не касалась земли — следы ее ног были едва заметны».

А вот как он рассказывает о подавленном жизнью и всеми покинутом старике-рыбаке, которому в юности море подарило счастье, а потом отняло («Немой Ахмед и море»):

«...Под теплом еле дышал огонь. Ахмед раздувал угасшие уголья. Пламя освещало онемевшее, морщинистое лицо и вытянутые вперед губы. Щенок лежал у самого огня и дремал, голова покоилась на холодной босой ноге хозяина; тепло собаки передавалось хозяину».

Писатель чувствует природу, видит ее. В нарисованных им картинах нет ничего надуманного, приукрашенного — перед нами предстает опытный, наблюдательный художник.

«Настало мгновение, когда глаза, привыкшие к резкому свету, не различают слабые бессильные огни. Стояла сплошная мгла, и в этом мраке виде-

лось бесконечное поле, исходящее из бездонной глубины. Нет, не виделось, интуицией чувствовал его человеческий глаз...»

Однако: «Незаметно крадучись, свылось зрение с темнотой, откуда-то вдруг с удивительной силой вспыхнули звезды и заполнили все небо Каргли».

Описания действия и природы в его рассказах гармонично сливаются воедино:

«Скоро ветер заметно усилился и закидал ущелье снежными хлопьями. Саламура била копытами в землю. В загоне лошади были спокойны. Ветер снова разогнал тучи. Жеребцы лезли друг на друга. В ту ночь опять стало холоднее. Саламура широкой грудью проложила себе дорогу в табуне и подошла к плетню; из широких ноздрей вырывались струи пара».

Нервный ритм вьюжной ночи сливается воедино с беспокойством лошадей, томящихся в загоне.

* * *

Гурам Рчеулишвили несомненно был рожден писателем. В его первых же рассказах чувствовалась безыскусственность и простота, лаконичность и строгость фразы. Еще молодой и неопытный, он всегда старался писать точным грузинским языком, лишенным вычурности и многословия. Слово никогда не было для него самоцелью или украшением; оно было материалом. Он знал, что каждое слово должно быть на своем месте. И именно таким отношением к слову он достигал того, что из-под его пера появлялись осязаемые образы и картины.

Только в последних рассказах Гурама Рчеулишвили мы заметили, что язык его произведений вдруг стал туманным, появился необычный для грузинского языка синтаксический строй, что совершенно не было свойственно его первым рассказам.

Причина этого, видно, кроется в том, что первые его короткие рассказы, эскизы и зарисовки сделаны в виде дневниковых записей; словарный запас юного писателя соответствовал языку его героев; после первых шагов в литературе, после опубликования первых рассказов, возникает желание проникнуть в психологические глубины, а это требовало больших знаний, серьезного освоения языковых средств для выражения глубоких мыслей. Мужая, писатель вырос из той языковой одежды, которая соответствовала первым опытам; он спешит, нервничает, грешит... Требуется шлифовка. По этому поводу не раз возникали споры. А спорил он непримиримо, горячо, волнуясь.

Его юношеское нутро жило литературой. Он чувствовал себя кровно заинтере-

ресованным во всех писательских делах. У него уже сложились собственные взгляды на жизнь, литературу и язык, и свое отношение он отстаивал упорно, и глубоко задумывался, прежде чем от- речься от своих убеждений.

Следует сказать несколько слов о рассказах, опубликованных после смерти автора. Насколько мне известно, Гу- рам Рчеулишвили не собирался печатать эти рассказы, кроме трех-четырех («Немой Ахмед и море», «Батарека Чинчараули», «Саламура»). Некоторые из них уже не нравились ему, и остань- ся он в живых, вероятно, они не стали бы достоянием читателя. Он считал эти рассказы пройденным этапом. Он бы- стро взрослел. Он ощущал слабость

написанного ранее, сравнивая это со своими настоящими возможностями и требованиями. Насколько он был прав? Пусть об этом судит читатель. Только нельзя не учесть того, что эти короткие рассказы, зарисовки и дневники органи- чески слились с главным в творчестве Гурама Рчеулишвили.

Я давно собирался о нем написать и вот, наконец, сделал это.

Он был достоин того, чтобы о нем писали. Гурам не из тех писателей, к чьему творчеству после смерти остыва- ет интерес. Своей жизнью, своим твор- чеством он вызвал во мне много доб- рых чувств.

Хроника

ТЕАТРАЛЬНОЕ ЛЕТО В ТБИЛИСИ

Лето в Тбилиси, как правило — пора гастрольная. Нынешнее лето в этом отношении особенно насыщено. В этом году гастрольный сезон открыл Московский театр кукол под руководством Образцова. Это не первый его приезд в столицу нашей республики. И тем не менее, еще до приезда этого театрального коллектива все билеты были уже проданы. Московские кукольники привезли на этот раз три спектакля для взрослых — «Божественную комедию», «Чертову мельницу» и неизмен- ный «Необыкновенный концерт», а также несколько постановок для детей.

Почти одновременно с образцовцами проходили гастроли Московско- го театра драмы и комедии на Таганке. Этот самый молодой в нашей стране театр — впервые в Тбилиси. Он показал здесь «Десять дней, которые потрясли мир» по мотивам одноименной книги Джона Рида, «До- брый человек из Сезуана» Бертольта Брехта, «Антимиры» по Андрею Вознесенскому и «Только телеграммы...» В. Осипова.

Эти два, казалось бы, таких разных театра — и по своему, если так можно сказать, возрасту, и по своей природе (один — кукольный, другой — «человеческий») неожиданно оказались в чем-то родственными. Это общее для них — та условность, пародийность и публицистическая заостренность, которые отличают их от многих других театров страны, и именно это привлекло к ним внимание тбилисского зрителя.

Отточенностью мастерства и удивительным проникновением в образ порадовала любителей балета французская балерина Иветт Шовире в «Жизели», танцевавшая в паре с Вахтангом Чабукиани.

Снова посетили Тбилиси любимица нашего города — греческая пе- вщица Иованна, которая привезла новую большую программу своих кон- цертов, и итальянский певец Марино Марини.

И наконец, на сценах города — долгожданная «Золушка» С. Про- кофьева в постановке В. Чабукиани!

Владимир ДЖИБУТИ

„Пожарам сердце радо“...

Поэту Александру Абашели в своем творчестве пришлось пройти через три сложных и своеобразных социально-политических периода. Начало его поэтической деятельности совпало с суровым самодержавным режимом. В пору временного господства меньшевиков в Грузии развивался второй этап его творчества.

Но самыми главными и плодотворными были годы после установления Советской власти, когда поэт достиг полного и истинного признания, вдохновенно воспел социалистическое Отечество.

Первый период творчества А. Абашели нашел свое итоговое выражение в сборнике «Улыбка солнца», второй — в «Пылающей аллее». В первой книге объединены стихотворения, написанные до 1913 года, ярко свидетельствующие о том, что поэт не мирится с социальным и национальным гнетом и всей душой стремится выразить думы и чаяния народа. Позже он отходит от традиций демократической поэзии, попадает в плен эстетизма и начинает поклоняться культуре формы. В этом смысле — А. Абашели один из предшественников грузинских символистов.

Стихи его этого периода напоминают холодные статуи, — правда, изваянные искусным мастером. Но они не волнуют, потому что лишены пафоса, огня, характерных для возвышенной, рожденной высокими идеями поэзии. Одним словом, в этих стихах нет пульса активной жизни. Борьба сломила волю поэта. Он грустит оттого, что начавшейся борьбе не видно конца, а сам он утомлен и у него нет сил сопротивляться действительности. Им овладевает меланхолия:

Мы боролись, но напрасно:
нет конца земной печали.
Пронеслось над нами время,
все заветное разрушив.
Потускнело наше солнце,
омрачились наши души.
Вновь спросила ты: «Кто солнце
отвратил от наших дней?»
Я молчал и только лаской
отвечал тоске твоей.

Безысходные туманы
нам грядущее заткали.
Ты спросила: «Где ж окончим
безутешный этот путь?»
Я молчал... Надежды новой
я не мог в тебя вдохнуть.

Пробил час. Все миновалось.
Тучи темные уплыли.
Обессиленные жизнью,
мы пришли к своей могиле.
Все приходят к этой бездне,
замыкая скорбный круг...
Что ж замозгла ты, подруга?
Что ж не спросишь: «Где мы, друг?»

Минорно звучат и стихотворения «Одинокий», «Другу», «Меланхолия» и другие. Эти произведения ярко выражают характер поэзии А. Абашели того периода; в них видно, что поэт потерял веру в человека, надежду на сочувствие ближнего, доверие к другу:

О, пора! Все онемело,
все замкнулось в черном круге.
Нет ни солнца в изнебе,
ни луны, его подруги.
Под десницею насыля
мир безжизненно почил.
Гаснет пламя наших сил!

В первые годы установления Советской власти в Грузии А. Абашели еще продолжает оставаться в плену формализма и эстетизма, туманного мистицизма.

Успехи, достигнутые в социалистическом строительстве, побудили поэта откликнуться на новые явления в жизни страны. Вот как он обращается сам к себе в этот период: «Сорви с глаз холодное и разбитое зеркало и спой песню, созвучную эпохе». В ту пору в творчестве А. Абашели намечается перелом, окончательно завершившийся приятием им принципов социалистического реализма. Новый этап в его творчестве стал наиболее значительным как с точки зрения идейного звучания его произведений, так и по силе раскрытия в них явлений жизни.

Влияние идей социализма на А. Абашели было столь велико, что в одном

из своих стихотворений — «Мойм читателям» — он сожалеет о том, что в ранних стихах не откликнулся на вопросы общественной жизни, конкретные и актуальные проблемы современности. Настроения этого периода вылились в книгу «Солнце и родина», в которую вошли произведения, созданные в 1932 — 1939 гг.

А. Абашели — поэт тонкого эстетического вкуса, и это в полной мере и в полную силу вылилось в книге. Вся она проникнута высоким пафосом борьбы. Часть вошедших в нее стихов посвящена назначению поэзии в нашей бурной и многообразной жизни. И нужно подчеркнуть, что имя Абашели прочно утвердилось в грузинской советской литературе именно после того, как он преодолел свои ранние взгляды на поэзию, на ее сущность. Если раньше он думал, что искусство вообще и поэзия в частности — чисто эстетическая категория и глубоко субъективное явление, сейчас он не только не разделяет эту точку зрения на поэзию, но всей своей практикой сознательно опровергает ее и искренне заявляет, что теперь он уже ясно представляет себе требования, предъявляемые к поэту, — отвечать на запросы эпохи.

Убедительно звучат слова А. Абашели о том, что если когда-то его привлекала к себе поэзия грусти, печальные песни, ныне они не только не находят в нем сочувствия и отклика, но даже рождают противоречивые настроения:

Когда-то я купал напев в слезах,
Любил элегий черные наряды.
Теперь не то! Пожарам сердце радо,
И только трус постыдный чует страх.

Здесь же он призывает собратьев по перу изъять из поэтического лексикона такие слова, как: печаль, рыдания, ветерок, веяние, поскольку они, «когда вокруг гремят буревестники обновления», не выражают духа эпохи.

Поэт требует созвучных эпохе высоких и сильных гимнов, живых и огненных мотивов.

Часто приходится слышать, что стихи А. Абашели — плод работы спокойного разума, что в его поэзии умозрительность превалирует над эмоциями. Но это не совсем так. А. Абашели прекрасно знал, что такое стих, какая огромная творческая сила заключена в нем, когда он проникнут живым чувством. Потому-то, когда мы говорим об особенностях поэзии А. Абашели, то в первую очередь вспоминаем следующие его строки:

Для наших чувств стихи — апофеоз.
Пушкой строка зарядом солнца станет

И пусть она салютом счастьем грянет
И одой — в честь таящих пламень гроз!

Поэзия А. Абашели — гармоническое единство интеллектуального и эмоционального начал.

Поэт — тайновидец души человека. Он не только трубадур радостных чувств, он — сейсмограф человеческих ощущений. Но и печаль, и радость, по мнению А. Абашели, должны быть переданы так, чтобы пробуждать у человека интерес к жизни, внутренне возвышать его и рождать ощущение связи с родиной.

С чувством гордости отмечал А. Абашели, что наше поколение — свидетель величайших потрясений и «участник невиданного возрождения». Поэтому он требовал от наших писателей возвышенного, вдохновенного слова, слова, которое могло бы найти отклик у строителей новой жизни.

Там, где начинаются плакатность, риторические восклицания, кончается творчество. Поэтому Абашели советуется собратьям по перу:

Ты слово взвесь и глотку не дерй!
Кому нужны «вперед» иль «пафос
стройки»,
Коль визнет в мутной луже стих
нестойкий,
Жужжа в ушах с рассвета до зари!

Сам А. Абашели, со своей стороны, как зодчий, орнаментировал свое проникновенное слово. Он стремился сказать его так, чтобы оно было ценным не только для сегодняшнего дня, но так же весомо прозвучало и в будущем и рассказало потомкам о борьбе предшествующих поколений («Песня»). Вместе с тем поэт испытывал чувство гордости оттого, что на долю его поколения выпало счастье увидеть поворот истории, узреть, как занялся в темноте первый луч света, быть свидетелем того, о чем последующим поколениям будут повествовать лишь исторические документы («110этам будущего»).

Каждое слово Абашели несет большую смысловую и идейную нагрузку.

А. Абашели был поэтом-патриотом, до последнего дыхания с юношеским вдохновением, пылом и самозабвением славословившим свой героический народ и могучую социалистическую Родину.

В прошлом поэт слышал стоны нищих и угнетенных, видел гумна, орошенные кровью детей, сожженные врагом дома и разоренные виноградники. Теперь же его родина живет совсем иной жизнью. Поэт слышит сейчас совсем другие звуки, по-иному шелестит для него ветерок в листве деревьев, на

нивах и в виноградниках, по-иному сверкает роса на траве, и все это дает поэту возможность сказать своей роди-не:

Ждала ты солнца, Грузия, не зря,
Под грозами времен, под жгучими
ветрами!
И под великим солнцем Октября,
Как старый дуб, встряхнула ты ветвями.

Из огромного океана поэтических средств изобразительности А. Абашели черпал самые яркие, необходимые и колоритные.

Вот, к примеру, стихотворение «Новой Грузии», в котором многообразная красота природы преломляется сквозь призму поэтического восприятия:

Тетнульда с Ушбой громовые игры,
Над быстрой Мтквари — голубая мгла,
Простор полей, пестрее шкуры тигра,
Исчерчен тенью орлего крыла;

Цветок зари в небесной колыбели
И ливнями грохочущий апрель,
Могучий рокот арфы Руставели
И Церетели нежная свирель.

Стихотворение завершается вырази-тельной поэтической фразой:

Рассвет, в горах встающий величаво,
И месяц — рог, прозвизвший синеву,
И солнцем разгоревшая слава —
Все это Новой Грузии зовут!

В грузинской лирике периода Великой Отечественной войны выделяются патриотические стихи А. Абашели, вдохновлявшие и звавшие советских людей на борьбу. На следующий же день после начала войны А. Абашели опубликовал глубоко патриотическое стихотворение «Вчера прогремело небо», проникнутое гневом против вероломно напавшего на нашу страну врага. Не случайно стихотворение А. Абашели «Письмо матери» в годы войны стало популярной народной песней. Широкий резонанс этого стихотворения обусловили его лирическая непосредственность и простота народного склада, возведенная в степень высокой поэзии.

Поэт призывает юношу-грузина героически защищать честь своей родины, чистоту очага предков, колыбель младенца, величественное знамя обретенной в кровавых боях свободы.

Сверши же высокое дело!
Нелегкая будет борьба!
Пусть враг не пройдет озверелый, —
Решается наша судьба.

Не зная в боях поражения,
Ты должен с врагом совладать,

Тебя охраняет в сраженье
Грузинской земли благодать!

Возжаждавших нашего хлеба
Встречай ты жестоком свинцом!
Победой осветится небо,
Тебя увенчавши венцом!

Эти стихи вливали силу в советских людей, вступивших в борьбу не на жизнь, а на смерть с жестоким врагом, укрепляли их веру в победу.

И когда советский народ победил врагов и освободил человечество от гибели, когда на небе нашей родины, как солнце, заиграла дата — 9 мая 1945 года, А. Абашели вдохновенно воспел зарю долгожданного дня.

В послевоенные годы с неменьшим вдохновением А. Абашели воспевал мирную жизнь советского народа, послевоенное строительство. В его поэтических творениях того периода («Голубь мира», «Не хотим войны», «Рождение моря», «Новогоднее» и др.) выражалась острая ненависть против поджигателей новой войны:

Вылетай, раскрывши крылья,
Слово чистой белизны
Вдаль, где солнце в изобилье,
Вдаль, под знаменем весны,
Чтобы шорох мирных крыльев
Был сильнее ветров войны!

Эти стихи А. Абашели, так же как и другие на тему мира, и до сегодняшнего дня сохраняют свое общественное звучание. И это потому, что поэт жил лишь высокими идеями и чувствами.

А. Абашели блестящий мастер изящного стиха. В его поэтических сравнениях каждый предмет и явление увидены реалистически и пережиты эмоционально. В одном из стихотворений, посвященных Акакию Церетели, говоря о его близости к родной стране, А. Абашели пишет:

Но и сейчас чонгури наше,
Под властью забытых слов,
Вливает в Грузию, как в чашу,
Живой нектар твоих стихов.

В этом же стихотворении в качестве поэтического сравнения, выражающего мысль о преодолении социального и национального неравенства грузинского народа, А. Абашели мастерски использует блестящий образец прозаического наследия Акакия «Баши-Ачуки»:

Весь старый мир разрушен с бою,
Он стал добычей огня.
Араги так взяла с собою
Баши-Ачукова коня.

Поэтические сравнения А. Абашели остры, выразительны и предельно нежны:

Так рождается стихотворенье.
Все, что скопят ночные часы,
В нем, как в чашечке белой сирени,
Станет каплей рассветной росы.

Или еще:

О, как я рад, мои друзья,
Что к вам сейчас пришел!
Поэт ведь тоже ткач — и я
Стихов сплетаю шелк.

Судьба грузинского поэта XVIII века Давида Гурамишвили могла бы сложиться совсем по-иному в силу исторических обстоятельств в Грузии в тот период, если бы не помощь русского и украинского народов. В этой дружественности А. Абашели видит истоки исторического спасения Грузии и выражает их в краткой, лаконичной поэтической фразе:

Для тебя служил благим залогом
Хлеб, которым Лазарь накормил, —
И грузин он вывел на дорогу,
И очаг наш древний сохранил.

Создавая стихи о Гурамишвили, Акакии Церетели, Важа Пшавела или Казбеги, поэт всегда стремится выразить отношение к ним с позиций современности. Образ Важа Пшавела в его представлении неотделим от вечной красоты родной природы, он величайший художник ее, вдохновлявшийся ею и сам вливавший в нее новую душу:

Вершины картлийских гор
Твоею песней согреты.
Любая песня твоя—
Как гордый ледник Гергеты.
Не знали мы раньше таких
Вершин и выси звездной.
Весь этот огромный мир
Тобой, мне кажется, создан!

Поэзия А. Абашели поражает глубоким осмыслением, острым ощущением и переживанием родной природы. Часто обращается он к образу солнца, ставшего у него постоянным символом величия и красоты родной страны.

Поэт воспевает солнце как источник вечной жизни, непреходящей красоты и высокого вдохновения. Солнце — один из самых важных, органических для творчества Абашели поэтических аксессуаров, освещающих главную идею произведений теплом и светом. Образ солнца — один из ранних и излюбленных

в творчестве А. Абашели, у него есть даже сборник стихов под названием «Улыбка солнца». Но если в раннем творчестве поэта солнце было символом романтического настроения, то потом оно становится олицетворением высоких идей, новой жизни. Поэт воспевает его еще более вдохновенно, потому что жизнь наполнена сиянием его животворных лучей.

Поэзия Абашели богата оригинальными, благозвучными рифмами. Рифма у Абашели — одно из средств музыкальности стиха. Особо следует упомянуть стихотворение «Рифмы», где поэт говорит о том, что хотел бы освободиться из их плена. Но рифма настолько естественная и неотъемлемая часть его творчества, что поэт навсегда остается связанным с ней. В стихотворении выражена мысль о том, что в творчестве истинного поэта рифма не внешнее украшение, а гармоническое средство выражения взаимосвязанных мыслей и чувств:

Рифмы, бросьте твердить без умолку,
Что без вас я прожить бы не мог.
Я б сложил вас на книжную полку,
Не пустил бы совсем на порог!
Но нахмурились рифмы сурово,
И, как горный берут перевал, —
Уцепившись за крайнее слово,
Влезли в строчку, хоть я их не звал.

Стихи звучат полемически по отношению к тем поэтам, которые находятся в плену формализма и для которых рифма искусственный безжизненный орнамент.

Поэтический голос А. Абашели пронизан пафосом борьбы. Это особенно ощущается в творчестве периода Отечественной войны. В прекрасной балладе «Дерево стояло на пригорке» вдохновенными жизнеутверждающими интонациями выражена связь восставшего против смерти человека с природой. Сам Абашели в одном из стихотворений верно определил боевую природу своего стиха:

Перо мое стальное, стань оружием.

А. Абашели был пламенным гражданином. Он заботливо относился к творчеству молодых, с жаром и заинтересованностью говорил об их произведениях.

В нем словно слились воедино тонкий лирик, почтенный дидактик и интеллигент высокой культуры, который и в жизни, и в поэзии был предельно скромным и благородным.

Михаил КВЛИВИДЗЕ

Так гори мне, гори...

Есть слова, которые, превратившись в критический штамп, утратили свой первоначальный смысл. Так произошло со словами «декларация», «декларативный». В настоящее время критики употребляют их лишь как эпитеты, обозначающие отрицательное явление в литературе, забывая о том, что вся поэзия великого новатора, поэзия Владимира Маяковского, была ничем иным, как высокой поэтической декларацией мыслей и чувств нашего современника...

С самого начала мне хочется сказать, что поэзия Хуты Берулава декларативна в лучшем первоначальном смысле этого слова.

В одном из стихотворений грузинского поэта есть такие, неприметные на первый взгляд строки:

Начало.. Неужели так давно
Произошло оно, твое рождение?
Не шепот трав в меня влило оно,
Но грозных бурь кипенье и гуденье.

Гражданские мотивы, отзвук «грозных бурь» пронизывают новую книгу поэта, лирически озаглавленную «Тишина у Анаури». В этом сборнике собрано лучшее, что успел написать Хута Берулава за четверть века непрерывной творческой работы.

Почти в каждой строке проглядывают черты знакомого нам лица, для которого чувство долга перед обществом, ответственность за судьбы людей — главное в жизни. Поэзия для Берулава не сладкозвучная лира, на которой можно, услаждая слух посвященных, «рукой рассеяно бряцать», а оружие, с помощью которого достигается определенная цель — преобразовывается человек, а вместе с ним и окружающий его мир. Об этом прямо сказано в стихотворении «Поэзия», открывающем книгу:

Так гори мне, гори. Чтoб с тобой
до скончания века,
Чтoбы правду я смог донести
до души человека!

В другом стихотворении — «Я летописец», уточняется смысл задачи поэзии.

Обращаясь к читателю, Хута Берулава пишет:

Сто тысяч «как?», «зачем?» и «почему?»...
Как жил ты, современник мой прекрасный?
Был мучеником или был ты счастлив,
И как служил народу своему?

Какие благородные деянья
Ты через свой недолгий век пронес?
А жизнь тебе была, как подаенье
Или была как подвиг?

Вот вопрос.

И, наконец, в отличном стихотворении «В чистом поле» окончательно вырисовывается облик того нравственного идеала, кристально-чистой, вдохновленной высокими гражданскими чувствами и помыслами личности, за которую борется и ратует поэт:

...Я тот, кто вам не изменил до гроба.
В те времена, когда в сердцах еще
Таились зависть, рабеленство, злoба,
Поверил в человека горячо.

Я слезы проливал за боль собрата,
Слугой ни разу в жизни не бывал,
Любил друзей возвышенно и свято
И бил врагов наотмашь, наповал.

Меня Отчизна и народ растили.
В дни ликованья, в грозный час беды
Они не обольщали и не лъстили,
И не пропали даром их труды.

Среди забот великих и несметных
Меня учила Родина, как мать,
Чтoбы не смел я властолюбцев смертных
Витневатой ложью улаживать.

И даже в годы молодости ранней
Мне опостылел и всегда претил,
Лишенный молний гром рукоплесканий,
Невежественных душ холодный пыл.

И я чуждался суеты и лести
И, выбрав путь, который был тяжел,
Дружил лишь с тем, кто жил с народом
вместе,

Кто за него на смерть без страха

шел..

Не жалуюсь.. Меня не обижали...
И я ни перед кем ни виноват...
И только тем горжусь, что на скрижали
Оставил имя краткое:
Солдат...

Таков он — лирический герой поэта: солдат с добрым и мужественным сердцем, честный и бескомпромиссный боец за счастье своего ближнего. Герою этому ничто человеческое не чуждо: он умеет дружить и влюбляться, чувствует и понимает красоту природы, но даже в минуту самозабвенного личного счастья ощущение тревоги за судьбу общества, страны, всего земного шара не покидает его.

Мой друг, поговори с самим собой
И самому себе откройся строго:
Вот Будущее встало у порога,
Оно переплелось с твоей судьбой.
Да, минул старый год. Но в мир вошли
И думы новогодние, и речи,
И новогодний свет острей и резче,
И новые надежды у Земли.

В книге Х. Берулава немало новых лирических «любовных» и «пейзажных» стихов, стихов о дружбе поэта с русскими, литовскими и польскими товарищами, встречаются строки, свидетельствующие об афористичности мышления и живописности стиля, такие, например, как:

Тот, кто рос на свете сиротой,
В сто дверей стучаться должен, ибо
Долг его сиротский, долг святой —
Сто одной семье сказать: спасибо!

(«Письмо в Зугдиди»)

Или:

Сосна высокая покачается,
Вздрогнет от крика ее тишина,
Потом бумагой белой очнется,
Книгой ляжет на стол она.

Бумага белая, теплая, тонкая,
Строчки бегут, до поры тихи.
Но к берегам счастливых потомков
Крик наших душ уносят стихи.

(«Ингурская бумага»)

Чего стоит, например, такая сочная живописная картина рассвета в селе:

...Запахло травами целебными,
Зарозовело там, вдали,
И колокольчики серебряные,
Над стадом песню завели.
И, головы склоняя буйные,
Вершили по полю круги
Малиновые в утре буйволы
И круторогие быки.
И все крылатое, ветвистое,
Трепещущее в этот час,
В честь солнца пело и высвистывало,
Рассветной радостью сочась!..

(«Меня на мельницу отправили»...)

Но не эти стихи определяют «лицо» книги. Пафос нового сборника Х. Берулава — в гражданском призвании поэта, в том, о чем уже говорилось выше.

Несколько слов о переводах. Сделаны они отлично, на высоком профессиональном уровне А. Межировым, Ю. Левитанским, Е. Евтушенко, Б. Окуджава, В. Соколовым, Д. Самойловым. И все-таки досадные опечатки прокрались в книгу. О них нужно сказать, чтобы исправить в будущем.

В стихотворении «Мать-земля», посвященном Важа Пшавела, сказано, что великий поэт писал на «пшавском языке» (?). У русского читателя эта фраза может вызвать неверное представление о действительном положении вещей: строку «не бывают смертны герои» (стр. 25) — и по смыслу и по звучанию — лучше было бы исправить так: «Не бывают смертными герои»; в стихотворении «Через столетье» строки: «А поэтому поэтом и слыву...» (явная безвкусица!), «зачерпну воды, с откоса мчащей» — явно неудачны.

Но это мелочи.

Главное в том, что новая книга Ху-ты Берулава «Тишина у Ананури» — отличный подарок русскому читателю, интересующемуся путями развития нашей многонациональной советской поэзии.

Сага о Муррее

Муррея ждут неприятности. Он будет низложен не далее, как в этом году. И хотя вид у него — особенно, когда он трясет своей серебристой мантией, — все еще величавый, а взгляд продолжает приводить в трепет самых отчаянных неслухов, все равно участь его решена. Его лишают общества, в котором он прожил 16 лет, был неограниченным диктатором, защитником и судьей.

Нет, он не провинился, не совершил ошибок. Просто время подошло. Муррей постарел... Но так как он сделал большое, полезное дело, с ним невозможно поступить, как с простым захудалым павианом, заголокать его в отдельную клетку, круто изменить все, к чему он привык. Его переведут в «детский сад», к малышам. И вместе с ним перейдут еще несколько таких же, как он, престарелых особ. Он еще покрасуется перед ними, покомандует мелюзгой, поживет в атмосфере почитания...

Дело в том, что Муррею действительно уже много лет. Первая половина его жизни прошла далеко от этих мест, на африканском побережье, в Эфиопии. Вместе с другими обезьянами его отловила в 1948 году советская экспедиция. Муррея повезли через сомалийский порт Джибути, через Баб-эль-Мандебский пролив, Красное и Средиземное моря, к Черному морю, в Сухумский порт. По дороге в драке он рассек губу. Но это пустяк. Главное — он стойко перенес переход с экватора, приносившись к новой жизни в неволе. Но и к нему внимательно присмотрелись и обнаружили, что он весьма хорош на роль хозяина и вожака в стаде павианов-гамадрилов, для которых на сухумской горе Трапезия был отстроен большой, открытый вольер.

Восшествие Муррея проходило в обстановке сложных интриг и драм. До него в стаде не было взрослого представителя сильного пола, и делами заправляла властная самка по кличке Ну-Ну. Она не желала признавать никаких Мур-

реев. Стадо раскололось, шли кровопролитные бои. В конце концов самка была сломлена, и вопрос о главенстве Муррея решен. С тех пор он множит свой род. Последнее его произведение, Гарпун, числится в списке «детей» Муррея 348-м.

И вот, в дни, когда его деятельности подводится некий своеобразный итог, мы узнаем, что на территории Сомали, по соседству с Эфиопией, обезьяны учинили разбойничий налет на один из городков. Они разгромили дома, опустошили магазины и продуктовые лавки, рушили все, что попадалось под руки. Полчища мурреевских родственников нанесли огромный ущерб населению городка. Подумать только, что наш герой мог быть среди этих громил! Но вместо этого...

Впрочем, посмотрим, что — вместо этого. Поднимемся на гору Трапезия, где вот уже скоро сорок лет существует Обезьяний питомник и работает Институт экспериментальной патологии и терапии Академии медицинских наук СССР.

1. МОДЕЛЬ БЕЗУМИЯ

Видели ли Вы когда-нибудь безумную обезьяну? И вообще, можно ли вызвать у обезьяны психоз? И как доказать, что это бессловесное животное галлюцинирует?

Зираб, Брест и Имам появились в семье Муррея почти в одно время, к концу 1954 года. Зираб — в августе, Брест — в сентябре, Имам — в декабре. Когда они выросли, превратились в крупных, здоровых самцов, их взяли в лабораторию физиологии и патологии высшей нервной деятельности. Около пяти лет тренировали их в камере условных рефлексов, вырабатывая двигательные реакции на разные сигналы, которые подкреплялись то пищей, то болью, то предметами, интересными для исследования. Три биологических рефлекса —

лицевой, оборонительный и ориентировочно-исследовательский, составляющие основу сложного поведения обезьян — были прочно закреплены у всех троих. И когда экспериментаторы окончательно в этом убедились, они взяли препарат, обладающий галлюциногенными свойствами, и ввели его в мышцу обезьяны.

Сначала вводили очень маленькие дозы. Обезьяны, находящиеся в камере рефлексов, продолжали нормально реагировать на все сигналы. Увеличили дозу — Брест и Имам начали, спустя 10—12 минут, путать ответы на сигналы, а у Зираба совсем исчезли реакции на все сигналы. Препарат вызвал нарушения в работе мозга. Животные не могли «работать» нормально.

В последующих опытах еще и еще увеличивали дозу. Настал момент, когда перед экспериментаторами предстала отчетливая картина угнетения всей условно-рефлекторной деятельности. Состояние бреда без всякого сомнения: обезьяны двигаются по клетке с какой-то неуверенностью, надолго застревают в странных неестественных позах, кажутся настороженными, испуганно оглядываются, а то вдруг начинают ловить что-то в воздухе... И так несколько часов, пока не проходит действие вещества.

Все же, не доверяя глазу, экспериментаторы провели во время опыта электрофизиологические исследования и установили, что препарат угнетает корковую электрическую активность мозга. При всем этом была доказана еще одна очень важная вещь: дозы препарата, влияющие на высшую нервную деятельность обезьян, близки к дозам, вызывающим психоз у человека. Значит, вводя его в организм обезьяны и изучая при этом его действие методами, которые невозможно применить к человеку (например, вживить электроды в мозг!), можно познать химическую структуру центральных функциональных систем мозга? А познать — значит научиться воздействовать на нее.

Заманчивые и вполне реальные перспективы!..

2. ПОЙМАТЬ БЫ ЧИСТЫЙ АНТИГЕН!

Первой, на которой была показана принципиальная возможность воспроизведения экспериментального «обезьяньего» рака, была макак-резус Тамила из Сухумского питомника. Кондеграгенное вещество (вещество, вызывающее опухоль) ввели ей в трубчатую кость и много лет наблюдали с помощью рентгена возникновение рака. Потом научились получать рак на обезьяне быстрее, примерно за два с половиной, три года.

Работы эти были отмечены Мединковской премией.

Теперь же обезьяны Трапеции стали объектом исследований опухолей вирусного происхождения. Таких вирусов, вызывающих опухоль, известно более тридцати. Но вирус, белковая частица, чужеродная для организма, или так называемый специфический антиген опухоли, еще никто в мире не смог выделить в чистом виде. Над этим работают крупнейшие ученые. Этому была посвящена Международная встреча онкологов, вирусологов и иммунологов в 1965 году. Она проходила на Трапеции. Гости из одиннадцати стран делились своими работами и идеями. А хозяева горы показывали им свое хозяйство.

Вот этим десяти обезьянам привит еще в 1960 году мышинный вирус полиоми. Результатов пока никаких и, может быть, и не будет, потому что экспериментатор проверил поведение вируса лабораторным путем непосредственно на тканях обезьяны. Поведение его пассивное.

На следующей группе обезьян получена саркома Рауса вирусом, выделенным из организма больных раком кур. Значит, вирус куриного рака оказался опухолеродным и для обезьян. Но вот загадка: у большей части павианов-гамадридов саркома начала рассасываться. Да была ли она? Может быть, ее не было? Приготовили из начавшей рассасываться опухолевой ткани экстракт и привили на здоровых цыплятах. Выросла саркома. Вирус был, но в организме павианов произошли какие-то защитные сдвиги. Какие же?!

Человеческий аденовирус 12-го типа. Он «прописан» у человека в области гортани и вызывает у детей инфекционные заболевания. И вдруг оказывается, что перепривитый в организм хомяка, он ведет себя как вирус злокачественной опухоли! Как же он поведет себя в организме обезьяны, столь близкой к человеку? Еще одна группа зараженных аденовирусом новорожденных гамадридов. И параллельно — работа с этим вирусом на абортивных тканях обезьян и человека...

А в каких-то случаях удобнее переносить работу на кроликов. Например, тогда, когда нужно создать перевивной штамм и 83 раза из мышцы бедра одного животного переносить вирус в мышцу бедра другого животного. Как он ведет себя в разных генерациях? Почему-то иногда исчезает, а потом снова появляется...

Загадки, поиск, эксперименты, надежды, огорчения... И где-то, кажется, совсем близко — разгадка. Выделить бы только чистый антиген, и путь к созданию вакцины против рака будет открыт. Кто знает, может этот «непойманный вор» — один из триллионов, гнездится

сейчас в тряках какой-нибудь мурреевской «внучки»?

3. ПРИНИМАЕМ ЛУЧИ НА СЕБЯ...

Очень грустное общество. Их называют «лудевинами». Это те обезьяны, которые подвергались в опытах воздействию рентгеновских и гамма-лучей и остались живы. Конечно, и здесь есть «дети» Муррея: Агра, которую облучили 20 декабря 1956 года. Кадир, облученный девятью днями позже... Сейчас за отдаленными последствиями этой процедуры наблюдают генетики, патологоанатомы, физиологи.

Драгоценные создания природы! Ну как не радоваться, что есть на свете такие помощники! Вот приносят очередную «жертву науки» в кобальтовый облучатель. Пятиметровый бассейн с водой. Техник включает аппарат с заданным временем. Кабина погружается в бассейн. Надо облучить лишь один определенный участок обезьяньей кожи. Перед процедурой введен внутривенно противолучевой препарат...

Для чего же это? С одной стороны — облучение, с другой — защита! Но ведь именно так и бывает при лечении раковых опухолей человека: применяется лучевая терапия и вместе с тем — средства защиты от возможных вредных действий радиации. Что-то из потока лучей надо внести в организм, а что-то ослабить, нейтрализовать. Дозы, дозы и дозы!.. Уточнения дозировок облучения, дозировок противолучевых средств.

Два года применяется в клиниках советский противолучевой препарат мексамин. Он проходил испытание на Трапедии. Здесь же испытывался меркамин, «доводился» цистамин и другие препараты, уже принятые в фармакопее.

А сейчас здесь проверяется идея использовать в качестве защиты в момент излучения недостаток кислорода. Есть смысл подобрать такие фармакологические средства, которые связывали бы нужную часть гемоглобина в крови, не вызывая у больного удушья. Но сколько для этого надо перепробовать вариаций, в процессе которых часть подопытных пополнит стадо «лучечиков», а часть отправится в иной мир!

Однако поистине справедливо говорится: чем больше опытов на животных, тем меньше больных будет в положении опытного животного.

4. КАНДИДАТЫ НА СКЛЕРОЗ

Есть на Трапедии привилегированные особы, которых кормят аппетитными кексами, пичкают сливочным маслом. Но не стоит им завидовать. В кексы добавляются химически чистый холестерин, а манипуляция с маслом и жирами (сли-

вочное повысить! Растительное — исключить! Ограничить в пище леда сыщенные жирные кислоты!) направлено ны к одному — вызвать у них атеросклероз.

Атеросклероз — тяжелейшее заболевание сосудов, и экспериментаторы хотят допытаться, какие жизненные условия приводят к этой болезни. Поэтому на Трапедии несколько групп будущих атеросклеротиков, и каждая находится под воздействием самых разнообразных факторов и в питании, и в обстановке. В том числе и тех факторов, которые вызывают конфликты среди подопытных, ведут к неврозу.

Надо сказать, что неврозы с последующими сосудистыми нарушениями научились вызывать на Трапедии с большим искусством. Особенно у таких стадных животных, как павианы-гамадрилы, нарушить высшую нервную деятельность которых можно многими способами. В семействе Муррея экспериментальную гипертонию и коронарную недостаточность получил Броненосец. То же у Дога и Черноголового. Варсук и Абад вышли из опыта с патологической брадикардией и аритмией. Теперь готовятся кандидаты на атеросклероз. Два года у них исследуют жировые фракции, снимают кардиограммы, измеряют кровяное давление и непрерывно контролируют ранее выработанные условные рефлексы.

Пока что установлено одно: сама по себе холестериновая диета с дополнительными жирами в пище не приводит к атеросклерозу. А что же тогда приводит? Ответ на этот вопрос требует последующего изучения.

5. КЕФФИ И «ЖЕНСКИЙ ВОПРОС»...

Несколько слов о Кеффи — одной из «способнейших» дочерей Муррея, умеющей ловко манипулировать руками.

Но не только руки отличают обезьян от всех прочих экспериментальных животных и приближают их к человеку. Обезьяна — единственное из животных — обладает менструальным циклом, аналогичным женскому.

Не так давно советские гинекологи, помогающие женщинам бороться с бесплодием, получили в руки тесты, выработанные в исследованиях на сухих обезьянах. И одной из самок, находившихся в этих работах, была Кеффи.

Да, Кеффи, если можно так выразиться, «страдала бесплодием». Она родилась в 1955 году и через три года вполне могла бы стать матерью. Но шло время, и потомства не было. Только после того, как была установлена индивидуальная структура ее полового цикла и проведено лечение, Кеффи родила. У нее появилась Кремона.

Заглянем в учетную карточку этой дитяти. Запись сразу же после рождения:

«Сидит в 5 доме с матерью. Общее состояние удовлетворительное. Упитана неплохо. Шерсть хорошая. Кожа чистая. Слизистая розовая. В легких дыхание чистое. Тоны ясные, ритмичные. Живот мягкий, стул нормальный».

Вскоре Кремону вакцинируют внутривенно и заражают вирусом кори. Но вакцина действует, и она сдается в питомник в удовлетворительном состоянии. И снова, через год: «Заражена вирусом кори. Корью не заболела»...

Итак, появившись на свет с помощью

науки, Кремона немедленно, «в порыве благодарности», отдает себя служению науке. Кстати, такой была и бабка ее, Кулава, с которой много работали биологи. Такими были прабабка Идалия, прапрабабка Гемма. Семь поколений павианов-гамадрилов родились на горе Трапедия, в самых северных субтропиках земного шара. И это тоже очень большой, очень успешный биологический эксперимент!

Вот далеко не все (точнее — очень немногое!) из жизни одной обезьяньей семьи, которой люди нашли полезное применение.

Хроника

ГРУЗИНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АПН

Создано Грузинское отделение Агентства Печати Новости. Теперь АПН прочно прописано и в нашей республике. О значении этого события говорилось на собрании общественности Тбилиси, состоявшемся в конце июня в Концертном зале театра имени Руставели. На собрании, созванном по инициативе Союза журналистов Грузии, Союза писателей республики, общества «Знание» и Грузинского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами, выступили: второй секретарь ЦК КП Грузии И. А. Родионов, председатель правления АПН, секретарь Союза журналистов Б. С. Бурков, корреспондент агентства по Грузии М. Н. Лордкипанидзе, редактор газеты «Заря Востока» Ю. И. Хомерики.

Председателем правления Грузинского отделения АПН, в состав которого вошло 42 человека, избрана заместитель Председателя Совета Министров Грузинской ССР В. М. Силадзе.

Художники-самоучки

Недавно в Картинной галерее Грузии была организована выставка произведений народных умельцев; новый мир чувств, новое, совершенно иное, художественное видение представилось нашему взору.

Творчество самоучек является ярким подтверждением того факта, что человеческая чувствительность может открыть свои пластические секреты, не познав и не изучив академических канонов художественного образования. Когда речь идет о творчестве художников-самоучек, в их модусе вивенди первенствующим надо считать статус чувствительности. Искусство самоучек — зеркало особого видения, их цель, в первую очередь, заключается в том, чтобы творить под влиянием тех эмоций, которые они испытывают перед известными зрелищами природы и предметами, и пробудить новые, необычные эмоции в людях, созерцающих их произведения. Собственно говоря, это и является главной задачей творчества.

Искусствоведением часто поднимался вопрос — были ли близки естественной форме изображения примитивами людей, предметов и природы в настенных росписях или в скульптурных изваяниях. Древние народности в разных странах, а также в Грузии, выполняли своих идолов плоскими. Следует упомянуть картины Пиромани, где все персонажи плоские, а руки и ноги приделаны к туловищу (портрет «Актрисы Маргариты» и целый ряд других). Такое же решение можно проследить и у примитивов Анри Руссо, польского Никифора и других.

Это можно было бы объяснить следующим образом. Солнечный свет освещает предмет только с одной стороны, что первым делом бросается в глаза художникам-самоучкам. Таким образом их чувствительность затронута этими первыми аспектами. Но самоучкам, одаренным высокой чувствительностью, удалось создать выпуклую форму, форму блока, сравнимую с формой человеческого тела.

Самоучки не подчиняются принципам геометрии. Гармоническим формам самоучек математическая фигурация неизвестна. Самоучки не позволяют себе ограничиться тенденциями слишком архитектурными, они раскрывают свою чувствительность в свободном ритме. Ритм их творчества не намеренный, по примеру ритма академического искусства, он естественен в буквальном смысле слова. Ритм самоучек добровольно подчиняется материалу и замыслу, ими же самими задуманному. Их эмоции вибрируют в унисон эмоциям палитры и холста. Эмоция воспринимает явление, предмет, следуя высшей форме реализма, эмоция учитывает хорошее и плохое природы, воплощая все в гармоническое целое. Благодаря мощи своего темперамента, самоучки создают художественные зрелища совершенно свободные, они создатели собственных канонов искусства.

Действенными факторами творчества самоучек являются также национальность и темперамент. О темпераменте говорят, что это «возбудимость и восприимчивость человека к впечатлениям внешнего мира», у грузин мы встречаем особые, только им присущие качества темперамента: отсюда какие-то особые **фоны чувствительности**, отличающиеся особой природой и совершенно индивидуальными способами выражения. Но основное то, что самоучки являются родоначальниками видения мира, созданного чувством, а именно это и делает их произведения схожими по своей природе.

Итак, обратимся к произведениям, послужившим причиной и поводом написания настоящей статьи.

Проблема изображения музыкальных звуков занимает воображение художника-композитора Сандро Мирианашвили. В живописных работах «Има гора», «У небосвода», «Кавказский хребет в солнечную погоду», «Сигнахи солнца и луны» чувствуется большая пространныйность, что совершенно идентично характеру звука. У Мирианашвили слои

воздушных масс преобразуются в звучащие симфонии, и каждое из его полотно прежде всего — дань почтения музыке; можно сказать, что в его творчестве слово «мысль» отождествляется с понятием музыки. Колорит картин соизвучен драматической экспансии характера самого С. Мирианашвили.

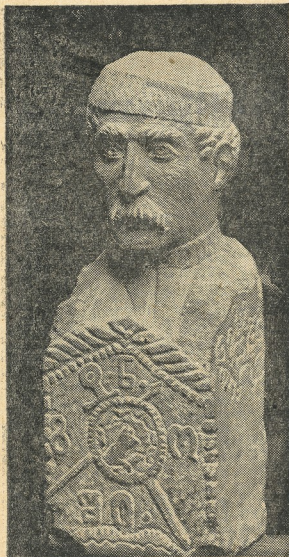
Принципиальным тезисом творчества С. Читидзе является следующее: раскрыть в образе человека и в аспектах природы сказочное, магическое, таинственное, необычное обычного. Его «Бамбуковая роща» подобна сказке, в ней он реализует свою мечту посредством красок, аккомпанирующих лесной экзотике. В композиции «Пастушок» рисунок и колорит остаются подчиненными ритмам всегда произвольного динамизма.

В работах Ш. Марадашвили легко проследить подчинение художника логичной и чистой интуиции. В любом своем произведении он остается выразителем поэтических чувств.

Фантастическая интерпретация реальности, поэтические поиски, колорит

горящего сапфира при ультрафиолетовом свете, неожиданное проникновение в лирический мир делают интересным творчество М. Бобохидзе. Целый ряд женских портретов и жанровых композиций свидетельствуют о постоянных поисках художницы.

Работы молодой художницы Д. Кадагишвили — «Грусть» и «Девочка с птичкой» характеризуют их автора как обладателя тонкой чувствительности, сочетающейся с индивидуальной творческой манерой.

Ш. Марадашвили. «Портрет крестьянина»

Д. Кадагишвили. «Негритянка»

М. Сологашвили и в фигурной композиции, и в пейзажах еще раз стремится убедить нас в том, что картины — не отражение природы в зеркале, не подражание, а новое творение художника «Борьба» и серия пейзажей являются подтверждением этого.

Выразительны и красочны работы Е. Мамулашвили, И. Бабаханиди, С. Канюка, Г. Хачатуряна, И. Канигина, Л. Мурадханова, В. Абеяна.

Проникновение в жизнь грузинской природы характерно для полотен Ш. Бебиашвили, «Старый Тбилиси», «Триалети», «Цхети» привлекают зрителя своеобразным очарованием.

Огромные открытия в области материи, достижения техники, изучение космоса не могли не оказать соответствующего влияния на художников, как

профессионалов, так и самоучек. В результате этого влияния появились такие работы, как например: «Ощущение полета». «Ощущение отплытия» или «Ощущение притяжения».

Разве при полете самолета сидящий в нем не наблюдает динамическую игру цветных пятен? Также нельзя исключить из фантазии художника визуальные сенсации, имеющие в основе оптические законы. Тут хотелось бы поговорить о реализме, полностью подчиненном оптическому восприятию глаза, и о поисках точности воспроизведения. Предметы, находящиеся в движении, перед взором без конца умножаются, деформируются, преследуя друг друга наподобие стремительных вибраций в пространстве, которое они проходят. Эти понятия нашли свое воплощение в полотне В. Рурва «В троллейбусе».

Рассматривая «Индустриальный пейзаж» Г. Хуцишвили, невольно думаешь, что художник стремится во всех деталях постичь жизнь индустриального города.

В творчестве Джемала Хуцишвили художник выглядит как предвестник видения нового пластического мира.

циональные горизонты. Глубокие корни поэтического воображения Дж. Хуцишвили нужно искать в природе Грузии, где он родился, вырос и живет. Образы природы, человека, воспроизведенных на его полотнах, говорят о проникновении в сознание художника двух миров — античного и современного. Полотно Дж. Хуцишвили подобно древне-грузинским фрескам. Являясь традиционалистом, Дж. Хуцишвили в то же время предвестник видения нового художественного мира. Художник пытается перенести чувство индивидуального в коллективный план, мы присутствуем при рождении социального искусства; прославление труда — вот сюжет, трактуемый художником Хуцишвили. Для него характерны сюжеты из крестьянской жизни. Мы видим множество полотен, где изображены завтрак крестьян в комнате, на траве, их воскресные прогулки, кутежи, любовные сцены, трудовые процессы и т. д. Персонажи картин Дж. Хуцишвили — грузинские крестьяне, но она не являются людьми одной эпохи — это крестьяне всех времен.

«Воспоминания», «Раздумья у нами-

Дж. Хуцишвили. «Пекари»

Живопись Хуцишвили заставляет перешагнуть за то, что видит глаз, представить вещи как бы видимые духом. Он действует так же, как это делали примитивы всех времен: раскрывает в своих сказочных, мифологических и таинственных интерпретациях новые эмо-

на», «Кахетинцы», «Песня о тигре» — произведения, задуманные художником в плане монументальных форм; огромный драматизм несут в себе портреты персонажей, выгравированные с глубоким проникновением в психологический мир. Художник хочет представить на

своих полотнах женщин и мужчин действенными, то есть существами, которые трудятся, любят, страдают.

Дж. Хуцишвили создает серию цветущих садов в их розовом, желтом, белом убранстве на фоне синего неба, пейзажи цветущих кахетинских равнин. В пейзаже под названием «Корни дерева» Хуцишвили осмысливает образ дерева как образ человека, передает вечную борьбу за жизнь как в человеке, так и в узловатых корнях дерева.

В картине «Не поднимем глаз друг на друга» Дж. Хуцишвили символизировать вечную, неумирающую любовь. Это характерно для Дж. Хуцишвили — он пишет мужчин и женщин как бы с печатью вечности, которую он стремится передать сиянием и вибрацией цветных тонов.

Нельзя умолчать о картине «Пастораль». Прелестная девушка на фоне грузинских джунглей с упоением слушает песенки смуглого музыканта. Фруктовый сад, чудесные цветы, удивительные птицы, густая темная зелень, яркое солнце на светлом небе, замороженная пеней овечка — весь этот мир возвышен Хуцишвили до ритмической красоты экзотического ковра.

Почти в каждой картине Дж. Хуцишвили противопоставляет аспект изображаемого предмета его реальной форме. В его полотнах мы находим распределение предметов, скорее соответствующее их осязательной раскладке, и только такое, какое следовало бы ожидать у самоучек. Такие художники, как Кирико, Редон, Кара ревново искали секреты жизни, создавая загадочные композиции, сознавая, что существует нечто непознанное, и это нечто следовало бы познать и открыть. Они пришли к раскрытию некоторых тайн, они постигли, что изображенные на холсте предметы, аксессуары поддерживают между собой таинственные отношения, ведут немые разговоры, что они прекрасно приспособляются к этим немым встречам и что их кажущаяся неподвижность скрывает их активность, которую даже невозможно в них заподозрить.

Дж. Хуцишвили создал на своих полотнах поэзию недвижимого. В каждой оболочке вещи или предмета, представленных на картинах Дж. Хуцишвили, живет что-то вроде «души», которую он сумел в них найти. Если новый мир

вышеупомянутые дадаисты сумели организовать метафизическим путем, то Дж. Хуцишвили своих открытий достиг посредством народной мудрости, которая живет в нем.

Дж. Хуцишвили любит своего великого предшественника Н. Пиромани, пишет его портреты. Эти портреты — творения, идущие от самого сердца, глядя на них, чувствуешь, что Пиромани вошел в плоть и кровь Дж. Хуцишвили. На одном из портретов Дж. Хуцишвили выражает пылающее сердце Пиромани сиянием восходящей желтой луны. Фон портрета представляет собой природу, разгневанную злобой судьбой Пиромани.

Д. Басилашвили. «Шота Руставели»

Самоучки И. Нерсезашвили, Ш. Сивсвадзе, А. Гозалишвили, Т. Шукрашвили, З. Церсвадзе, И. Саяди, Р. Рамазашвили, Ш. Хведелиани, Г. Кикидзе, С. Татишвили, А. Закалинский, Д. Басилашвили, Д. Наврозашвили целым рядом пейзажей и портретов провозглашают яркое, полное жизни искусство.

Много любопытного рассказали зрителям своими произведениями художники-самоучки и народные умельцы, пожелаем им больших творческих удач, так как живопись занимает главное место в их жизни.

Саргис ЦАИШВИЛИ

Шота Руставели

Восемьсот лет, которые пролегли между нами и автором «Витязя в тигровой шкуре», не смогли поколебать величия гениального поэта. Наоборот, время как бы работало на него. Новая эпоха увенчала его имя новым ореолом.

Однако столь продолжительное время все же многое окутало мраком неизвестности. Канули в лету ценные сведения, и сегодня мы знаем о Шота Руставели и об его эпохе очень мало. Не выяснены многие вопросы биографии поэта. По всей вероятности, потребуются еще большая научно-исследовательская работа, чтобы полнее ознакомиться с жизненным путем автора «Витязя в тигровой шкуре», восстановить истинный облик поэта.

Настоящий очерк, представляющий собой еще одну попытку восстановить биографию Руставели, написан именно с этой целью. Для того, чтобы не нарушать его целостности, в нем не только сделана попытка заново осмыслить некоторые материалы, но и использованы факты, уже известные в руствелологической литературе.

I

Автор поэмы «Витязь в тигровой шкуре» — величайший грузинский поэт Шота Руставели (древняя форма — Руствели), живший на рубеже XII—XIII веков. Если бы даже не сохранилось никаких документов историко-литературного характера, касающихся жизни великого поэта, кое-что мы смогли бы почерпнуть из самой поэмы, которая содержит ряд реальных исторических свидетельств. Идеология поэмы целиком определяется грузинской действительностью, а изображенная поэтом социальная среда полностью укладывается в рамки XII века — периода, именуемого в историографии эпохой Тамар. Весьма прозрачны также исторические реминисценции и династические конфликты, о которых повествует поэма: они являются отражением действительных конфликтов той эпохи.

Как известно, поэма Руставели открывается прологом, в котором автор излагает основные моменты своего мирозерцания, получившие воплощение в художественной ткани самой поэмы. При этом Руставели приводит и некоторые сведения о себе.

В седьмой строфе пролога, говоря о главном герое поэмы Тариеле, поэт впервые называет свое имя:

Чтоб оплакать Тариеля, слез поток безбрежный нужен,
Ибо кто из порожденных был ему подобным мужем?
Я, Руствели, спел стихами, сердцем раненым с ним дружен,
То, что было лишь сказаньем, а отныне — цепь жемчужин¹.

В следующей строфе, где в общей форме речь идет о неисцелимом недуге любви, он снова называет себя:

Я, Руствели, оттого и спел искусно песнь свою,
Что я той, что правит ратью, жизнь, безумец, отдаю.
Изнемог я, но мидждуру исцеленья нет. Молю
Исцелить меня любовью иль могилу рыть мою.

¹ Здесь и далее, где нет специального указания, цитаты даны в переводе Ш. Нуцубидзе.

Здесь же нужно отметить, что все сведения об имени (или прозвище) поэта, представленные в прологе поэмы, находятся в известном соответствии с заключительными ее строфами. Ниже, рассматривая историю текста поэмы, мы увидим, что принадлежность некоторых стрóf эпикога Руставели кажется сомнительной. Однако нельзя не учитывать, что все наиболее древние рукописи содержат эти строфы. Вместе с тем они в некоторой мере дополняют сведения, представленные в прологе. Например, слова из стрóфы эпикога: «Тариеля ж со слезами я воспел, его Руствели», — явный перифраз приведенного выше места пролога: «Я, Руствели, спел стихами, сердцем раненым с ним дружен», однако упоминаная строка эпикога дает возможность для более широких умозаключений. Здесь представлен целый ряд данных о памятниках классической эпохи грузинской литературы, и в этой связи говорится об авторе поэмы:

Амирана Дареджани воспевал Мосэ Хонели,
Песни славного Шавтели про Абдул-Мессию пели,
Диларгета неустанно прославлял Саргис Тмогвели,
Тариеля ж со слезами я воспел, его Руствели.

В связи с приведенной стрóфой следует оговорить, что в первой строке речь идет о хорошо известном героико-рыцарском романе грузинской классической эпохи («Амиран-Дареджаниани»). Автором этого произведения принято считать писателя той эпохи Мосэ Хонели, переделавшего мифологический эпос по образцу восточного авантюрного романа. Памятником классической эпохи является и «Абдул-Мессия» Шавтели — этот блестящий образец придворной поэзии, восхваляющий великие государственные деяния царицы Тамар и ее супруга Давида Сослана. К той же эпохе относится и не дошедшее до нас произведение «Диларгетиани» Саргиса Тмогвели (ему же приписывается художественный перевод «Вис о Рамин» Фахруддина Гургани); в другой оде того же периода («Тамариани» Чахрухадзе) о нем имеются документальные сведения (ода 1, в издании Н. Марра). На этом основании можно считать вполне достоверными и сведения приведенной стрóфы эпикога, хронологически ставящие автора «Витязя в тигровой шкуре» в один ряд с указанными писателями. Об авторстве Руставели свидетельствует и один из продолжателей поэмы — «некий месх» — в первой стрóфе заключительной части поэмы, по установившейся традиции вносимой в эпиког.

Нельзя обойти молчанием и другие реалии исторического характера, имеющиеся в прологе. Здесь восхваляются царица Тамар и супруг ее Давид (заключение поэмы и в этом случае связано с данными пролога). Для поэта Тамар — первейший источник вдохновения; ей он посвящает несколько хвалебных стрóf. Обратимся к широко известной 4-й стрóфе пролога:

Воспоем Тамар-царицу, кровь слеза потоком красным,
Я и раньше пел ей гимны, стих ведя путям по разным.
Глаз-озер писал я чернью и пером, как стан, прекрасным.
Песнь моя вонзится в сердце копием сердцеобразным.

В предыдущей же стрóфе вместе с Тамар восхваляется и ее «лев». Несомненно, здесь дан метафорический образ ее супруга Давида Сослана. Пролог содержит и другие реалии, явно относящиеся к образу Тамар. Мы рассмотрим их подробнее в связи с датировкой поэмы.

Эти сведения об авторе поэмы — Руставели, как о современнике царицы Тамар, дополняются документальными данными историко-литературного характера. В первую очередь следует отметить материалы иерусалимского грузинского Крестового монастыря. Еще в XVII веке в Грузии стало известно, что здесь, на одной из колонн монастыря, имеется изображение Шота Руставели. Тимофей Габашвили, впервые описавший этот монастырь, утверждал, что упоминаемый в монастырской поминальной книге «мечурчлехухуси»¹ Шота — никто иной, как сам Шота Руставели. Нужно сказать, что аутентичность сведений Тимофея Габашвили впоследствии полностью подтвердилась. Грузинские ученые (академики И. Абашидзе, А. Шанидзе, Г. Церетели) восстановили и привезли в Грузию копии указанной фрески. Восстановлена и надпись на фреске, ранее читавшаяся неточно. Выяснено также, что по ряду причин (Крестовый монастырь много раз подвергался нападению и опустошению; действовал тут и фактор времени) стенную роспись неоднократно обновляли, всемерно стараясь при этом сохранить в неприкосновенности древние фрески и надписи. Постольку аутентичной представляется и надпись на фреске Шота Руставели — «Писавшего это Шота да помилует Бог», и приписанное внизу тем же почерком слово «Руствели». На фреске изображен облаченный в светское платье старец, преклонивший колени (молитвенная поза) между Иоанном Дамаскином и Максимом Исповедником. Древность фрески подтверждается монастырской поминальной книгой (см. книгу Е. Метревели «Материалы к истории иерусалимской грузинской

¹ Приблизительно это означает: министр финансов.

колонию). Именно в первой четверти XIII века в нее было внесено имя Шота «мечурчлетухуцеси» (полный текст: «В этот же понедельник поминание Шота мечурчлетухуцеси. Изменивший сие да будет отрешен от христианской веры»). Таким образом, предположение Тимофея Габашивили, основанное на бытующей в монастыре традиции, в точности подтвердилось. Изображенный на фреске Шота Руставели и упомянутый в поминальной книге «Шота мечурчлетухуцеси» — одно и то же лицо. Идентификацию подтверждает и совпадение во времени, а также надпись на фреске, поясняющая, благодаря какой именно заслуге имя Шота (видимо, на свои средства обновившая стенную роспись), внесено в поминальную книгу. Вместе с тем и некоторые детали (запись в монастырской поминальной книге сделана в большой храмовый праздник — см. указанный труд Е. Мегрелидзе, стр. 53) подтверждают, что поминание Шота могло быть внесено в нее прижизненно; к тому же, примерно, периоду относится и упомянутое изображение на юго-западной колонне монастыря.

Переоценить значение материалов Крестового монастыря невозможно. Они обогащают биографию Руставели целым комплексом ценнейших данных: имя Руставели (фамилию его или прозвище мы уже знаем по материалам самой поэмы) — Шота; он занимал при грузинском дворе одну из вельможных должностей вазира — был «мечурчлетухуцеси» (в эпоху Тamar насчитывалось всего четыре подобных должности: «мцигнобартухуцеси» — первый министр, «амирспасалари» — военный министр, «мандатуртухуцеси» — министр внутренних дел и «мечурчлетухуцеси» — министр финансов). Шота Руставели, оказываясь, был не только поэтом, но и одним из высших должностных лиц своего времени, внесших при этом определенную лепту в дело печения и охраны иерусалимского грузинского культурно-просветительного центра. Как известно, грузинские светские правители и церковные деятели нередко посылали из Грузии пожертвования зарубежным грузинским монастырским очагам. Что же касается Руставели, то поскольку речь в фресковой надписи идет о его конкретной заслуге (обновление росписи монастырского купола), есть все основания полагать, что поэт находился в Иерусалиме, где под его личным руководством были проведены и восстановительные работы.

Имя и фамилия автора «Витязя в тигровой шкуре» часто упоминаются и в грузинской литературе последующего времени (см. произведения грузинских писателей XVI—XVII вв. Серапиона Сабашвили, Теймураза I, неизвестного автора версии поэмы об Иосифе Прекрасном, Арчила и т. д.), что еще раз подтверждает вышеприведенные биографические сведения о поэте.

С почти исчерпывающей точностью подтверждают их и древнейшие народные предания, связавшие имя Шота с Крестовым монастырем. По этим преданиям Шота в старости удалился в Иерусалим и там же скончался. Что касается последнего факта (кончины Шота в Иерусалиме), следует отметить, что наша наука не располагает документальной основой этой версии, но вообще, строго говоря, не исключена и эта возможность (вспомним, что на фреске Шота изображен старцем).

За этой гранью начинается сфера поисков и предположений, которыми столь богата руставелология и которые преследуют лишь одну цель: максимально расширить круг сведений о поэме и ее гениальном авторе. Возьмем хотя бы столь ясный на первый взгляд вопрос, как фамилия (или прозвище) поэта — РУСТАВЕЛИ. Принято считать, что слово РУСТАВЕЛИ означает владельца соответствующей крепости или поместья (т. е. Рустави). В средневековой Грузии именно по этому принципу образован ряд феодальных фамилий: Джакели, Тmogвели, Сурамели, Панаскертели и т. п. Но, как известно, в Грузии насчитывается несколько пунктов под названием Рустави (из них необходимо отметить древний город-крепость Рустави, вблизи Тбилиси, и село Рустави в Месхети, т. е. в Южной Грузии); вместе с тем грузинские летописи, повествующие об исторических событиях XII и XIII веков, уцелевшие древние грамоты и эпиграфические памятники в интересующий нас период упоминают нескольких Шота. Естественно, возникает вопрос — не есть ли один из них поэт Шота Руставели?

По установившейся традиции Шота Руставели считается уроженцем Месхети (Южная Грузия) — одной из наиболее развитых по тем временам в культурном и политическом отношении областей Грузии, — а именно уроженцем или владельцем Рустави, расположенного на дороге Ахалцихе-Аспиндза (до нас дошли лишь развалины крепости). Того же взгляда придерживались и писатели эпохи так называемого Возрождения (XVII—XVIII вв.), в частности царь-поэт Арчил считал Руставели уроженцем Южной Грузии (см. его «Диалог Теймураза и Руставели»). Все известные нам народные предания о жизни Руставели неизменно подчеркивают ту же версию происхождения Руставели из Месхети (см. «Народные предания о Руставели» И. Мегрелидзе, 1951 г.). Примечательно, что первыми интерполяторами и продолжателями поэмы были именно уроженцы Месхети. Прозаический вариант одного из продолжений поэмы приписывается владельцу крепости Тmogви (в Месхети) Саргису Тmogвели, а переделкой его в стихи, по-видимому, уже известный нам из эпилога поэмы «некий месх». В те же продолжения, древнейший пласт которых выглядит довольно архаичным, включена интересная глосса, указывающая, что рукопись поэмы с приложенной к ней про-

заческой версией продолжений была обнаружена именно в Тмокви, когда владельцы последней покинули свое древнее владение. Об исключительной распространенности поэмы в Месхети свидетельствует и то, что наиболее древний из ныне известных отрывков поэмы (написанный от руки на стене монастырской кельи в XV веке) обнаружен в Месхети (в так называемых Ванских пещерах); здесь же найден и древнейший фрагмент поэмы (проф. Ю. Абуладзе). Не лишен интереса и тот факт, что имя Шота было достаточно принятым в феодальных кругах Месхети; об этом говорит, например, надпись в Адзикава, где среди месхских вельмож Торели упомянут некто Шота, очевидно, представитель того же рода (Н. Бердзенишвили, т. 1). В связи с этим необходимо упомянуть и недавно открытую в Месхети, в монастыре Квабис-хеви фреску XII века, изображающую юношу-феодала по имени Шота и т. д. Наконец в этом аспекте имеют определенное значение и материалы иерусалимского Крестового монастыря, документально подтверждающие, что Шота занимал высокую должность вазира — был «мечурчлетухуцеси», поскольку, начиная с эпохи царицы Тамар, эту должность в основном занимали именно знатные месхские феодалы (Торели, Джакели). Все это, надо думать, дает известное основание для того, чтобы искать автора «Витязя в тигровой шкуре» среди представителей знатных родов Месхети.

Противоположное мнение еще в начале XIX века было высказано одним из первых исследователей поэмы — Теймуразом Багратиони. Родиной поэта он считал расположенный вблизи Тбилиси город-крепость Рустави. Сама по себе гипотеза эта вполне допустима и, как мы убедимся ниже, не опровергнута еще наукой, однако то конкретное развитие, которое она получила в трудах П. Ингороква, вряд ли можно считать приемлемым. Рустави, по утверждению П. Ингороква, входил в состав провинции Эрети, и упомянутый в летописи («Картлис цховреба») Эретский эристав эриставов Шота Купри — никто иной, как поэт Шота Руставели. Положение, выдвинутое исследователем, не аргументировано. Напротив, эретские эриставы не были владельцами Рустави и ни один из них не занимал должности «мечурчлетухуцеси», а жизнь и деятельность Шота Купри относятся к более позднему времени (см. статью Д. Мухелишвили и Н. Шошиашвили по этому вопросу, журнал «Цискари», 1965 г., № 2 и 9).

Возможна еще и иная гипотеза, которая, я думаю, может дать определенное направление исследованию вопросов биографии поэта. Как было сказано, традиционная точка зрения (подкрепляемая рядом данных исторического характера) связывает происхождение поэта с Месхети. Предполагается, что автора «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели, бывшего в то же время «мечурчлетухуцеси», нужно искать среди месхетских вельмож, в то время, начиная с эпохи Тамар, почти монополизировавших эту должность. При этом выдвигается положение, согласно которому наибольший интерес представляет с этой точки зрения род месхетских вельмож Торели, поскольку, — кроме того, что они могли занимать должность «мечурчлетухуцеси», — в их владения входило месхетское Рустави (Н. Бердзенишвили).

В этой связи можно выдвинуть дополнительное соображение, позволяющее уточнить вышеприведенную точку зрения: мы имеем в виду одну грамоту, известную в руствелологии и ранее и относимую к эпохе Тамар. Здесь упоминается «мандатуртухуцеси» (министр внутренних дел) Чиaber, сделавший пожертвование монастырю Шио-Мгвиме, а также наследовавший его поместья Шота, по-видимому сын Чиaberа. Летопись («Картлис цховреба») подтверждает эту историческую ситуацию (Чиaber действительно был «меджинибетухуцеси» — начальник царских конюшен, затем «мандатуртухуцеси» — министром внутренних дел и действительно имел детей), присовокупляя при этом весьма существенную деталь: Чиaber был по происхождению месхом, из рода Торели (см. «Картлис цховреба», стр. 96), следовательно, в роду Торели в этот именно период был некий Шота, и он мог, так же, как известный тогда Шалва Торели («мечурчлетухуцеси» до 1202 года), получить эту высокую должность. Действительно, как ныне установлено, в исторических материалах мы не находим упоминания о каком-либо другом лице, занимавшем эту должность с 1205 года по 1220 год (Шошиашвили). Шота из рода Торели мог иметь прозвище Руставели (вспомним, что Рустави входило во владения Торели), подобно тому, как другие представители этого рода звались по входящим в их территорию владениям — так, например, хорошо известные Шалва и Иване Ахалцихели были из рода Торели т. п. Не исключено также, что служившие при царском дворе в Тбилиси Чиaber и сын его Шота могли владеть и Рустави, расположенным вблизи города. Однако, по всем известным нам источникам, владельцем Рустави в ту пору было другое лицо (Захарий Мхаргрдзеи). Поэтому это второе предположение на сегодняшний день остается более сомнительным.

Резюмируем вкратце все вышесказанное: автор «Витязя в тигровой шкуре» — крупный политический деятель эпохи Тамар, Шота Руставели. При Тамар же происходит его возвышение и он получает одну из вельможных должностей — становится «мечурчлетухуцеси»; он, надо полагать, был соратником Тамар в ее многолетней борьбе за создание могущественного грузинского государства (примечательно, что царь Арчил считает Руставели неизменным участником всех войн Тамар; см. его «Теймуразиани»). Шота Руставели как «мечурчлетухуцеси» внес свою лепту в дело украшения

иерусалимской грузинской обители — Крестового монастыря, за что и был изображен на колонне монастыря и отмечен с обозначением должности в поминальной книге. И наконец, следует предположить, что Шота был уроженцем Месхети, в культурном и политическом отношениях одной из наиболее передовых областей тогдашней Грузии (доказательства были изложены выше, при рассмотрении традиционной точки зрения).

Как мне кажется, правильным можно считать и второе предположение, более уточняющее традиционную точку зрения: Шота происходил из рода Торели и был сыном месхетского вельможи Чиабера. Подобно отцу, он достиг при дворе Тamar почетного положения: в частности, в 1205—1220 годах он занимал высокую должность «мечурчлетухуцеси». Прозвище же Руставели было получено им как владельцем месхетского Рустави, ставшего к тому времени крепостью. Предположительно можно установить и дату рождения Шота, для чего необходимо еще раз обратиться к летописи («Картлис цховреба») и реалиям самой поэмы. В 1190 году на торжественном церемониале при дворе царицы Тamar вместе с остальной знатной молодежью были благословлены и «сыновья Чиабера».

Сделав это предположение, можно допустить, что среди них был и сын Чиабера, Шота, по всей вероятности — молодой человек 25—30 лет. Следовательно, он должен был родиться около 1160—1165 гг. По мнению П. Ингорюка, Шота был старше царицы Тamar на шесть лет; так же, как герой поэмы Тариел — старше Несан. Здесь, по мнению исследователя, в поэме кроется определенный намек. Тamar, по предположению историков, родилась в 1168—1172 годах, и таким образом эти даты также подтверждают предполагаемую датировку рождения Руставели, которая, разумеется, может быть лишь весьма приблизительной.

Таково представляется, в основных чертах, хронологическая канва жизни Шота Руставели. Имеющиеся в нашем распоряжении исторические источники пока не дают возможности для ее дальнейшего уточнения. Между тем за этими скудными фактами и сухими датами кроется замечательная личность великого поэта. Не удивительно, что фантазия грузинского народа, оживив образ Руставели в сказаниях и преданиях, придала ему совершенно иные краски.

По народным преданиям Шота Руставели был месхом из села Рустави. Он происходил из знатного рода (хотя некоторые сказания и связывают его с низшими слоями, подчеркивая тем самым народные истоки поэмы Руставели). Поэт воспитывался в Грузии. Получив начальное образование, он отправляется в академию в Икалто, где пополняет свои познания под руководством прославленного грузинского философа (по некоторым сведениям — Арсена Икалтоели). Поэт продолжает учение в Греции (еще со времен Давида Строителя было принято отправлять грузинскую молодежь в Грецию, в грузинские обители в Афоне, на горе Олимп и т. д.). Поэт изучил, по преданию, греческий, арабский и персидский языки, в совершенстве знал литературу этих народов и философию. Подтверждением этого может служить сама поэма, дающая ясное представление о высокой образованности поэта.

Просвещенный, обладающий прекрасной внешностью и рыцарскими качествами Руставели получил при дворе Тamar высокую должность — по некоторым сказаниям он был «мечурчлетухуцеси» или «моларетухуцеси» (главным казначеем), по другим занимал должность «мидигнобартухуцеси» (первого министра). Как мы видели, исторические источники и большинство литературных сведений говорят в пользу того, что поэт был «мечурчлетухуцеси». Интересно отметить, что в Грузии лица этого звания по традиции были близки не только к феодальной аристократии, но и к уже поднимавшемуся купечеству и к другим слоям городского населения. Примером тому могут служить известные нам «мечурчлетухуцеси» — Абуласан, Куртлу-Арслан, Каха Торели и другие, принимавшие активное участие в городской жизни.

Об этом же говорит и сама поэма — здесь видно близкое знакомство автора с жизнью купечества, с его обычаями и интересами. В одной из глав поэмы изображен торговый город, жители которого нарисованы с необычной для того времени реалистичностью (хотя, как мы увидим, поэт относится к этому слою с известной иронией).

Большинство сказаний и преданий особенно настойчиво связывает поэта с именем Тamar: поэт питал к ней возвышенную любовь, она была вдохновительницей его поэзии. Пролог поэмы дает определенное основание для подобного заключения; здесь иногда прямо, иногда метафорически высказана та же самая мысль (создавая поэму, поэт писал «чернилами, черными, как глаза Тamar, и пером тонким, как стан Тamar»). В сказаниях в этой связи имеется и несколько чисто романтических версий. Влюбленный Руставели бежит от людей (бегство от людей, как показано в том же прологе, является одной из заповедей рыцарского кодекса любви), по некоторым же версиям поэт был изгнан из отечества. Мы не знаем реального источника последней версии, ничего не известно нам и о возможных причинах изгнания поэта. Можно лишь полагать, что поэт впоследствии действительно отправился в чужие страны (вспомним хотя бы историю росписи Крестового монастыря); однако возникновению этой версии могла способствовать и сама поэма, где все говорит о прекрасном знании поэтом тогдашнего мира, о его широких географических познаниях; голос покинувшего родину человека

написана романтическая поэма, построенная на широко распространенном сюжете об Иосифе Прекрасном.

После того, как в общих чертах установлена хронологическая канва жизни поэта, вопрос датировки поэмы фактически можно считать решенным: Руставели — современник Тамар, почитатель несравненных ее достоинств, и поэма посвящена именно ей. Об этом же свидетельствует в общих чертах и отраженная в поэме действительности: географический диапазон деятельности героев необычайно широк — он охватывает почти все государства Азии и Ближнего Востока, но между тем в поэме ни единым словом не упомянуты монголы, уже хорошо известные грузинским летописцам, начиная с 1220 года. Мы располагаем еще целым рядом подобных исторических данных, но наиболее точные сведения имеются в прологе самой поэмы. Из современников поэта, наряду с Тамар, в поэме воспет и супруг ее, Давид Сослан; как известно, период супружества Тамар и Давида падает на 1189—1207 годы (Давид и Тамар вступили в брак в 1189 году, Давид умер раньше Тамар, в 1207 году). Продолжая уточнение, поэму нужно датировать последними годами этого отрезка времени, — вспомним, что в «Тамариани» Чахрухадзе упоминаются вышеназванный героико-любовный роман «Амиран-Дареджаниани» и «Диалргетиани» Саргиса Тмогвели. Об их персонажах говорит историк Тамар (автор «Истории и восхваления венценосцев»), тогда как ни в одном из этих произведений даже не упоминаются герои «Витязя в тигровой шкуре». По данным последних исследований «Тамариани» предположительно написано около 1205 года (так как здесь из последних событий времен Тамар отражена победа над Рукнэддином в Басианском сражении). Следовательно, поэма Руставели, нужно полагать, была закончена к 1205—1207 гг. В соответствии с этим совершенно достоверной выглядит строфа библиографического характера из эпилога поэмы, где «Витязь в тигровой шкуре» упомянут после всех перечисленных произведений классической эпохи грузинской литературы. Нужно отметить также, что автор «Витязя в тигровой шкуре» хорошо знаком с поэмой Низами Гянджеви «Лейла и Меджнун», написанной в 1188 году. Сюда же нужно отнести и тот факт, что уже к 30-м годам XIII века становятся популярны имена персонажей поэмы. Так, например, в середине того же столетия, как отмечает акад. Н. Марр, имя Тариел обнаружено в эпиграфической надписи. В дальнейшем вместе с ростом популярности поэмы имена героев «Витязя в тигровой шкуре» получают чрезвычайно широкое распространение в народе и занимают одно из первых мест в грузинской ономастике.

III

Отдельные фрагменты текста поэмы «Витязь в тигровой шкуре», которыми мы располагаем, относятся к XV веку и, очевидно, записаны по памяти. Один из подобных фрагментов был найден несколько десятилетий тому назад в Южной Грузии (Месхети) в скальной пещере (Ванский пещерный комплекс). Примечательно, что фрагмент этот — две строфы из письма одной из героинь поэмы Нестан, заключенной в Каджетской крепости. В пору постоянных нашествий врагов Ванские пещеры использовались, очевидно, как убежище. И поэтому именно эти слова Нестан (1300, I): «В замке я сижу высоко, глубины не смершию оком» (перевод К. Бальмонта) пришли на память некоей поэтессе Анне Рчеулишвили, написавшей их на стене пещеры с собственными стихами. Известны еще несколько отрывков поэмы, приписанные на полях рукописей XV—XVI веков, но число их крайне незначительно.

К еще более позднему периоду относятся рукописи поэмы. Большая часть их погибла в XIII—XVI веках, когда цветущая страна лежала в развалинах и пожарах. Нашествие известного своей жестокостью хорезмского шаха Джалал-Эддина (1225—1230 годы) сломило Грузию. За этим последовали долгие века монгольского владычества, а то, что не успели уничтожить монголы (хотя времени для этого было достаточно), подвергли разгрому и опустошению персы-кизылбаши и завершили турки. Понятно, что эти годы не могли быть порою расцвета литературы; во всяком случае они не оставили нам ничего значительного в этой области. Было уничтожено и утеряно множество памятников классической эпохи, существование которых подтверждают старинные документы. Погибли и драгоценные для нас рукописи поэмы, число которых, учитывая ее популярность, было, надо полагать, достаточно велико. Многие рукописи погибли и в последующий период, в новое время. Грузины-изгнанники, вынужденные покинуть родину, как драгоценную реликвию увозили с собою рукописи поэмы. Несколько тысяч грузин, в основном знатных фамилий, эмигрировали в далекую Россию (в XVII—XVIII веках) и, нужно думать, увезли немалое число рукописей (некоторые были впоследствии обнаружены и возвращены в Грузию). Две довольно древние рукописи были известны еще в XIX веке. Их видел историк Платон Иоселиани. Одна из них, хотя и не датированная, но, безусловно, древняя, была написана на пергаменте, другая относилась к XV веку (1443 год). Дальнейшая судьба этих рукописей нам не известна.

Из существующих ныне датированных рукописей древнейшим является список поэмы (Институт рукописей Н-599), сделанный при дворе правителя Мингрелии Ле-

вана Дадвани известным поэтом и каллиграфом Мамукой Тавакарашвили. Рукопись датирована 1646 годом. Более ранним кажется фрагмент (всего несколько страниц) недавно обнаруженный в Ахаликском краеведческом музее (Месхети); на рубеже XVI и XVII веков должны быть выполнены несколько других сохранившихся рукописей (например, Н-2 074, А-363 и другие из фонда того же института).

Несколько ценнейших рукописей поэмы все еще находятся вне пределов Грузии. Так, например, две рукописи (XVII и XVIII вв.) хранятся в Оксфорде, в уордроповской коллекции Бодлейской библиотеки, и одна, выполненная в 1702 году, — в Национальной библиотеке в Париже.

В настоящее время в хранилищах рукописей и в частных коллекциях выявлены свыше 150 списков поэмы. На первый взгляд, наследие это достаточно велико, однако, как показало его детальное изучение, лишь 47 рукописей более или менее ценны. Остальные же представляют собой копии позднейшего времени, сделанные с первых печатных изданий; постольку и значение их для установления подлинного текста поэмы довольно сомнительно.

С точки зрения состава поэмы материал рукописей (мы имеем в виду списки XVII—XVIII веков) весьма своеобразен. Здесь явно выступают различные пласты последующих добавлений. В поэму были внесены интерполяции (различное число в различных рукописях), но переписчики не ограничивались этим. К поэме присовокуплен целый цикл продолжений. Очевидной вставкой или, в лучшем случае, попыткой реставрации представляется эпизод возвращения героев поэмы в Индию и освобождения ее от хатайцев, называемый в руствелологии «индо-хатайским эпизодом». Почитатели поэмы (к числу их, безусловно, следует отнести и переписчиков) в свою очередь добавили еще новые эпизоды, как, например, болезнь Тариела и месть хорезмийцев (вспомним убийство Тариелом хорезмийского царевича в основном тексте и т. д.). На помощь Тариелу приходят друзья-побратимы и жестоко наказывают хорезмийцев. Описывается здесь и смерть героев, а также их предсмертные завещания (в некоторых рукописях эпизоды прощания значительно расширены). Интересно, что многочисленные продолжения поэмы послужили в этот период материалом для создания нового самостоятельного произведения («Оманнани»).

Это расширение состава поэмы началось с давних времен. Одним из первых интерполаторов считается Саргис Тмогвели¹, которому приписывается обработка прозаической версии продолжений поэмы; переложил в стихи продолжения поэмы «некий месх», нужно полагать, позднее XV века (поскольку некоторые детали хорезмийского эпизода носят следы влияния грузинских версий «Шах-Намэ», относящихся к XV веку; о том же свидетельствует и ряд реалий исторического характера). Известны и другие интерполаторы: Нануча Цицишвили, Иосиф Тбилели, Багдасарашвили, Георгий Туманишвили и т. д.

Появление все новых циклов продолжений поэмы связано с процессом постепенного подъема и оживления грузинской литературы, начавшимся около XVI века. В этот период на грузинский язык вновь переводятся персидский национальный эпос «Шах-Намэ», различные версии романтической поэмы об Иосифе Прекрасном, «Леил-Меджнуниани», всемирно известный сборник басен «Анвари Соханли» или «Килила и Димна» и т. д. Вполне естественно, что в пору нового возрождения грузинской литературы авторы должны были в первую очередь обращаться к произведениям грузинской классической эпохи (XII века). Действительно, этот период характерен необычным интересом к поэме Руставели. Влияние его было безграничным. Так, явные следы влияния поэтики Руставели носят на себе не только оригинальные грузинские произведения, но даже и переводные: например, безусловно руставелескими образами и готовыми метафорами перегружены поэмы, переведенные Теймуразом I с персидского, а также выполненный анонимным автором перевод поэмы об Иосифе Прекрасном.

Следует отметить, что возникновение дополнительных напластований в поэме является, главным образом, результатом этой особой любви и заинтересованности. Переписчики или почитатели вносили в ее текст свои комментарии или сюжетные варианты, приписывая тем самым свои мысли и суждения великому поэту.

Однако это не единственный путь возникновения дополнительных напластований. Автор поэмы, утверждавший идеал свободы человека, чуждый узкорелигиозному мышлению, естественно, сначала же должен был найти враждебный отклик в среде церковников. Особенно остро воспринималось в этой среде перенесение действия поэмы в магометанский мир; за это автор порицается в одной из строф полемического характера, где сказано, что для лиц духовного звания опасно читать эту поэму, поскольку автор ее проповедует плотскую любовь и нигде не упоминает христианскую троицу. Тот самый епископ Тимофей Габашвили, который, как было сказано ранее, в середине XVII века привез в Грузию ценные сведения об иерусалимском портрете Руставели, касаясь этической стороны поэмы, заявляет, что описанные в поэме любовные истории пагубно влияют на нравственность грузинских женщин. Известен целый ряд анало-

¹ Не следует смешивать его с переводчиком «Вис о Рамин».

гичных высказываний, и в этом свете естественно предположить, что именно подобные «критики» внесли в поэму некоторые добавления, еще более усложняющие восприятие текста поэмы в его первоначальном виде.

Первое печатное издание поэмы было осуществлено 250 лет тому назад. Известный своей ученостью царь Вахтанг VI напечатал поэму Шота Руставели в 1712 году в основанной им же первой грузинской типографии. Нужно отметить, что поэма была первой книгой светского характера, напечатанной в этой типографии (ранее были изданы Евангелие, Псалмы и другие духовные книги). Царь Вахтанг VI руководствовался в основном двумя соображениями: во-первых, он отверг узаконенный переписчиками поэмы метод попутных добавлений и расширений текста. Издание этой книги, отмечал Вахтанг VI, должно «опорочить тщетные домыслы сочинителей». Вместе с тем Вахтанг VI ставил своей целью правильное раскрытие идейного содержания поэмы. По его мнению, поэма Руставели — моралистско-мистическое произведение, проповедующее божественную любовь. Утверждая это, Вахтанг VI несомненно хотел защитить поэму от нападков клерикалов. Вахтанг VI сопровождал издание поэмы комментарием словарного типа, положив тем самым начало научному ее изучению.

Особенность вахтанговского издания поэмы состоит в резком противопоставлении его текста рукописному наследию. Нам понятно теперь, что побудило к этому издателя, Вахтанг хорошо понимал, насколько позднейшие дополнения искажали текст поэмы. Не говоря о другом, достаточно убедительными в этом аспекте были сведения царя-поэта Арчила, который не только отмечал факт наличия интерполяций, но и конкретно называл одного из продолжателей поэмы, а именно Нануча (Цицишвили). Как видно, Вахтанг VI изучил все имевшиеся в тот период древние рукописи и по возможности очистил текст от последующих напластований.

Вахтанговское издание приобрело в дальнейшем значительную популярность. Достаточно отметить, что переписчики уже не ищут старинных списков поэмы, а обращаются к тексту печатного издания царя Вахтанга VI. Под ощутимым влиянием этого текста осуществлено большинство изданий XIX и XX веков.

Вахтанговской традиции (в отношении редакции и приложенного словаря) следует второе печатное издание поэмы (1841 г.). Примечательно, что в подготовке этого издания наряду с грузинскими общественными деятелями (Д. Чубинашвили, З. Палавандишвили) участвовал француз, академик, крупный знаток и ревнитель грузинской культуры, автор первого перевода поэмы на французский язык — Мари Броссе. Ему же принадлежит интересное предисловие к тексту, в котором на научном уровне того времени рассматриваются поэтические особенности поэмы и ее идейная направленность. Это издание интересно и с точки зрения редакции текста, поскольку здесь, по сравнению с вахтанговским изданием, добавлено несколько десятков строф. Этим подчеркивалась необходимость критического подхода к вахтанговскому тексту в процессе последующих изысканий по восстановлению подлинного текста поэмы.

В XIX веке, с подъемом национально-освободительного движения в Грузии, интерес к Руставели стремительно растет. Поэма Руставели — наглядное воплощение древней и самобытной культуры грузинского народа. Так и воспринимали ее лидеры национально-освободительного движения. Именно в этот период началась подготовка к новому изданию поэмы. Вдохновителем этого начинания явился великий грузинский просветитель Илья Чавчавадзе; в установлении текста принял участие большинство выдающихся деятелей XIX века. Издание, оформленное в соответствии с грузинской национальной художественной традицией, вышло в свет в 1888 году. Следует отметить, что иллюстрации к нему были выполнены венгерским художником Михаем Зичи. Нельзя сказать, чтобы издание это было безукоризненным с филологической точки зрения, — сюда, под влиянием последних рукописей, вкралось немало искажений текста, — однако позиция нового издания в вопросе состава поэмы была несомненно правильной. Фактически и здесь, подобно вахтанговскому изданию, дан краткий текст поэмы. Кроме того, писательская комиссия впервые собрала сохранившиеся еще кое-где списки поэмы и в этом — ее большая заслуга.

Плодом глубоких научных изысканий было осуществленное Н. Я. Марром в 1902 году издание пролога и эпилога, в котором, наряду с филологическим анализом текста, даны толкования неясных мест и полноценный в научном отношении подстрочный перевод поэмы на русский язык.

Интересные издания принадлежат проф. С. Какабадзе и проф. Ю. Абуладзе. С. Какабадзе, порвав с традицией вахтанговского издания, издал заключенный в рукописях обширный текст поэмы со всеми вставками и продолжениями (1913 г.); тем самым перед специалистами-рустведологами открылась полная картина заветного древними рукописями текста. Указанное издание требовало некоторых улучшений, осуществить которые автору однако не удалось. В издании Ю. Абуладзе (1914 г.) текст поэмы впервые снабжен критическим аппаратом и некоторыми разночтениями рукописей. На обширный текст рукописей опиралось, частично, и издание (1934 г.), подготовленное поэтом К. Чинанадзе.

В 1937 году, в связи с первым юбилеем Руставели, вышло новое издание поэмы, считавшееся почти каноническим до самого последнего времени. Однако, хотя здесь

и даны в правильном чтении многие искаженные места поэмы, это издание, ввиду отсутствия соответствующего научного аппарата, нельзя признать академическим. Самым же существенным недостатком его нужно считать состав поэмы: в некоторых случаях из текста изъяты явно руставелевские строфы, тогда как в других — представлены очевидные добавления.

В настоящее время насчитывается до 45 изданий поэмы «Витязь в тигровой шкуре», но несмотря на это издание полноценного текста все еще остается проблемой номер один для руствелологии. Основной недостаток старых изданий, по нашему мнению, состоял в том, что не было уделено должного внимания подготовительным работам, без которых невозможно разрешение столь сложной задачи, как восстановление искажавшегося на протяжении веков текста. За последнее время, однако, в этом направлении сделано многое. Отметим лишь наиболее существенные работы: Институтом грузинской литературы имени Руставели изданы варианты разночтений как всех существующих рукописей, так и наиболее значительных изданий; большую ценность представляет составленная под руководством акад. А. Шанидзе симфония «Витязя в тигровой шкуре»; написаны монографические исследования о рукописях поэмы; комиссия по установлению текста поэмы при Президиуме АН ГССР и Союзе писателей Грузии собрала обширный свод древнегрузинской лексики (так, например, из древнегрузинских памятников выписано более полутора миллиона слов), что явится основой для научного изучения лексики поэмы и т. д. «Использование всех этих данных, — отмечает акад. Г. Церетели, — будет значительно содействовать не только делу уточнения текста, но и осуществлению основной и важнейшей цели руствелологии: определению места Руставели в истории развития грузинской и мировой культуры».

Хроника

К РУСТАВЕЛЕВСКИМ ТОРЖЕСТВАМ

К предстоящему 800-летию Шота Руставели выпущен ряд книг о великом поэте. Среди них — монография А. Барамидзе «Шота Руставели и его эпоха», С. Кубанейшвили «История печатания «Вепхис ткаосани», М. Гугушвили «Полемика вокруг Руставели», М. Чиковани «Народно-поэтические источники «Вепхис ткаосани».

О толковании термина „вепхи“

Как известно, название поэмы «Вепхис ткаосани» в переводе на русский язык означает «Носящий барсову шкуру». К сожалению, за последние 40 лет почему-то переводчики поэмы термин «вепхи» смешали с термином «джики», и «вепхи» превратился в «тигра», а «джики» в «барса», что является большой ошибкой. Из переводчиков поэмы исключение составляет К. Бальмонт, который точно назвал свой перевод «Носящий барсову шкуру». У него термин «барс» полностью соответствует грузинскому термину «вепхи». К сожалению, в других русских переводах термины «вепхи» и «джики» смешались и получили неправильное толкование.

Необходимо отметить, что в старых переводах «Вепхис ткаосани» на европейские языки, кроме Артура Лейста, значение термина «вепхи» везде понимается правильно: «пантера», «леопард». Ошибка Артура Лейста, видимо, берет свое начало от словаря Давида Чубинашвили (Чубинова), о чем будет сказано ниже. Почти во всех новых переводах на европейские языки, выполненных под влиянием Ш. Нуцубидзе и других, «вепхи» был переведен, как «тигр». Кроме того, в русском переводе Бальмонта, переизданном в Тбилиси в 1934 году, «барс» был исправлен на «тигра».

В первых иллюстрациях поэмы «Вепхис ткаосани», сделанных выдающимся венгерским художником Михаем Зичи (да и во всех, без исключения, старых миниатюрах), правильно нарисован «вепхи». Тариел одет в шкуру пятнистого зверя — леопарда, а не тигра, имеющего полосатую шкуру. К сожалению, последующие иллюстраторы поэмы, ввиду неправильного толкования нашими словарями термина «вепхи», Тариела одели в полосатую шкуру тигра, а барса, с которым боролся Тариел, стали изображать тигром.

Что способствовало такому неправильному пониманию значения термина «вепхи»? По нашему мнению, как было сказано выше, эта путаница возникла в трудах известного французско-

го грузиноведа академика М. Броссе, где он по ошибке грузинское слово «вепхи» истолковал как тигр. Кроме этого в русско-грузинской части словаря Давида Чубинашвили мы читаем: «леопард» — ჯიქი, ვეფხის მსგავსი ცხვირით, დაბრი, тигр — ვეფხი, ვეგრო». В грузинско-русской части же значится: ვეფხი — рысь, тигр, барс, ჯიქი — леопард-бабр». Почти такая же картина в словаре Николая Чубинашвили. Исходя из этого, под «вепхи» можно подразумевать и рысь, и тигра, и барса. Трех хищным зверям разного вида дано одинаковое название, и это выглядит большим курьезом.

В сельскохозяйственной терминологии, изданной Академией наук Грузинской ССР в 1959 году, понятию «тигр» соответствует термин «вепхи», а «леопард» — «джики». Вместе с этим рядом с «джики» — получили прописку термины: «пантера», «барс»!

Какова история этого вопроса и что способствовало смешению терминов «вепхи» и «джики»?

Знаменитый ученый, первый грузинский географ Вахушти Багратиони в своей книге «Географическое описание Грузии» большое место уделяет животному миру. Из хищных зверей он называет «вепхи» (по-русски — барс), «даври» (по-русски — медведь), «аштари» (по-русски — гиена) и др. Названия двух из вышеперечисленных животных, которые засвидетельствованы в древнейших письменных источниках, в современном грузинском языке имеют те же значения, что и раньше. К сожалению, этого нельзя сказать про «вепхи», который в настоящее время совершенно без всякого основания многими переводчиками воспринимается как тигр.

Великий грузинский лексикограф Сулхан-Саба Орбелиани в своем «Грузинском словаре» дает толкование «вепхи» и похожего на него «джики»: «джики» похож на «вепхи», сравнительно большой, персы называют его бабром.»

И действительно, по-персидски «бабром» называют «джики» (тигра). Джики не принадлежит к фауне Грузии. Встречается в южном Азербайджане (Ленко-

рани) и в сопредельных районах Ирана. По нашему предположению, эквивалентом термина «джики» является «туранский тигр», т. е. «джики» по-вид, видовое название будет «вигри». Армянским эквивалентом грузинского «вигри» будет «вагр». Источником русского «тигра», грузинского «вигри» (хевсурского «мигри») и армянского «вагр» является греческое слово «тигрис».

Неправильное толкование дается терминам «вепхи» и «вигри» и в толковом словаре грузинского языка. Здесь читаем: «Вепхи — большое хищное животное (семейства кошачьих), имеет пеструю, полосатую (или пятнистую) шкуру». Таким образом, в словаре двум разным видам животных дано одно название. Полосатую шкуру имеет «вигри» (джики,) по-русски — тигр, по латыни *tigris tigris*, а пятнистую шкуру «вепхи» (по-русски — леопард, пантера, барс, по латыни — *leopardus, pardus*).

В толковом словаре живого великорусского языка Даля мы читаем: «Тигр — лютой зверь, *tigris tigris*, бабр». Грузинский ученый и поэт Р. Эристави в своем кратком грузинско-русско-латинском словаре правильно понимает термин «вепхи» и «джики». Здесь читаем: «Вепхи — барс; джики, бабр — тигр». Что грузинское «вепхи» соответствует русскому «барс», это подтверждается также древнегрузинским переводом Библии (Эсая, 11,6, Даниель, 7,6), где упоминается «вепхи». В русском переводе Библии эквивалентом «вепхи» дается «барс», таким же образом переведены эти места в древнегреческом и древнеармянском переводах, а что самое главное, в еврейском оригинале также стоит термин «намер» (барс). Такое же положение в грузинском переводе Четвероглава: «*მეფე იყო, ბაბრ ვიპხე, იყო მსუპხე ვიპხე*»; это место в русском переводе читается так: «Зверь, которого я видел, был подобен барсу» (Иов. 12,2).

Великий русский поэт Лермонтов в поэме «Мцыри» использовал известную грузинскую балладу «Вепхи да монке» («Барс и витязь»). В поэме эквивалентом термина «вепхи» дается термин «барс». Приведенные литературные данные по этому вопросу подтверждают, что «вепхи», т. е. барс, является животным дикой фауны Грузии. Что же касается тигра, то, как известно, тигр в Грузии не обитает. В грузинской балладе «Вепхи да монке» рассказывается о том, как дра-

лись не на жизнь, а на смерть молодой хевсур и барс (вепхи). Таким образом в балладе упоминается не тигр («джики»), которого нет и не может быть в горах Хевсуретии, а именно «вепхи» (барс), обитающий в высоких горах Кавказа и являющийся характерным для фауны Грузии. Великий Руставели только так мог понимать слово «вепхи».

Известно, что у негров барсова шкура считалась признаком царского достоинства и подданным запрещалось носить ее. Тигровая кожа значительно толще и грубее барсовой. В древнее время тигровую кожу, как достаточно крепкую, использовали для покрытия щитов. Между тем, барсовая кожа и в настоящее время используется как материал для одежды, из нее шьют дамские манто. Выдающийся грузинский иранист проф. Д. Кобидзе, заинтересовавшись этим вопросом и всесторонне изучив литературные памятники эпохи Руставели, переведенные на грузинский язык с персидского, пришел к выводу, что эквивалентом грузинского термина «вепхи» и русского «барса» в персидском языке является термин «фаланг» (барс), а грузинского «джики» и русского «тигра» — «бабр» (тигр).

Существует еще немало трудов и документов, в которых дается толкование правильного понимания слов «вепхи» и «джики» и с которыми переводчикам поэмы Руставели следовало бы познакомиться, чтобы не допускать грубой ошибки в названии произведения, долженствующего называться в переводе на русский язык «Витязь в барсовой шкуре» или «Носящий барсову шкуру».

Представитель дикой фауны Грузии «вепхи» (барс) с древнейших времен в сознании грузинского народа всегда был олицетворением красоты, силы, гордости и упорства и таким должен остаться в сознании нашего поколения.

Трудно себе представить, чтобы гениальный грузинский поэт Руставели мог любящую женщину сравнить с огромным грубым зверем и вообще видеть в тигре символ любви.

«Это он сам — красивый барс, всегда готовый к меткому прыжку. Это он сам, взявший, как знамя, барсову шкуру, шкуру пантеры, зверя красивого и страшного, неожиданного в своих движениях и умеющего растерзать — как красива, неожиданна, узорна и всегда порубежна с терзанием, любовь» (Бальмонт).

Реваз МАРГИАНИ

От съезда к съезду

В преддверии съезда писателей Грузии мы еще живем чувствами, навеянными прошедшим недавно XXIII съездом ЦК КПСС, на котором ощущалась горячая заинтересованность вопросами развития литературы. Мы еще раз ощутили, сколь прочны устои нашего общества, сколь велика и животворна сила ленинских идей.

За прошедшие после нашего последнего писательского съезда годы читатели поставили на свои полки немало новых книг грузинских прозаиков, поэтов, критиков. И эти произведения ждут своей оценки, глубокого анализа.

Нашему писательскому съезду также предстоит разобраться в достижениях и промахах грузинской литературы за эти годы.

В ряды грузинских литераторов за последнее время влился целый отряд молодежи. Имена многих из них стали уже популярными, произведения их приняты читателем.

Творческий рост молодых серьезно занимает нас сейчас, и разговор о помощи им, об овладении ими знаниями, всеми богатствами языка — одна из важнейших задач предстоящего съезда.

Я очень хорошо представляю, как велика наша ответственность в воспитании будущего поколения, в утверждений новых коммунистических отношений между людьми.

Вот потому самым главным в нашей работе, на мой взгляд, является стремление как можно шире, смелее откликаться в наших произведениях на большие темы современности, воплощать в литературе героический образ советского человека. Эти мысли не покидали меня, когда я работал над новой книгой стихов, которая выйдет в этом году. Отдельные циклы этой книги уже были опубликованы в журналах. В последнее время я работал над переводами стихов поэтов Кубы для антологии кубинской поэзии, перевел пьесу Стефана Цвейга «Домик у моря».

Подходит к концу работа над переводом поэмы абхазского поэта Баграта Шинкубы «Песня о сколе», над которой я работаю совместно со своими друзьями-поэтами.

Волнует меня сегодня будущее Ингури, на которой ведется сейчас строительство уникальной гидроэлектростанции, сулящей большие перспективы. О людях, строящих эту ГЭС, я и собираюсь писать поэму, для которой сейчас усиленно собираю материал.

Отчитываться о проделанном в связи со съездом стало традицией, и мне думается, что в общем эти отчеты будут свидетельствовать о больших успехах в нашей писательской организации. А каждый такой успех, каждое проникновенное раскрытие и полнокровное воплощение образа нашего современника — свидетельство родственной и нерасторжимой, активной и возрастающей связи писателя с общенародным делом, идеями и устремлениями Коммунистической партии.

СИМПОЗИУМ ПО ВОПРОСАМ ТЕОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Художественный перевод в наше время смело может быть назван открытием мира. Этот процесс взаимооткрытия, взаимоузнавания и общения народов через переводы литератур с особенной отчетливостью прослеживается сейчас, когда в орбиту художественного перевода вовлекается творчество все новых и новых народов, когда практика перевода приобретает поистине планетарные масштабы.

Такое чувство испытывали и участники состоявшегося недавно в Москве симпозиума по вопросам перевода, собравшего посланцев большинства европейских стран, США, всех союзных республик нашей страны.

Это самое представительное собрание деятелей перевода из проводившихся в Советском Союзе, и знаменательно, что оно было посвящено актуальным проблемам теории художественного перевода. Этот факт говорит, с одной стороны, о том, что постановка данного вопроса давно уже назрела и выдвинута в порядок дня самим процессом развития переводческого искусства, а с другой — что большой, масштабный обмен мнениями о насущных задачах и проблемах перевода возможен лишь на базе широких обобщений поистине гигантского опыта, накопленного в этой области у нас и в западных странах. Наряду с общими проблемами теории перевода, такими, как вопрос о переводимости, или теории перевода как наука и целым рядом других — много внимания было уделено и таким важнейшим проблемам, как передача национального своеобразия подлинника, вопросы стили художественных компонентов и т. д. Каждая из этих проблем, в свою очередь, включала множество моментов подчиненного характера. Многие выступления носили в основном информационный или историко-обзорный характер, иные касались частных вопросов: передача в переводе реалий или, скажем, гекзаметра в украинской поэзии. Немало интересного, поучительного, а подчас и парадоксального поведали о своем опыте

мастера перевода. Так один из крупнейших художников поэтического перевода В. Левик начал свое содержательное выступление с обоснования собственного творческого кредо стихотворной доктриной... поэта XVIII века Тредьяковского.

В той или иной мере большинство выступлений содержало элементы проблематики, постановки или опыта решения актуальных вопросов теории перевода, выдвинутых самой практикой этого дела. Фундаментальными в этом смысле были выступления А. Федорова, Ю. Левина и ряда других участников.

Несколько слов об отношении к теории перевода. Дело в том, что не только в широких общественных кругах, но и в нашей литературной среде, из уст самих писателей, критиков и даже переводчиков можно услышать заявление такого рода: «Перевод — это дело таланта, интуиции. Надо хорошо переводить, а чего уж там говорить о теории перевода. Этому делу не обучают».

Как это ни странно, но подобные высказывания мы слышали и на симпозиуме, посвященном проблемам теории перевода.

Выходит, что теория перевода — это нечто вроде школьного пособия, по которому кто-то кого-то думает обучить искусству перевода; но ведь еще Пушкин считал его труднейшим из всех родов литературы.

Теория перевода — это осознание творческих принципов нашей работы. Нет ни одного теоретического вопроса перевода, который не был бы непосредственно связан с практикой этого дела и наоборот — каждая, казалось бы, малозначительная ее деталь сама как бы стучится в двери теории...

Симпозиум имел большое познавательное значение — в смысле знакомства с множеством фактов и явлений, раскрытых в выступлениях представителей наших республик и зарубежных стран. Интересен был, например, рас-

сказ представителя ЮНЕСКО Роже Кайоа о различных формах переводческой практики, осваиваемой этой международной общественно-культурной организацией на всех континентах — от стран с высоко развитой литературой до народов, имеющих лишь устную или песенную литературу, вплоть до племен, в основном объясняющихся первозданным способом — т. е. посредством мимики и танца.

В выступлениях неоднократно звучала лежавшая в основе симпозиума гуманистическая идея сближения, солидарности и дружбы народов. Особенно многозначительно прозвучал этот призыв в устах представителя прогрессивных культурных кругов Западной Германии Рольфа Италиандера.

Интересные открытия можно было сделать и в личной беседе с участниками симпозиума: так, например, профессор-славист Неаполитанского института восточных языков, переводчик Гоголя и Щедрина на итальянский язык — Леоне Пачини Савой, великолепно говорящий по-русски и прекрасно разбирающийся в явлениях русской литературы, сообщил нам, грузинским участникам, что на итальянском языке существует перевод «Витязя в тигровой шкуре», осуществленный лет тридцать назад Беридзе. Перевод, по словам итальянского гостя, звучит хорошо; один его экземпляр хранится в личной библиотеке Пачини.

В виде «отчета» — несколько слов о выступлениях тбилисских участников.

Вполне естественен большой интерес, вызванный докладом Г. Р. Гаччиладзе «О реализме в искусстве перевода». Труд этот хорошо известен в литературных кругах Москвы, Ленинграда и союзных республик. Статью о нем напечатал в парижском журнале «Вавилон» один из основателей Международной федерации переводчиков, крупнейший французский литератор и теоретик перевода Эдмон Кари, недавно трагически погибший при авиационной катастрофе.

Весьма отрадное впечатление произвело также содержательное, научно и эстетически обоснованное выступление Нелли Сакварелидзе на тему «О проблеме ритма в произведениях Хемингуэя».

Темой моего выступления был вопрос о критерии верности художественного перевода. Каков критерий, определяющий художественную ценность

перевода, его верность оригиналу? Мы часто сталкиваемся с чрезвычайно упрощенным пониманием этого сложного вопроса.

Анализ литературных переводов носил в прошлом и нередко носит и сейчас чисто эмпирический характер, т. е. практически он основывается на текстуальном, лингвистически-смысловом сопоставлении перевода с оригиналом.

Такое эмпирическое, не поддающееся обобщениям сравнение двух текстов — всего лишь исходный момент анализа переводных образцов.

В настоящее время с разработкой в советском литературоведении теоретических основ реалистического перевода вопрос о критерии верности перевода становится на прочную научно-эстетическую базу.

В своем фундаментальном труде «Проблемы реалистического перевода» Г. Р. Гаччиладзе методологически убедительно рассматривает перевод как творческий процесс на базе ленинской теории отражения. Если в свете этой теории писатель отражает в своем произведении окружающую его действительность, то переводчик призван отразить это произведение в новой языковой среде как художественное целое, т. е. в единстве его содержания и формы, во всей полноте составляющих его компонентов (его смысловой основы, образно-эмоционального строя, тональности, интонации, лексики, ритма и т. д.), со всеми особенностями его национальной и авторской специфики. Таким образом, ценность художественного перевода определяется не просто текстуально-смысловым его совпадением с оригиналом, но и его верностью художественной действительности оригинала, а также верностью отраженной в оригинале исторической действительности.

В свете этих критериев в моем выступлении были прослежены некоторые отклонения от реалистического стиля в русских переводах грузинской классической и современной прозы, приведены образцы подлинно реалистических переводов.

Проедший симпозиум, без сомнения, должен дать плодотворные результаты — как в деле разработки актуальных проблем теории и практики перевода, так и укрепления связей литературной общественности разных стран.

ВЕЧЕР В ЦЕНТРАЛЬНОМ ДОМЕ ЛИТЕРАТОРОВ В МОСКВЕ

По инициативе Центрального Дома литераторов и Совета по грузинской литературе Союза писателей СССР в Москве состоялся вечер современной поэзии и искусства Грузии, с которым совпало закрытие проходившей в фойе ЦДЛ выставки современного грузинского искусства чеканки и керамики, организованной Министерством культуры Грузинской ССР и Государственной картинной галереей республики.

Зрительный зал переполнен. Места за столом президиума занимают Н. Тихонов, А. Антоновская, И. Абашидзе, И. Нонешвили, В. Чхиквадзе, Г. Мдивани, М. Квливидзе, Н. Микава, С. Михалков, Герберт Маршалл и др.

Председательствовавший на вечере известный советский поэт, большой друг и знаток Грузии и ее литературы Н. С. Тихонов, открывая вечер, говорит:

— Готовясь к 800-летию великого грузинского поэта-мыслителя, солнца грузинской литературы Шота Руставели, мы посвящаем сегодняшний вечер этой знаменательной дате. Кстати, такие вечера — в честь этого юбилея — в Москве уже состоялись не раз. Осенью в Грузии будет отмечаться этот большой юбилей поэта, положившего начало Ренессансу раньше, чем это произошло в Европе.

— Нельзя говорить о грузинской поэзии, — продолжает Н. Тихонов, — если не говорить вообще о самой Грузии. Только что завершивший свою работу XXIII съезд КПСС еще и еще раз показал, как сильно изменилась, преобразилась в дружной семье народов Грузии. Достижения ее видны во всем — в балете, живописи, театре, кино. И когда на заседании Комитета по Ленинским премиям фигурировала фамилия замечательного актера С. Закариадзе, я еще и еще раз думал — какая это большая фигура в искусстве.

Или взять чеканку и керамику Грузии, незначительная часть которой предстала сегодня перед нами. Какая высота исполнения! Для этого нужна большая, великая любовь народная. И это искусство переходит из поколения в поколение. И несут его истинные художники-творцы. Их искусство прошло большой и славный путь до того, как мы видим его в новом претворении. Золотые руки у создателей этого нового.

В Грузии — большая литература, имеющая братские взаимоотношения с другими народами — взять хотя бы пример Грибоедо-

ва и Чавчавадзе. Нам, людям старшего поколения, радостно видеть, как растет новое поколение, создающее в жизни новое. За эти годы очень сильно изменился облик Грузии. Нашей дружбе нет границ. И мы особенно рады присутствию на сегодняшнем вечере гостей из Грузии, на вечере, где так счастливо соединяются литература и искусство.

Слово предоставляется Ир. Абашидзе. Он говорит, что в Грузии не только знают, но и любят замечательного поэта и человека Н. С. Тихонова — старого друга, который вот уже 35 лет создает вместе с нами нашу грузинскую литературу. Ир. Абашидзе благодарит Н. Тихонова и руководителей Центрального Дома литераторов за проведение вечера и просит поэта А. Межирова прочитать выполненные им переводы его стихов. А. Межиров прочитал два стихотворения из цикла «По следам Руставели».

Затем скульптор Отар Меликишвили благодарит за теплый прием и любовь, проявленную к работам чеканщиков Грузии; он подчеркивает, что история прикладного искусства Грузии уходит своими корнями далеко вглубь веков, и коротко останавливается на истории зарождения и развития грузинской керамики и чеканки, получивших особый размах после установления в Грузии Советской власти. О. Меликишвили отмечает также, что у грузинских чеканщиков органично сочетаются старое и новое. Если представленные экспонаты понравились москвичам и их гостям, то это для авторов чеканных работ самая большая и радостная награда.

На трибуне поэтесса Ел. Николаевская. Она читает в своем переводе «Первый снег» Арчила Сулакаури и два стихотворения народного поэта Грузии Г. Леонидзе «Тоскую по земле» и «У речки Веры».

Поэт Иосиф Нонешвили говорит, что поскольку сегодня вечер грузинской поэзии, он прочитает свое стихотворение на родном языке. И хотя многие в зале не знали грузинского языка, выступление поэта имело огромный успех. А. Межиров прочитал свой перевод стихотворения И. Нонешвили «Как высекать орнамент?».

Профессор Герберт Маршалл прочитал в своем переводе на английский язык стихотворение Нонешвили, а также специально для этого вечера переведенные им стихи Ир. Абашидзе «Палестина, Палестина...»

После сменившего его на трибуне поэта С. Куныева выступил М. Квливидзе, прочитавший свои стихотворения в переводах Б. Окуджава, Ю. Левитанского и Д. Самойлова.

Коротким, но интересным было выступление одного из начинателей возрождения грузинской чеканки Ир. Очиаури. Он говорил о том, что приехавшие на вечер грузинские художники являются «виновниками» возрождения грузинской чеканки. Правда, сделано пока еще далеко не все, но и представленным в Москве экспонатам чеканки москвичи дали очень высокую оценку.

— Мы знаем, — сказал он, что Москва — большой город, где проходит множество самых разнообразных и интереснейших выставок. Нашу выставку можно было и не заметить, но ее приняли очень хорошо, хотя и для нас самих эта область искусства является новой.

Выступивший далее А. Глезер познакомил собравшихся со своим переводом стихотворения И. Нонешвили, посвященного Галактиону Табидзе, а также со стихами молодых поэтов — Мориса Почишвили «Не думают и говорят» и Тариела Чантурия «Зима».

Ю. Ряшенцев прочитал участникам вечера свой перевод «Растянутого мадригала» Гициана Табидзе, «Павлины в городе» Паоло Яшвили и стихи погибшего в годы Великой Отечественной войны молодого поэта Мирзы Геловани «Полдень», посвященные Ладо Гудиашвили.

Народный художник РСФСР М. Ладур сказал, что о грузинском искусстве нельзя не говорить такими возвышенными словами, как изящество, музыкальность, поэтичность. А чеканка Грузии! Она — чудесна! Тот простой металл, который мы видели, после работы над ним чеканщиков — поэтичен. Видишь, как под их «волшебными» руками металл ожил. — Недавно, — говорит М. Ладур, — мы возвратились из командировки в Грузию. Находясь в этой братской республике, мы видели искрен-

ность таланта души. Такая глубина искусства подкупает.

Р. Сеф подчеркнул, что чеканщики Грузии создали пластические образы, совершенно не претенциозные и очень умные. Глядя на эти произведения, так и хочется писать стихи, но... только хорошие. Тут же молодой поэт прочитал стихи Паоло Яшвили, посвященные Нико Лордкипанидзе.

С. Михалков говорит, что поэты Грузии — старые друзья москвичей. Касаясь же представленных на выставке произведений художников-чеканщиков, он отметил, что каждое из них — поэма. Эта выставка возвращается сейчас в Грузию. Но откуда ей предстоит совершить путь в Западную Европу, сначала — в Югославию, а затем во Францию. Пожелаем же грузинской чеканке большого успеха за рубежом, тем более, что нет сомнения в том, что она покорит Европу. Культура грузинского народа нам очень близка. Обращаясь к грузинским друзьям, С. Михалков говорит от имени московских литераторов: — Приезжайте к нам почаще. «Сакартвелოს გაუმადჯოს!».

В завершение первой части вечера выступил Н. Тихонов. Поскольку этот вечер проводился в ходе подготовки к юбилею Шота Руставели, он прочитал свой перевод стихотворения Г. Леонидзе «Книга, носящая тигровую шкуру» и поблагодарил участников вечера за доставленную ими большую радость.

Во второй части вечера состоялся концерт, в котором приняли участие заслуженная артистка республики Маргарита Чхеидзе, солистка Московской филармонии Людмила Геловани, заслуженная артистка республики, лауреат международных конкурсов Марина Яшвили, солист Тбилисского театра оперы и балета имени Палиашвили Тенгиз Зеинклишвили, а также московские артисты. В заключение вечера были показаны научно-популярные и документальные фильмы «Пиромания», «Ладо Гудиашвили» и «Древняя чеканка Грузии».

Подписано к печати 13 июля 1966 г. 6 печ. листов. Формат бумаги 71 × 106¹/₂ лл.
Заказ № 2167 Тираж 1900 УЭ 06799

Цена 40 коп.

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются

ქურონალი «ლიტერატურა და ხელოვნება» (რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის გამომცემლობა «ლიტერატურა და ხელოვნება»

Полиграфкомбинат издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, ул. Ленина № 14.

ср. 10/68

ИНДЕКС
76117

Цена 40 к.